

Н. С. ЛЪСКОВЪ

ПОЛНОЕ
СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ

ИЗДАНИЕ А. М. МАРИСА

С. ПЕТЕРБУРГЪ. cin.org.pl

<http://rcin.org.pl>

E. G. J. B. C. H. O. W. A.

LIBRARY
UNIVERSITY OF TORONTO
100 ST. GEORGE STREET
TORONTO, ONT. M5S 1A5

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ
Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA

00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-63

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

1902.

<http://rcin.org.pl>

Типографія А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

24.124/3-5

ЗАПЕЧАТЛѢННЫЙ АНГЕЛЬ.

SYSTEMA TYPISZKI WILKIN

<http://rcin.org.pl>

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Дѣло было о святкахъ, наканунѣ Васильева вечера. Погода разгулялась самая немилостивая. Жесточайшая поземная пурга, изъ тѣхъ, какими бывають славны зимы на степномъ заволжьи, загнала множество людей въ одинокій постоялый дворъ, стоящій бобылемъ среди гладкой и необозримой стени. Тутъ очутились въ одной кутѣ дворяне, купцы и крестьяне, русскіе, и мордва, и чуваши. Соблюдать чины и ранги на такомъ ночлегѣ было невозможно: куда ни повернись, вездѣ тѣснота, одни сушатся, другіе грѣются, третьи ищуть хотя маленькаго мѣстечка, гдѣ бы пріютиться; по темной, низкой, переполненной народомъ избѣ, стоитъ духота и густой паръ отъ мокраго платья. Свободнаго мѣста нигдѣ не видно: на полатяхъ, на печкѣ, на лавкахъ и даже на грязномъ земляномъ полу, вездѣ лежать люди. Хозяинъ, суровый мужикъ, не радъ былъ ни гостямъ, ни наживѣ. Серdito захлопнувъ ворота за послѣдними, добившимися на дворъ санями, на которыхъ пріѣхали два купца, онъ заперъ дворъ на замокъ и, повѣсивъ ключъ подъ божницую, твердо молвилъ:

— Ну, теперь кто хочешь, хоть головой въ ворота бейся, не отворю.

Но едва онъ успѣлъ это выговорить и, снявъ съ себя обширный овчинный тулупъ, перекрестился древнимъ большимъ крестомъ и приготовился лѣзть на жаркую печку, какъ кто-то робкою рукой застучалъ въ стекло.

— Кто тамъ?—кликнулъ громкимъ и недовольнымъ голосомъ хозяинъ.

— Мы,—отвѣтили глухо изъ-за окна.

— Ну-у, а чего еще надо?

— Пусти, Христа ради, сбились... обмерзли.

— А много ли вась?

— Не много, не много, восемнадцатеро всего, восемнадцатеро,—говорилъ за окномъ, заикаясь и щелкая зубами, очевидно, совсѣмъ переязбннй человѣкъ.

— Некуда мнѣ вась пустить, вся изба и такъ народомъ укладена.

— Пусти хоть малость обогрѣться!

— А кто же вы такіе?

— Извозчики.

— Порожнемъ или съ возами?

— Съ возами, родной, шкурѣ веземъ.

— Шкурѣ! шкурѣ везете, да въ избу ночевать проситесь. Ну, люди на Руси настаютъ! Пошли прочь!

— А что же имъ дѣлать?—спросилъ проѣзжій, лежавшій подъ медвѣжьей шубой на верхней лавкѣ.

— Валить шкурѣ, да спать подъ нимъ, вотъ что имъ дѣлать,—отвѣчалъ хозяинъ и, ругнувъ еще хорошенько извозчиковъ, легъ неподвижно на печь.

Проѣзжій изъ-подъ медвѣжьей шубы въ тонѣ весьма энергическаго протеста выговаривалъ хозяину на жестокость, но тотъ не удостоилъ его замѣчанія ни малѣйшимъ отвѣтомъ. Зато вмѣсто его откликнулся изъ дальняго угла небольшой рыженькій человѣчекъ, съ острою, клиномъ, бородкой.

— Не осуждайте, милостивый государь, хозяина,—заговорилъ онъ:—онъ это съ практики беретъ и внушаетъ правильно,—со шкурѣмъ безопасно.

— Да?—отозвался вопросительно проѣзжій изъ-подъ медвѣжьей шубы.

— Совершенно безопасно—съ, и для нихъ это лучше, что онъ ихъ не пускаетъ.

— Это почему?

— А потому, что они теперь изъ этого полезную практику для себя получили, а между тѣмъ, если еще кто безпомощный добьется сюда, ему мѣстечко будетъ.

— А кого теперь еще понесетъ чортъ?—молвила шуба.

— А ты слушай,—отозвался хозяинъ:—ты не болтай пустыхъ словъ. Развѣ супостатъ можетъ сюда кого-нибудь

прислать, гдѣ этакая святыня? Развѣ ты не видишь, что тутъ и Спасова икона, и Богородичный ликъ.

— Это вѣрно,—поддержалъ рыженый человѣкъ. — Всякаго спасеннаго человѣка не Еюіонъ ведетъ, а ангель руководствуетъ.

— А вотъ я этого не видалъ, и какъ мнѣ здѣсь очень скверно, то и не хочу вѣрить, что меня сюда завелъ мой ангель,—отвѣчала словоохотливая шуба.

Хозяинъ только сердито сплюнулъ, а рычачокъ добродушно молвилъ, что ангельскій путь не всякому зримъ и объ этомъ только настоящій практикъ можетъ получить понятіе.

— Вы объ этомъ говорите такъ, какъ будто сами вы имѣли такую практику,—проговорила шуба.

— Да-съ, ее и имѣлъ.

— Что же это: вы видѣли, что ли, ангела, и онъ васъ водилъ?

— Да-съ, я его и видѣлъ, и онъ меня руководствовалъ.

— Что вы шутите или смѣтаетесь?

— Боже меня сохрани такимъ дѣломъ шутить?

— Такъ что же вы такое именно видѣли: какъ вамъ ангель являлся?

— Это, милостивый государь, цѣлая большая исторія.

— А знаете ли, что тутъ уснуть рѣшительно невозможно, и вы бы отлично сдѣлали, если бы теперь рассказали намъ эту исторію.

— Извольте-съ.

— Такъ рассказывайте, пожалуйста: мы васъ слушаемъ. Но только что же вамъ тамъ на колѣняхъ стоять, вы идите сюда къ намъ, авось какъ-нибудь потѣсимся и усядемся вмѣстѣ.

— Нѣтъ-съ, на этомъ благодарю-съ! Зачѣмъ васъ стѣснять, да и къ тому же повѣсть, которую я предъ вами поведу, пристойнѣе на колѣняхъ стоя сказывать, потому что это дѣло весьма священное и даже страшное.

— Ну, какъ хотите, только скорѣе сказывайте, какъ вы могли видѣть ангела и что онъ вамъ сдѣлалъ.

— Извольте-съ, я начинаю.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

— Я, какъ несомнѣнно можете по мнѣ видѣть, человѣкъ совсѣмъ незначительный, я болѣе ничего какъ мужикъ, и

воспитаніе свое получилъ по состоянію, самое деревенское. Я не здѣшній, а дальній, рукоесломъ и каменщикъ, а рожденъ въ старой русской вѣрѣ. По сиротству моему и сызмальства пошелъ со своими земляками въ отходныя работы и работалъ въ разныхъ мѣстахъ, но все при одной артели, у нашего же крестьянина, Луки Кирилова. Этотъ Лука Кириловъ живъ по сіи дни: онъ у насъ самый первый рядчикъ. Хозяйство у него было стародавнее, еще отъ отцовъ заведено, и онъ его не расточилъ, а преумножилъ и создалъ себѣ житницу велику и обильну, но былъ и есть человѣкъ прекрасный и не обидчикъ. И ужъ зато куда-куда мы съ нимъ ни ходили? Кажется, всю Россію изошли, и нигдѣ я лучше и степеннѣе его, хозяина, не видалъ. И жили мы при немъ въ самой тихой патриархіи, онъ у насъ былъ и рядчикъ, и по промыслу и по вѣрѣ наставникъ. Путь свой на работахъ мы проходили съ нимъ точно іудей въ своихъ странствіяхъ пустынныхъ съ Моисеемъ, даже скинію свою при себѣ имѣли и никогда съ нею не разставались: то-есть имѣли при себѣ свое «Божіе благословіе». Лука Кириловъ страстно любилъ иконописную святыню, и были у него, милостивые государи, иконы все самыя пречудныя, письма самаго искуснаго, древняго, либо настоящаго греческаго, либо первыхъ новгородскихъ или строгановскихъ изографовъ. Икона противъ иконы лучше сіяли не столько окладами, какъ острою и плавностью предивнаго художества. Такой возвышенности я уже послѣ нигдѣ не видѣлъ!

И что были за во-имя разныя и Деисусы, и Неруководенный Спасъ съ омоченными власы, и преподобные, и мученики, и апостолы, а всего дивнѣе многочисныя иконы съ дѣянїями, каковыя, напримѣръ, Индиктъ: праздники, Страшный Судъ, Святцы, Соборы, Отечество, Шестодневъ, Цѣлебникъ, Седьмица съ предстоящими; Троица съ Авраамліямъ поклоненіемъ у дуба Мамврїйскаго, и, однимъ словомъ, всего этого благолѣпія не изрещи, и такихъ иконъ нынче уже нигдѣ не напишутъ, ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ, ни въ Палиховѣ; а о Греціи и говорить нечего, такъ какъ тамъ эта наука давно затеряна. Любили мы всѣ эту свою святыню страстною любовью и сообща предъ нею святой елей теплили, и на артельный счетъ лошадей содержали и особую повозку, на которой везли это Божіе благословіе

въ двухъ большихъ коробьяхъ всюду, куда сами шли. Особенно же были при насъ двѣ иконы, одна съ греческихъ переводовъ старыхъ московскихъ царскихъ мастеровъ: Пресвятая Владычица въ саду молится, а передъ Нею всѣ дерева кипарисы и оливы до земли преклоняются; а другая Ангелъ Хранитель, Строганова дѣла. Изрещи нельзя, что это было за искусство въ сихъ обѣихъ сватыняхъ! Глянешь на Владычицу, какъ предъ ея чистотою бездушныя деревья преклонились, сердце таетъ и трепещетъ; глянешь на Ангела... радость! Сей Ангелъ воистину былъ что-то неописуемое. Лишь у него, какъ сейчасъ вижу, самый свѣтлобожественный и этакій скоропомощный: взоръ умиленъ; ушки съ тороцами, въ знакъ повсемѣстнаго отвсюду слышанія; одѣянье горитъ, рисны золотыми преиспещрено; доспѣхъ пернатъ, рамена препоясаны; на персяхъ младенческой ликъ Эмануилевъ; въ правой рукѣ крестъ, въ лѣвой огненпалачій мечъ. Дивно! дивно!.. Власы на головкѣ кудреваты и русы, съ ушей повились и проведены волосокъ къ волоску иглолочкой. Крылья же пространны и бѣлы какъ снѣгъ, а исподъ лазурь свѣтлая, перо къ перу, и въ каждой бородкѣ пера усикъ къ уску. Глянешь на эти крылья, и гдѣ твой весь страхъ дѣнется; молисья: «осѣни», и сейчасъ весь стинаешь, и въ душѣ станетъ миръ. Вотъ эта была какая икона! И были-съ эти два образа для насъ все равно, что для жидовъ ихъ Святая Святыхъ, чуднымъ Веселила художествомъ изукрашенная. Всѣ тѣ иконы, о которыхъ я впередь сказалъ, мы въ особой коробѣ на конѣ возили, а эти двѣ даже и на возѣ не поставляли, а носили: Владычицу завсегда при себѣ Луки Кирилова хозяйка Михайлица, а Ангелово изображеніе самъ Лука на своей груди сохранялъ. Былъ у него такой для сей иконы сдѣланъ парчевой кошель на темной пестряди и съ луговицей, а на передней сторонѣ алый крестъ изъ настоящаго шгофу, а вверху пришить толстый зеленый шелковый шнуръ, чтобы вокругъ шеи обвестъ. И такъ икона въ семь содержаніи у Луки на груди всюду, куда мы шли, впереди насъ предходила, точно самъ Ангелъ намъ предшествовалъ. Идемъ, бывало, съ мѣста на мѣсто, на новую работу степеняи, Лука Кириловъ впереди всѣхъ нарѣзнымъ сажнемъ вмѣсто палочки помахвасть, за нимъ на возу Михайлица съ Богородичною иконой, а за ними мы всѣ артелью выступаемъ, а тутъ въ

подъ травы, цвѣты по лугамъ, индѣ стада пасутся и свирѣць на свирѣли играетъ... то-есть просто сердцу и уму восхищеніе! Все шло намъ прекрасно и дивная была намъ въ каждомъ дѣлѣ удача: работы всегда находились хорошія; промежду собою у насъ было согласіе; отъ домашнихъ приходили все вѣсти спокойныя: и за все это благословляли мы предходящаго намъ Ангела, и съ пречудною его иконою, кажется, труднѣе бы чѣмъ съ жизнію своею не могли разстаться.

Да и можно ли было думать, что мы какъ-нибудь, по какому ни есть случаю, сей нашей драгоценнѣйшей самой святыни лишимся? А между тѣмъ, такое горе насъ ожидало и устроилось намъ, какъ мы послѣ только уразумѣли, не людскимъ коварствомъ, а самого онаго Путеводителя нашего смотрѣніемъ. Самъ онъ возжелалъ себѣ оскорбленія, дабы дать намъ свято постичь скорбь и тою указать намъ истинный путь, предъ которымъ все до сего часа исхоженные нами пути были, что дѣбрь темная и безслѣдная. Но позвольте узнать, занята ли моя повѣсть и не напрасно ли я ея ваще вниманіе утруждаю?

— Нѣтъ: какъ же, какъ же: сдѣлайте милость продолжайте! — воскликнули мы, заинтересованные этимъ разговоромъ.

— Извольте-съ, послушествую вамъ и, какъ сумѣю, начну излагать бывшія съ нами дивныя дивеса отъ Ангела.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Пришли мы для большихъ работъ подъ большой городъ, на большой текучей водѣ, на Днѣпрѣ рѣкѣ, чтобы тутъ большой и нынѣ весьма славный каменный мостъ строить. Городъ стоитъ на правомъ крутомъ берегу, а мы стали на лѣвомъ, на луговомъ, на отложистомъ, и объявился предъ нами весь чудный пейзажъ: древніе храмы, монастыри святыя со многими святыхъ мощами: сады густые и деревья таковыя какъ по старымъ книгамъ въ заставкахъ пишутся, то-есть островерхіе тополи. Глядишь на все это, а самого за сердце словно кто щипать станеть, такъ прекрасно! Знаете, конечно, мы люди простые, но преизящество богозданной природы все же ощущаемъ.

И вотъ-съ это мѣсто намъ такъ жестоко полюбилось, что мы въ тотъ же самый въ первый день начали тутъ по-

стройку себѣ временнаго жилища, сначала забили высокенькія сваечки, потому что мѣсто тутъ было низменное, возлѣ самой воды, потомъ на тѣхъ сваяхъ стали собирать горницу и при ней чуланъ. Въ горницѣ поставили всю свою святыню, какъ надо, по отеческому закону: въ протяженности одной стѣны складной иконостасъ раскинули въ три пояса, первый поклонный для большихъ иконъ, а выше два тябла для меньшенихъ, и такъ возвели какъ должно лѣстницу до самаго распятія, а Ангела на аналогіи положили, на которомъ Лука Кириловъ Писаніе читалъ. Самъ же Лука Кириловъ съ Михайлицей стали въ чуланчикѣ жить, а мы себѣ рядомъ казаромку сгородили. На насъ гляючи, то же самое начали себѣ строить и другіе, которые пришли надолго работать, и вотъ сталъ у насъ противъ великаго основательнаго города свой легкій городокъ на сваяхъ. Занились мы работой, и пошло все какъ надо! деньги за расчетъ у англичанъ въ конторѣ вѣрныя; здоровье Богъ посылалъ такое, что во все лѣто ни одного больного не было, а Лукина Михайлица даже стала жаловаться, что сама, говорить, я не рада, какая у меня по всѣмъ частямъ полнота пошла. Особенно же намъ, старовѣрамъ, тутъ нравилось, что мы въ тогдашнее время повсюду за свой обрядъ гоненію подвергались, а тутъ намъ была льгота: нѣтъ здѣсь ни городского начальства, ни уѣзднаго, ни попа; никого не зримъ, и никто нашей религіи не касается и не препятствуетъ... Вволю молились; отработаемъ свои часы и соберемся въ горницу, а тутъ уже вся святыня отъ многихъ лампадъ такъ сіяетъ, что даже сердце разгорается. Лука Кириловъ положить благословящій началъ; а мы всѣ подхватимъ, да такъ и славимъ, что даже иной разъ при тихой погодѣ далеко за слободою слышно. И никому наша вѣра не мѣшала, а даже какъ будто еще многимъ по обычаю приходила и нравилась: не только однимъ простымъ людямъ, которые къ богочителству по русскому образцу склонны, но и иновѣрамъ. Много изъ церковныхъ, которые благочестиваго нрава, а въ церковь за рѣку ѣздить некогда, бывало стануть у насъ подъ окнами и слушаютъ и молятся начнутъ. Мы имъ этого снаружи не возбраняли: всѣхъ отогнать нельзя, потому даже и иностранцы, которые старымъ русскимъ обрядомъ интересовались, не разъ приходили наше ивѣніе слушать и одобряли. Главный строитель изъ англи-

чанъ, Яковъ Яковлевичъ, тотъ, бывало, даже съ бумажкой подъ окномъ стоять приходилъ и все норовилъ, чтобы на ноту наше гласованіе замѣчать и потомъ, бывало, ходить по работамъ, а самъ все про себя въ нашемъ родѣ гудеть: «Бо-Господь и явился намъ», но только все это у него, разумѣется, выходило на другой штыль, потому что этого пѣнія, расположеннаго по крюкамъ, новою западною нотою въ совершенствѣ уловить невозможно. Англичане, чести имъ приписать, сами люди обстоятельные и набожные, и они насъ очень любили и за хорошихъ людей почитали и хвалили. Однимъ словомъ, привелъ насъ Господень Ангель въ доброе мѣсто и открылъ намъ всѣ сердца людей и весь пейзажъ природы.

И сему-то подобнымъ мирственнымъ духомъ, какъ я вамъ представилъ, жили мы безъ малаго яко три года. Спорилось намъ все, изливались на насъ всѣ успѣхи точно изъ Амалфеева рога, какъ вдругъ узрѣли мы, что есть посреди насъ два сосуда избранія Божія къ нашему наказанію. Одинъ изъ таковыхъ былъ ковачъ Марой, а другой—счетчикъ Пимень Ивановъ. Марой былъ совсѣмъ простецъ, даже неграмотный, что по старообрядчеству даже рѣдкость, но онъ былъ человѣкъ особенный: видомъ неуклюжъ, на подобіе верблюда, и нѣдристь какъ кабанъ — одна пазуха въ полтора обхвата, а лобъ весь заросшій крутою космой и точно мраволевъ старый, а середь головы на маковкѣ гуменцо простригалъ. Рѣчь онъ имѣлъ тупую и невразумительную, все шавкала губами, и умъ у него былъ тугой и для всего столь нескладный, что онъ даже заучить на память молитвъ не умѣлъ, а только все, бывало, одно какое-нибудь слово твердисловить, но былъ на предбудущее прозорливъ и имѣлъ даръ вѣщевать и могъ собычивые намеки подавать. Пимень же, напротивъ того, былъ человѣкъ щановатый: любилъ держать себя очень форсисто и говорилъ съ такимъ хитрымъ извитіемъ словъ, что удивляться надо было его рѣчи; но зато характеръ имѣлъ легкій и увлекательный. Марой былъ пожилой человѣкъ, за семьдесятъ лѣтъ, а Пимень средовѣкъ и изященъ: имѣлъ волосы курчавые, посрединѣ проборъ; брови кохловатыя, лицо съ подрумяночкой, словомъ, велиарь. Вотъ въ сихъ двухъ сосудахъ и забродила вдругъ одетность терикаго питія, которое надлежало намъ испить.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Мостъ, который мы строили на восьми гранитныхъ быкахъ, уже высоко надъ водой возросъ, и въ лѣто четвертаго года мы стали на тѣ столбѣ желѣзныя цѣпи закладывать. Только тутъ было вышла маленькая задержка: стали мы разбирать эти звенья и пригонять по мѣркамъ къ каждой дункѣ стальные заклепы, какъ оказалось, что многіе болты длинны, и отсѣгать ихъ надо, а каждый тотъ болтъ,— по-аглички штанга стальная, и дѣланы они всѣ въ Англии,— отлить изъ крѣпчайшей стали и толщины въ руку рослаго человѣка. Нагрѣвать этихъ болтовъ было нельзя, потому что тѣмъ сталь отпускается, а пилить ее никакой инструментъ не бралъ: но на все на это нашъ Марой ковачъ изымѣлъ вдругъ такое средство, что облѣпить это мѣсто, гдѣ надо отсѣчь, густою колоникой изъ телѣжнаго колеса съ песковымъ жвиромъ, да и сунуть всю эту штуку въ свѣтъ, и еще вокругъ солью осыпать, и вертить и крутить; а потомъ оттуда ее сразу выхватить, да на горячее ковало, и какъ треснетъ бабдой, такъ какъ восковую свѣчу будго ножницами и отстрижетъ. Англичане всѣ и нѣмцы приходили на это хитрое Мароево умудрѣнье смотрѣли, и глядятъ, глядятъ, да вдругъ разсмѣются и заговорятъ сначала промежь себя по-своему, а потомъ на нашемъ языкѣ скажутъ:

— Такъ, русскъ! Твой молодецъ; твой коронъ физикъ понимай!

А какой тамъ «физикъ» могъ понимать Марой: онъ о наукѣ никакого и понятія не имѣлъ, а произвелъ просто какъ его Господь умудрилъ. А нашъ Пимень Ивановъ и пошелъ объ этомъ бахвалить. Значить и пошелъ въ обѣ стороны худо: одни все причитали къ наукѣ, о которой тотъ нашъ Марой и помыслу не зналъ, а другіе заговорили, что надъ нами-де видимая Божія благодать творить дивеса, какихъ мы никогда и не зрѣли. И эта послѣдняя вещь была для насъ горше первыя. Я вамъ докладывалъ, что Пимень Ивановъ былъ слабый человѣкъ и любосластецъ, а теперь объясню, зачѣмъ мы его, однако, въ своей артели содержали; онъ у насъ ѣздилъ въ городъ за провизіей, закупалъ какія надо покупки; мы его посылали на почту паспорта и деньги ко дворамъ отправлять и назадъ новые паспорта онъ отбиралъ. Вообще, вотъ всю этакую справу чинилъ и, по

правдѣ сказать, былъ онъ намъ человѣкъ въ этомъ родѣ нужный и даже очень полезный. Настоящій степенный старовѣръ, разумѣется, всегда подобной суеты чуждается и отъ общенія съ чиновниками ъбжитъ, ибо отъ нихъ мы, кромѣ досажденія, ничего не видѣли, но Пимень радъ суетѣ, и у него на томъ берегу въ городѣ завелось самое изобильное знакомство: и торговцы, и господа, до которыхъ ему по артельнымъ дѣламъ бывали касательства, всѣ его знали и почитали его за перваго у насъ человѣка. Мы этому случаю, разумѣется, посмѣивались, а онъ страсть какъ былъ охочъ съ господами чай пить да велерѣчить: тѣ его нашимъ старшивою величаютъ, а онъ только улыбается, да по нутру свою бороду разстилаетъ. Однимъ словомъ сказать, пустоина! И занесло этого нашего Пимена къ одному немаловажному лицу, у котораго была жена изъ нашихъ мѣсть родомъ, такая была тоже словесница, и начиталась она про насъ какихъ-то новыхъ книгъ, въ которыхъ неизвѣстно намъ, что про насъ писано, и вдругъ не знаю, съ чего-то ей пришло на умъ, что она очень старовѣровъ любитъ. Вотъ вѣдь удивительное дѣло: къ чему она избралась сосудомъ! Ну, любить насъ и любить, и всегда, какъ нашъ Пимень зачѣмъ къ ея мужу придетъ, она его сейчасъ непременно сажаетъ чай пить, а тотъ тому и радъ, и разовѣтъ предъ ней свои свитки.

Та своимъ бабынмъ языкомъ суерѣчить, что вы-де, старовѣрцы, и такіе-то и вотъ этакіе-то, святые, праведные, присноблаженные, а нашъ велиаръ очи разоцѣ раскосить, головушку на-бокъ, бороду маслитъ, а голосомъ сластитъ:

— Какъ же, государыня. Мы-де отеческій законъ блюдемъ, мы и такія-то, мы и вотъ этакія-то правила содержимъ и другъ друга за чистотою обычая смотримъ, и словомъ, говорить ей все такое, что совсѣмъ къ разговору съ мірскою женщиной не принадлежащее. А межъ тѣмъ та, представьте, интересуется.

— Я слыхала, говорить, что къ вамъ Божіе благословіе видимо, говорить, проявляется.

А тотъ сейчасъ и подхватываетъ:

— Какъ же, отвѣчаетъ, матушка, проявляется; весьма зримо проявляется.

— Видимо?

— Видимо, говорить, государыня, видимо. Вотъ еще

на сихъ дняхъ нашъ одинъ человѣкъ могучую сталь какъ паутину щипаль.

Барынька такъ и всплеснула ручонками.

— Ахъ, говорить,—какъ интересно! ахъ, я ужасно люблю чудеса и вѣрю въ нихъ! Знаете, говорить, прикажите вы, пожалуйста, своимъ старовѣрамъ, чтобъ они помолились, чтобы мнѣ Богъ дочь далъ. У меня есть два сына, но мнѣ непременно хочется одну дочь. Можно это?

— Можно-съ,—отвѣчаетъ Пимень;—отчего же-съ; очень можно! Только, говорить, въ таковыхъ случаяхъ надо всегда, чтобъ отъ васъ жертвенный елей теплился.

Та съ великимъ своимъ удовольствіемъ даетъ ему на масло десять рублей, а онъ деньги въ карманъ и говорить:

— Хорошо-съ, будьте благонадежны, я повелю.

Намъ объ этомъ Пимень, разумѣется, ничего не сказываетъ, а у барыни родится дочь.

Фу! та такъ и занумѣла, еще послѣ родовъ обмогнуться не успѣла, какъ зоветъ нашего пустошу и чувствуетъ его, словно бы онъ самъ былъ тотъ чудотворецъ, а онъ и это пріемлетъ. Вотъ вѣдь до чего осуетится человѣкъ и омрачнѣетъ умъ его, и оледенѣютъ чувства. Черезъ годъ у госпожи опять до нашего Бога просьба, чтобы мужъ ей дачу на лѣто нанялъ, — и опять все ей, по ея желанію, дѣлается, а Пимену все на свѣщи да на елей жертвы, а онъ эти жертвы куда надо, на нашъ бокъ не переплавляя, при-страиваетъ. И дивеса, дѣйствительно, дѣялись непонятныя: былъ у этой госпожи старшій сынъ въ училищѣ и былъ онъ первый потаскунъ и лѣнивый нетягъ, и ничему не учился, но какъ пришло дѣло къ экзамену, она шлетъ за Пименомъ и даетъ ему заказъ помолиться, чтобъ ея сына въ другой классъ перевели. Пимень говорить:

— Дѣло трудное; надо мнѣ будетъ всѣхъ своихъ на всю ночь на молитву согнать и до утра со свѣщами вопіять.

А та ни за что не стоитъ; тридцать рублей ему вручила, только молитесь! И что же вы думаете? Выходитъ такое счастье этому ея блудягѣ сыну, что переводятъ его въ высшій классъ. Барыня мало отъ радости съ ума не сошла, что за ласки такія нашъ Богъ ей дѣлаетъ! Заказъ за заказомъ стала давать Пимену, и онъ ей уже выхлопоталъ у Бога и здоровья, и наслѣдство, и мужу чинъ большой, и орденовъ столько, что всѣ на груди не вмѣщались, такъ

одинъ онъ въ карманѣ, говорятъ, носилъ. Диво да и только, а мы все ничего не знаемъ. Но насталъ часъ всему этому обличиться и премѣниться однимъ девисамъ на другія.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Замутилось что-то въ одномъ жидовскомъ городѣ той губерніи по торговой части у жидовъ. Не скажу вамъ навѣрное, деньги ли они неправильныя имѣли, или какой безошлинный торгъ производили, но только надо было это начальству раскрыть, а тутъ награда предвидѣлась велемошная. Вотъ барынька и шлетъ за нашимъ Пименомъ и говоритъ:

— Пименъ Ивановичъ, вотъ вамъ двадцать рублей на свѣчи и на масло; велите своимъ какъ можно усерднѣе молиться, чтобы въ эту командировку моего мужа послали.

Тому какое горе! Онъ уже разохотился эту елеиную подать-то собирать, и отвѣчаетъ:

— Хорошо, государыня, я повелю.

— Да, чтобъ они хорошенько, говорятъ, молились, потому мнѣ это очень нужно!

— Смѣютъ ли же они, государыня, у меня плохо молиться, когда я приказываю, — заспокоилъ ее Пименъ: — я ихъ голодомъ запоцую, пока не вымолятъ, — взялъ деньги да и былъ таковъ, а барину въ ту же ночь желанное его супругою назначеніе сдѣлано.

Ну, уже тутъ ей такъ отъ этой благодати въ лобъ вступило, что она недовольна сдѣлалась нашей молитвой, а возжелала непременно сама нашей святыни пославословить.

Говоритъ она объ этомъ Пимену, а онъ струсиль, потому зналъ, что наши ее до своей святыни не допустить; но барыня не отстаеть.

— Я, говоритъ, какъ вы хотите, сегодня же предъ вечеромъ возьму лодку и къ вамъ съ сыномъ приѣду.

Пименъ ее уговаривалъ, что лучше, говоритъ, мы сами помолитвимъ; у насъ есть такой Ангель-Хранитель, вы ему на елей пожертвуйте, а мы ему супруга вашего и доверимъ сохранять.

— Ахъ, прекрасно, — отвѣчаетъ: — прекрасно; я очень рада, что есть такой Ангель; вотъ ему на масло, и зажгите предъ нимъ непременно три лампады, а я приѣду посмотреть.

Пимену плохо пристигло, онъ и пришелъ, да и ну намъ виноватиться, что такъ-де и такъ, я, говорить,—ей, еллинкѣ гадостной, не перечилъ, когда она желала, потому какъ мужъ ея намъ человекъ нужный, и насаказалъ намъ съ три короба, а всего, что онъ дѣлалъ, все-таки не высловить. Ну, сколь намъ было это ни неприятно, но дѣлать было нечего; мы поскорѣе свои иконы со стѣнъ снимали, да попрятали въ коробки, а изъ коробей кое-какія замѣнныя заставки, что содержали страха ради чиновничьяго нашествия, въ тѣблы поставили и ждемъ гостейку. Она и прѣхала; такая-то разфуфыренная, что страхъ; широкими да долгими своими ометами такъ и мететь и все на тѣ наши замѣнные образа въ лорнетку смотреть и спрашиваетъ: «скажите, пожалуйста, который же тутъ чудотворный Ангелъ?» Мы уже не знаемъ, какъ ее и отбить отъ такого разговора:

— У насъ, говоримъ, такового Ангела нѣтъ.

И какъ она ни добивалась, и Пимену выговаривала, но мы ей Ангела не показали, и скорѣе ее чаемъ повели поить и какими имѣли закусками угощать.

Страшно она намъ не понравилась, и Богъ знаетъ почему: видъ у нея былъ какой-то оттолкновенный, даромъ, что она будто красивою почиталась. Высокая, знаете, этакая цыбастая, тоненькая, какъ сойга, и бровеносная.

— Вамъ этакая красота не нравится? — перебила разсказчика медвѣжья шуба.

— Помилуйте, да что же въ змѣвидности можетъ нравиться?—отвѣчалъ онъ.

— У васъ что же почитается красотой, чтобы женщина на кочку была похожа?

— Кочку!—повторилъ, улыбувшись и не обижаясь, разсказчикъ. — Для чего же вы такъ полагаете? У насъ въ русскомъ настоящемъ понятіи насчетъ женскаго сложенія соблюдается свой типъ, который по нашему гораздо нынѣшняго легкомыслія соответственнѣе, а совсѣмъ не то, что кочка. Мы длинныхъ цыбовъ точно не уважаемъ, а любимъ, чтобы женщина стояла не на долгихъ ножкахъ, да на крѣпionychъ, чтобы она не пугалась, а какъ шарокъ всюду каталась и поспѣвала, а цыбастенькая побѣжитъ да спотыкнется. Змѣвидная товина у насъ тоже не уважається, а требуется, чтобы женщина была изъ себя понѣдристѣе

и съ пазушкой, потому оно хотя это и не такъ фигурно, да зато материнство въ ней обозначается, лобочки въ нашей настоящей чисто-русской женской породѣ, хоть потѣльнѣе, помястнѣе, а зато въ этомъ мягкомъ лобочкѣ веселости и привѣта больше. То же и насчетъ носика: у нашихъ носики не горбылемъ, а все будто пипочкой, но этакая пипочка, она, какъ вамъ угодно, въ семейномъ быту гораздо благоуважливѣе, чѣмъ сухой гордый носъ. А особливо бровь; бровь въ лицѣ видъ открываетъ, и потому надо, чтобы бровочки у женщины не сунились, а были пооткрытнѣе, дужкою, ибо къ таковой женщины и заговорить человѣку повадливѣе и совсѣмъ она иное на всякаго, къ дому располагающее впечатлѣніе имѣетъ. Но нынѣшній вкусъ, разумѣется, отъ этого добраго типа отсталъ и одобряетъ въ женскомъ полѣ воздушную эфемерность, но только это совершенно напрасно. Однако, позвольте, я вижу, мы уже не про то заговорили. Я лучше продолжать буду:

Нашъ Пимень, какъ суетившійся человѣкъ, видитъ, что мы, проводивъ гостью, стали на нее критику произносить, и говорить:

— Чего вы? она добрая.

А мы отвѣчаемъ: какая, молъ, она добрая? когда у нея добра въ обличьи нѣтъ, но Богъ тамъ съ нею: какая она есть, такая и будь, мы уже рады были, что ее выпроводили и взялись скорѣй ладаномъ курить, чтобъ ея и духомъ у насъ не нахло.

Послѣ сего мы вывели отъ гостюшкиныхъ слѣдковъ горенку; замѣнные образа опять на ихъ мѣсто за перегородку въ коробья уклали, а оттуда достали свои настоящія иконы; размѣстили ихъ по тябламъ, какъ было по старому, покروпили ихъ святой водой; положили началъ и пошли каждый куда ему слѣдовало на почной покой, но только Богъ вѣсть, отчего и зачѣмъ всѣмъ что-то въ ту ночь не спалось и было какъ будто жутко и неспокойно.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Утромъ пошли мы всѣ на работу и дѣлаемъ свое дѣло, а Луки Кирилова нѣтъ. Это, судя по его аккуратности, было удивительно, но еще удивительнѣе мнѣ показалось, что приходитъ онъ часу въ восьмомъ весь блѣдный и разстроенный.

Зная, что онъ человѣкъ съ обладаніемъ и пустымъ скорбямъ не любилъ поддаваться, я и обратилъ на это вниманіе и спрашиваю: «Что такое съ тобою, Лука Кириловъ?» А онъ говоритъ: «Послѣ скажу».

Но я тогда, по молодости моей, страсть какъ былъ любопытенъ и къ тому же у меня вдругъ откуда-то взялось предчувствіе, что это что-нибудь недоброе по вѣрѣ; а я вѣру чтить и невѣромъ никогда не былъ.

А потому не могъ я этого долго терпѣть и подъ какимъ ни есть предлогомъ покинулъ работу и поѣхалъ домой; думаю: пока никого дома нѣтъ, распытаю я что-нибудь у Михайлицы. Хоша ей Лука Кириловъ и не открывался, но она его, при всей своей простотѣ, все-таки какъ-то проницала, а таиться отъ меня она не станетъ, потому что я былъ съ дѣтства сиротою и у нихъ вмѣсто сына возросъ, и она мнѣ была все равно какъ второродительница.

Вотъ-съ я ударяюсь къ ней, а она, гляжу, сидитъ на крылечкѣ въ старомъ шушунѣ на опашку, а сама вся какъ больная, печальная и этакая зеленоватая.

— Что вы, говорю, второродительница, на такомъ мѣстѣ усѣвшись?

А она отвѣчаетъ:

— А гдѣ же мнѣ, Марочка, притулиться?

Меня зовутъ Маркъ Александровъ; но она, по своимъ материнскимъ чувствамъ ко мнѣ, Марочкой меня звала.

— Что это, думаю себѣ, она за пустяки такіе мнѣ говоритъ, что ей негдѣ притулиться?

— А зачѣмъ же, говорю, вы въ чуланчикѣ у себя не ляжете?

— Нельзя, говоритъ, Марочка, тамъ въ большой горницѣ дѣвъ Марой молится.

«Ага! вотъ, думаю, такъ и есть, что что-нибудь по вѣрѣ случилось», а тетка Михайлица и начинается:

— Ты вѣдь, Марочка, небось ничего, дитя, не знаешь, что у насъ тутъ въ ночи случилось?

— Нѣтъ, моль, второродительница, не знаю.

— Ахъ, страсти!

— Расскажите же скорѣе, второродительница.

— Ахъ, не знаю какъ, можно ли это рассказать?

— Отчего же, говорю, не скажете: развѣ я вамъ какой чужой, а не вмѣсто сына?

— Знаю, родной мой,—отвѣчаетъ:—что ты мнѣ вмѣсто сына, ну, только я на себя не надѣюсь, чтобъ я могла тебѣ это какъ надо высловить, потому что глупа я и без-таланна, а вотъ погоди—дядя послѣ шабаша придетъ, онъ тебѣ небось все расскажетъ.

Но я никакъ не могу, чтобы дожидаться, и присталъ къ ней: «скажи да скажи мнѣ сейчасъ, въ чемъ все происшествіе».

А она, гляжу, все моргаетъ, моргаетъ глазами и всѣ у нея глаза дѣлаются полны слезъ и она ихъ вдругъ груднымъ платкомъ обмахнула и тихо мнѣ шепчетъ:

— У насъ, дитя, сею ночью Ангель-Хранитель сошелъ.

Меня отъ всего этого открытія въ трепетъ бросило.

— Говорите, прошу, скорѣе: какъ это диво сталося и кто были онаго дивозрители?

А она отвѣчаетъ:

— Дивеса, дитя, были непостижныя, а дивозрителей никого, кромѣ меня, не было, потому что случилось все это въ самый глухой полунощный часъ, и одна я не спала.

И рассказала она мнѣ, милостивые государи, такую повѣсть:

— Уснувъ, говорить, помолвившись, не помню я сколько спала, но только вдругъ вижу во снѣ пожаръ, большой пожаръ: будто у насъ все погорѣло, и рѣка золу несетъ, да въ завертахъ около быковъ крутить и въ глубь глотаеть, сосеть. А самой насчетъ себя Михайлицѣ кажется, будто она, выскочивъ въ одной ветхой срачицѣ, вся въ дыркахъ, и стоитъ у самой воды, а противъ нея, на томъ берегу стремить высокой красный столбъ, а на томъ столбѣ небольшой бѣлый пѣтухъ и все крыльями машеть. Михайлица будто и говоритъ: «Кто ты такой?» потому что чувствами ей далось знать, что эта птица что-то предвозвѣщаетъ. А пѣтелокъ этотъ вдругъ будто человѣческимъ голосомъ возгласилъ: «Аминь», и сникъ, и его уже нѣтъ, а стала вокругъ Михайлицы тишь, и такое въ воздухѣ тощеніе, что Михайлицѣ страшно дѣлалось и продохнуть нечѣмъ, и она проснулась и лежитъ, а сама слышитъ, что подъ дверями у нихъ барашекъ заблеялъ. И слышно ей по голосу, что это самый молодой барашекъ, съ котораго еще родимое руно не тронуту. Прозвенѣлъ онъ чистымъ серебрянымъ голосочкомъ «бя-я-я», и вдругъ уже чувствуетъ Михайлица, что онъ по молебной горницѣ ходитъ, копытками-то этакъ по

половицамъ чокъ-чокъ-чокъ частенько перебираетъ и все будто кого ищетъ. Михайлица и разсуждаетъ: «Господи Иисусе Христе! что это такое: овецъ у насъ во всей нашей пришлой слободѣ нѣтъ и ягниться нечему, а откуда же это молозиво къ намъ забѣжало?» И въ ту пору стренулася: «Да и какъ, моль, онъ въ избу попалъ? Въдь это, значить, мы во вчерашней суетѣ забыли со двора двери запереть: слава Богу, думаетъ, что это еще агнецъ вскочилъ, а не песъ со двора къ святынѣ забрался». Да и ну съ этимъ Луку будить; «Кирилычъ, кличетъ, Кирилычъ! Прокинъся, голубчикъ, скорѣе, у насъ дверь отворена и какое-съ молозиво въ избу вскочило», а Лука Кириловъ, какъ на сей грѣхъ, мертвымъ сномъ объять спитъ. Какъ его Михайлица ни будить, никакъ не добудится: мычить онъ, а ничего не высловить. Что Михайлица еще жонце трясеть и двизаетъ, то онъ только громче мычить. Михайлица его и стала просить, что «ты, моль, имя-то Иисусово вспомани», но только-что она сама это имя выговорила, какъ въ горниці кто-то завизжитъ, а Лука въ ту же минуту сорвался съ кровати и бросился-было впередъ, но его вдругъ посреди горницы какъ будто мѣдяна стѣна отшибла. «Дуй, баба, огонь! Дуй скорѣе огонь!» — кричитъ онъ Михайлицѣ, а самъ ни съ мѣста. Та запалила свѣчечку и выбѣгаетъ, а онъ блѣднолицъ, какъ осужденный насмертникъ, и дрожить такъ, что не только гапликъ на шеѣ ходитъ, а даже остегны на ногахъ трясутся. Баба опять до него: «Кормилецъ, говорить, что это съ тобой?» А онъ ей только показываетъ перстомъ, что тамъ, гдѣ Ангель былъ, пустое мѣсто, а самъ Ангель у Луки вскрай ногъ на полу лежить.

Лука Кириловъ сейчасъ къ дѣду Марою и говоритъ: такъ и такъ, вотъ что моя баба видѣла и что у насъ сдѣлалось, поди посмотри. Марой пришелъ и сталъ на колыняхъ передъ лежащимъ на полу Ангеломъ и долго стоялъ надъ нимъ недвижимо, какъ измрамранъ надгробникъ, а потомъ, поднявъ руку, почесалъ остриженное гүменцо на маковкѣ и тихо молвилъ:

— Принесите сюда двѣнадцать чистыхъ плинфъ новаго обожженного кирпича.

Лука Кириловъ сейчасъ это принесъ, а Марой осмотрѣлъ плинфы и видитъ, что всѣ они чисты, прямо изъ огненного

горна, и велѣлъ Лука класть ихъ одна на другую, и возвели они такимъ способомъ столбъ, накрыли его чистою ширинкой, вознесли на него икону, и потомъ Марой, положивъ земной поклонъ, возгласилъ:

— Ангель Господень, да проліются стопы твоя аможе хоцещи!

И только что онъ эти слова проговорилъ, какъ вдругъ въ двери стукъ-стукъ-стукъ и незнакомый голосъ зоветъ:

— Эй вы, раскольники: кто у васъ тутъ набольшій?

Лука Кириловъ отворяетъ дверь и видитъ стоитъ солдатъ съ медалью.

Лука спрашиваетъ: какого ему надо набольшаго? А онъ отвѣчаетъ:

— Того самаго, говорить, что къ баринѣ ходилъ, котораго Пименомъ звать.

Ну, Лука сейчасъ бабу за Пименомъ послалъ, а самъ спрашиваетъ: что такое за дѣло? на что его въ ночи по Пимена послали?

Солдатъ говорить:

— Доподлинно не знаю, а слышно что-то тамъ съ бариномъ жиды неловкое дѣло устроили.

А что такое именно, рассказать не можетъ.

— Слыхаль-де, говорить, какъ будто баринъ ихъ запечаталъ, а они его запечатлѣли.

Но какъ это они другъ друга запечатали — ничего вразумительно рассказать не можетъ.

Тѣмъ временемъ подошелъ и Пимень, и самъ, какъ жидъ, то туда, то сюда вертитъ глазами: видно самъ не знаетъ, что сказать. А Лука говорить:

— Что же ты, шпилманъ ты этакій, сталь, ступай теперь производи свое шпилманство въ окончаніе!

Они вдвоемъ съ солдатомъ сѣли въ лодку и поѣхали.

Черезъ часъ ворочается нашъ Пимень и ботвить будто бодръ, а видно, что ему жесточе не по себѣ.

Лука его и допрашиваетъ:

— Говори, говорить, — говори лучше, вѣтрогонъ, все по откровенности, что ты тамъ такое надѣлалъ?

А онъ говорить:

— Ничего.

Ну, такъ и осталось будто ничего, а совсѣмъ было не ничего.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Съ бариномъ, за котораго нашъ Пименъ молился, преудивительная штука совершилась. Онъ, какъ я вамъ докладывалъ, поѣхалъ въ жидовскій городъ и приѣхалъ туда поздно ночью, когда никто о немъ не думалъ, да прямо всѣ до одной лавки и опечатавъ, и далъ знать полиціи, что завтра утромъ съ ревизіей пойдетъ. Жиды это, разумѣется, сейчасъ узнали и сейчасъ же ночью къ нему, просить его, чтобы на сдѣлку, знать того незаконнаго товара у нихъ пропасть было. Пришли они и суютъ этому барину сразу десять тысячъ рублей. Онъ говоритъ: я не могу, я большой чиновникъ, довѣрюсь обложенъ и взятокъ не беру; а жиды промежъ себя гыр-гыр-гыр, да ему пятнадцать. Онъ опять «не могу»; они двадцать. Онъ, что же вы, говоритъ, не понимаете, что ли, что я не могу, я уже полиціи далъ знать, чтобы завтра вмѣстѣ идти ревизовать. А они опять гыр-гыр, да и говорятъ:

— Ази-язи, васе сіятельство, то зи ничего зи, что вы дали знать въ полицію, мы вамъ вотъ даемъ зи двадцать пять тысячъ, а вы зи только дайте намъ до утра вашу печать и лозитесь себѣ спокойно поживать: намъ ничего больше не нужно.

Баринъ подумалъ - подумалъ: хотя онъ и большимъ лицомъ себя почиталъ, а видно и у большихъ лицъ сердце не камень, взявъ двадцать пять тысячъ, а имъ далъ свою печать, которою печатовалъ, и самъ легъ спать. Жидки, разумѣется, ночью все что надо было изъ своихъ склеповъ повиытаскали и опять ихъ тою же самою печатью запечатали, и баринъ еще спитъ, а они уже у него въ передней горгочатъ. Ну, онъ ихъ выпустилъ; они благодарятъ и говорятъ:

— А зи теперь зи, васе высокоблагородіе, пожалуйста съ ревизіей.

Ну, а онъ этого какъ будто не слышитъ, а говоритъ:

— Давайте же скорѣе мою печать.

А жиды говорятъ:

— А давайте зи наши деньги.

Баринъ: «что? какъ?» А тѣ на своемъ стали:

— Мы зи, говорятъ, деньги подъ залогъ оставляли.

Тотъ опять:

— Какъ подь залогъ?

— А какъ зи, говорятъ, мы подь залогъ.

— Врете, говорить, вы подлецы этакие, христопродавцы, вы мнѣ совсѣмъ тѣ деньги отдали.

А они другъ друга поталкиваютъ и смѣются.

— Гёршь-ту, говорятъ, слышь, мы будто совсѣмъ дали... Гм, гм! Ай вай: рази мы моземъ быть такіе глупые и совсѣмъ какъ мужики безъ политику, чтобы такому большому лицу хабара давать? («Хабаръ» по-ихнему взятка).

Ну-съ, чего лучше этой исторіи можете себѣ вообразить? Господину бы этому, разумѣется, отдать деньги, да и дѣло съ концомъ, а онъ еще покапризначалъ, потому что жаль разстаться. Наступило утро; вся торговля въ городъ заперта; люди ходятъ, дивуются; полиція требуетъ печати, а жидки орутъ: «Ай вай, ну, что это такое за государственное правленіе! Это высокое начальство насъ разорить желаютъ». Гвалтъ ужасный! Баринъ запершись сидитъ и до обѣда чуть ума не рѣшился, а къ вечеру зоветъ тѣхъ хитрыхъ жидковъ и говорить: «Ну, берите, проклятые, свои деньги, только отдайте мнѣ мою печать!» А тѣ уже не хотятъ, говорятъ: «А зи какъ же это можно! Мы весь городъ цѣлый день не торговали: теперь намъ съ вашего благородія надо пятьдесятъ тысячъ». Видите, что пошло! А жидки грозятъ: «Если нынче, говорятъ, пятьдесятъ тысячъ не дадите, завтра еще двадцатю пятью тысячами больше будетъ стоить!» Баринъ всю ночь не спалъ, а къ утру опять плетъ за жидами, и всѣ имъ деньги, которыя съ нихъ взялъ, назадъ имъ отдалъ и еще на двадцать пять тысячъ вексель написалъ, и прошелъ кое-какъ съ ревизіей: ничего, разумѣется, не нашель, да поскорѣе назадъ, да къ женѣ и предъ нею и рветъ и мечеть: гдѣ двадцать пять тысячъ взять, чтобы у жидовъ вексель выкупить? «Нужно, говорить, твою приданую деревнишку продать», а та говорить: «Ни за что на свѣтѣ: я къ ней привязана». Онъ говорить: «это ты виновата, ты мнѣ эту посылку съ какими-то раскольниками вымолила и увѣряла, что ихъ Ангель мнѣ поможетъ, а онъ между тѣмъ вотъ какъ мнѣ славно помогъ.» А она отвѣчаетъ: «что ты, говорить, самъ виноватъ, зачѣмъ былъ глупъ и тѣхъ жидовъ не арестовалъ, да не объявилъ, что они у тебя печать украли, а между прочимъ, говорить, это ничего: ты только

локорайся мнѣ, а ужъ я дѣло поправлю, и за твою неразсудительность другіе заплатятъ.» И вдругъ, на кого тамъ случилось, крикнула-гаркнула: «сейчасъ, живо, говорить, съѣздить за Днѣпръ и привезть мнѣ раскольниковскаго старосту.» Ну, посоль, разумѣется, пошелъ и привезъ нашего Пимена, а барыня ему прямо безъ обвинячки: «Послушайте, говорить, я знаю, что вы умный человекъ и поймете, что мнѣ нужно: съ моимъ мужемъ случилась маленькая неприятность, его одни мерзавцы ограбили... жиды... понимаете, и намъ теперь непременно на сихъ же дняхъ надо имѣть двадцать пять тысячъ и мнѣ ихъ такъ скоро достать ровно бы негдѣ; но я пригласила васъ и спокойна, потому что старовѣры люди умные и богатые, и вамъ, какъ я сама увѣрилась, во всемъ самъ Богъ помогаетъ, то вы мнѣ, пожалуйста, дайте двадцать пять тысячъ, а я съ своей стороны зато всѣмъ дамамъ буду говорить о вашихъ чудотворныхъ иконахъ, и вы увидите, сколько вы станете получать на воскъ и масло». Безъ труда, чай, можете себѣ, милостивые государи, представить, что нашъ шпилманъ при такомъ оборотѣ восчувствовалъ? Не знаю ужъ какими словами, но только, вѣрю я ему, онъ началъ горячо ротиться и клятися, завѣряя наше противъ такой суммы убожество, но она, эта обновленная Иродиада, и знать того не хотѣла. «Нѣтъ, да мнѣ, говорить, хорошо извѣстно, что раскольники богачи, и для васъ двадцать пять тысячъ это вздоръ. Моему отцу, когда онъ въ Москвѣ служилъ, старовѣры не одинъ разъ и не такія одолженія дѣлали; а двадцать пять тысячъ это пустяки». Пимень, разумѣется, и тутъ попытался ей разъяснить, что то, моль, московскіе старовѣры, люди капитальные, а мы простые нивари-чернорабочіе, гдѣ же намъ противъ москвичей отмогуществовать. Но она имѣла въ себѣ вѣрно хорошее московское наученіе и вдругъ его осаждила: «Что вы, что вы, говорить, мнѣ это рассказываете! Развѣ я не знаю, сколько у васъ чудотворныхъ иконъ, и вы же мнѣ сами вѣдь говорили, сколько вамъ со всей Россіи на воскъ и на масло присылаютъ? Нѣтъ, я и слышать не хочу; чтобы сейчасъ мнѣ были деньги, а то мой мужъ нынче же къ губернатору поѣдетъ и все расскажетъ, какъ вы молитесь и соблазняете, и вамъ скверно будетъ». Бѣдный Пимень какъ съ крыльца не свалился; пришелъ до

мой, какъ я вамъ докладывалъ, и только одно слово твердить: «ничего», а самъ весь красный точно изъ бани и все по угламъ ходилъ, носъ сморкалъ. Ну, Лука Кириловъ его, наконецъ, малое дѣло немножечко допросился, только, разумѣется, не все онъ ему открылъ, а самую лишь ничтожность сущности обнаружилъ, какъ-то говоритъ: «Съ меня эта барыня требуетъ, чтобъ я у васъ ей пять тысячъ займа досталъ». Ну, Лука, разумѣется, и за это на него расходился: «Ахъ, ты шпилманъ этакій, говоритъ, шпилманъ; нужно было тебѣ съ ними знаться, да еще сюда ихъ водить! Что мы богачи, что ли, какіе, чтобъ у насъ такія деньги могли въ сборѣ быть? Да и за что мы должны ихъ дать? Да и гдѣ онѣ?... Какъ это задѣлывалъ, такъ и раздѣлывайся, а намъ пять тысячъ взять негдѣ». Съ этимъ Лука Кириловъ пошелъ въ свою сторону на работу и пришелъ, какъ я вамъ доложилъ, блѣдный, въ родѣ осужденнаго на смертника, потому что онъ, ночнымъ событіемъ искушенный, предвкусалъ, что это повліяетъ на насъ неприятно; а Пименъ себѣ пошелъ въ другую сторону. Всѣ мы видѣли, какъ онъ изъ камышей въ лодочкѣ вышелъ и на ту сторону въ городъ переправился, и теперь, когда Михайлица все это мнѣ по порядку рассказала, какъ онъ о пяти тысячахъ кучился, я и домекнулъ такъ, что вѣрно онъ ударился ту барыню умиловать. Въ такомъ размысленіи я стою возлѣ Михайлицы да думаю, не можетъ ли для насъ изъ этого чего вреднаго воспослѣдовать и не надо ли противъ сего могущаго произойти зла какія-либо мѣры принять, какъ вдругъ вижу, что все это предпріятіе уже поздно, потому что къ берегу привалила большая ладья и я за самими плечами у себя услышалъ шумъ многихъ голосовъ и, обернувшись, увидать нѣсколько человекъ разныхъ чиновниковъ, примундиренныхъ всякимъ подобіемъ, и съ ними не малое число жандармовъ и солдатъ. И не успѣли мы съ Михайлицей, милостивые государи, глазомъ моргнуть, какъ всѣ они мимо насъ прямо въ Лукину горницу повалили, а у двери двухъ часовыхъ поставили съ обнаженными саблями. Михайлица стала на тѣхъ часовыхъ метаться, не столько для того, чтобъ ее пропустили, а чтобы постраждовать; они ее, разумѣется, стали отталкивать, а она еще ярѣе кидается, и дошло у нихъ сраженіе до того, что одинъ жандармъ ее, наконецъ, больно зашибъ, такъ что она съ

крыльца кубаремъ скатилась. А я ударился-было за Лукою на мостъ, но гляжу, самъ Лука уже навстрѣчу мнѣ обѣжить, а за нимъ вся наша артель, всѣ вскрамолились и кто съ чѣмъ на работѣ былъ, кто съ ломомъ, кто съ мотыкою, всѣ бѣгутъ свою святыню оберегать... Конь не всѣ въ лодку попали и не на чемъ имъ до бережка достигнуть, во всемъ платьѣ, какъ стояли на работѣ, прямо съ мосту въ воду побросались и другъ за дружкой въ холодной волнѣ плывутъ... Даже, не повѣрите, ужасно стало чѣмъ это кончится. Стражбы той пріѣхало двадцать человекъ, и хотя всѣ они въ разныхъ храбрыхъ уборахъ, но на нашихъ болѣе полусотъ и всѣ выпреннею горячею вѣрой одушевленные, и всѣ они плывутъ по водѣ какъ тюленьки, и хоть ихъ колотушкой по башкамъ бей, а они на берегъ къ своей святынѣ достигаютъ, и вдругъ какъ были всѣ мокренныя и пошли впередъ, что твое каменіе живо и несокрушимое.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Теперь же вы извольте вспомнить, что когда мы съ Михайлицей на крыльцѣ разговаривали, въ горницѣ находился на молитвѣ дѣдъ Марой и господа чиновники со сборю своей тамъ его застали. Онъ послѣ и рассказывалъ, что какъ они вошли, сейчасъ дверь на захлопку и прямо кинулись къ образамъ. Одни лампады гасятъ, а другіе со стѣнъ рвутъ иконы да на полу накладываютъ, а на него кричатъ: «Ты попь?» Онъ говоритъ: «Нѣтъ, не попь»: Они: «Кто же у васъ попь?» А онъ отвѣчаетъ: «У насъ нѣтъ попа». А они: «Какъ нѣтъ попа! Какъ ты смѣешь это говорить, что нѣтъ попа!» Тутъ Марой сталъ имъ было объяснять, что мы попа не имѣемъ, да какъ онъ говорилъ-то скверно, шавкавилъ, такъ они, не разобравши въ чемъ дѣло, да «связать, говорятъ, его, подъ арестъ!» Марой дался себя связать: хоша то ему ничего не стоило, что десятскій солдатъ ему обрывочкомъ руки опуталъ, но онъ стоитъ и, все это за вѣру пріемля, смотритъ, что далѣе будетъ. А чиновники тѣмъ временемъ зажгли свѣчи и ну иконы печатать: одинъ печати накладываетъ, другіе въ описи пишутъ, а третьи буравами дыры сверлятъ, да на желѣзный пруть иконы какъ котелки нанизываютъ, Марой на все на это святотатственное безчиніе смотритъ и плечами не тряхать, потому что разсуждаетъ, что такъ, вѣроятно, это

Богу изволися попустить такую дикость. Но въ это-то время слышитъ дядя Марой: одинъ жандармъ вскрикнулъ, и за нимъ другой; дверь разлетѣлася и тюленьки-то наши какъ вылѣзли изъ воды мокрые, такъ и пруть въ горницу. Да по счастію ихъ впереди ихъ очутился Лука Кириловъ. Онъ сразу крикнулъ:

— Стой, Христовъ народушко, не дерзничайте!—а самъ къ чиновникамъ и, указывая на эти пронзенныя пруткомъ иконы, молвитъ:—Для чего же это вы, господа начальство, такъ святыню повреждаете? Если вы право имѣете ее у насъ отобрать, то мы власти не сопротивники—отбирайте; но для чего же рѣдкое отеческое художество повреждать?

А этой Пименовой знакомой барыньки мужъ, онъ тутъ главнѣе всѣхъ былъ, какъ крикнетъ на дядю Луку:

— Цыть, мерзавецъ! еще разсуждать смѣешь!

А Лука хоть и гордый былъ мужикъ, но смирилъ себя и тихо отвѣчаетъ:

— Позвольте, ваше высокоблагородіе, мы этотъ порядокъ знаемъ, у насъ здѣсь въ горницѣ есть полтораستا иконъ, извольте вамъ по три рубля отъ иконы, и берите ихъ, только предковскаго художества не повреждайте.

Баринъ окомъ сверкнулъ и громко крикнулъ:

— Прочь!—а шопотомъ шеннулъ:—Давай по сту рублей со штуки, иначе всѣ выпеку.

Лука этакой силы денегъ дать и сообразить не могъ и говорить:

— Богъ съ вами, если такъ: губите все какъ хотите, а у насъ такихъ денегъ нѣтъ.

А баринъ какъ завопіетъ излиха:

— Ахъ ты козелъ бородатый, да какъ ты смѣлъ при насъ о деньгахъ говорить?—и тутъ вдругъ заметался, и все, что видѣлъ изъ божественныхъ изображеній,—въ скибы собралъ, и на концы прутьевъ гайки навернули и припечатывали, чтобы, значить, ни снять, ни обмѣнить было невозможно. И все уже это было собрано и готово, они стали совсѣмъ выходить: солдаты взяли набранныя на болты скибы иконъ на плечи и понесли къ лодкамъ, а Михайлица, которая тоже за народомъ въ горницу пробралась, тѣмъ часомъ тихонько скрала съ аналогія ангельскую икону и тащить ее подъ платкомъ въ чуланъ, да какъ руки-то у нея дрожали, она ее и выронила. Батюшки мои, какъ баринъ

расходился и звалъ насъ и ворами-то, и мошенниками и говорить:

— Ага! вы, мошенники, хотѣли ее скрасть, чтобъ она на болтъ не попала; ну, такъ она же на него не попадетъ, а я ее вотъ какъ!—да, накопивши сургучную палку, прямо какъ ткнетъ кипящею смолой съ огнемъ въ самый ангельскій ликъ!

Милостивые государи, вы на меня не посѣтуйте, что я и пробовать не могу описать вамъ, что тутъ произошло, когда баринъ излилъ кипящую смоляную струю на ликъ Ангела и еще, жестокой человѣкъ, поднялъ икону, чтобы похвастать какъ нашелъ досадить намъ. Помню только, что пресвѣтлый ликъ этотъ божественный былъ красенъ и запечатлѣнъ, а изъ-подъ печати олифа, которая подъ огневою смолой самую малость сверху растаяла, струила внизъ двумя потеками, какъ кровь, въ слезѣ растворенная...

Всѣ мы ахнули и, закрывъ руками глаза свои, пали ницъ и застонали какъ на пыткѣ. И такъ мы развопились, что и темная ночь застала насъ воющихъ и голосащихъ по своему запечатлѣнномъ Ангелѣ, и тутъ-то въ сей тьмѣ и тишинѣ на разрушенной отчей святынѣ пришла намъ мысль: услѣдить, куда нашего хранителя дѣнуть, и поклялись мы скрасть его, хотя бы съ опасностью жизни, и запечатлѣть, а къ исполненію сей рѣшимости избрали меня, да молодого паренька Левонтія. Этотъ Левонтій годами былъ еще сущій отрокъ, не болѣе какъ семнадцати лѣтъ, но великотѣлесенъ, добръ сердцемъ, богочтитель съ дѣтства своего и послушливъ и благонравенъ, что твой ретивъ бѣлъ конь среброуздень.

Лучшаго сомудренника и содѣятеля и желать нельзя было на такое опасное дѣло, какъ прослѣдить и исхитить запечатлѣннаго Ангела, ослѣвленное видѣніе котораго намъ до немощи было непереносно.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Не стану утруждать васъ подробностями какъ мы съ моимъ сомудренникомъ и содѣйствителемъ, съвозъ иглины уши лазучи, во все вникали, а буду прямо рассказывать о горести, которая овладѣла нами, когда мы узнали, что пробуравленныя чиновниками иконы наши, какъ онѣ были скибами на болты нанизаны, такъ ихъ въ консисторію въ под-

валь и свалили, это уже дѣло пропащее и какъ въ гробъ погребенное, о нихъ и думать было нечего. Приятно, однако, было то, что говорили, будто самъ архіерей такой дикости сообразованія не одобрилъ, а, напротивъ, сказалъ: «Къ чему это?» и даже за старое художество заступился и сказалъ: «Это древнее, это надо беречь!» Но вотъ что худо было, что не прошла бѣда отъ непочтенія, какъ новая, еще большая отъ сего почитателя возросла: самъ этотъ архіерей, надо полагать, съ нехудымъ, а именно съ добрымъ вниманіемъ взялъ нашего замечательнаго Ангела и долго его разсматривалъ, а потомъ отвелъ въ сторону взглядъ и говорить: «Смятенный видъ! Какъ ужасно его изнеувестили! Не кладите, говорить, сей иконы въ подваль, а поставьте ее у меня въ алтарь на окнѣ за жертвенникомъ». Такъ слуги архіереевы, по его приказанію, и исполнили, и я долженъ вамъ сказать, что такое вниманіе со стороны церковнаго іерарха намъ было, съ одной стороны, очень приятно, но съ другой—мы видѣли, что всякое намѣреніе наше выкрасть своего Ангела стало невозможно. Оставалось другое средство: подкупить слугъ архіереевыхъ и съ ихъ помощію подмѣнить икону инымъ въ соотвѣтствіе сей хитро нашанымъ подобіемъ. Въ этомъ тоже наши старовѣры не разъ успѣвали, но для сего прежде всего нуженъ искусный и опытной руки изографъ, который бы могъ сдѣлать на подмѣнъ икону въ точности, а такового изографа мы въ тѣхъ мѣстахъ не предвидѣли. И напала на насъ на всѣхъ съ этихъ поръ сугубая тоска, и пошла она по насъ какъ водный трудъ по закожью: въ горницѣ, гдѣ одни словословія слышались, стали раздаваться одни вопленія, и въ недолгомъ же времени всѣ мы разволновались даже до немощи и земли подъ собой отъ полныхъ слезами очей не видимъ, а чрезъ то или не черезъ это, только пошла у насъ болѣзнь глазъ и стала она весь народъ перебирать. Просто чего никогда не было, то теперь сдѣлалось: нѣтъ мѣры что больныхъ! Во всемъ рабочемъ народѣ пошелъ толкъ, что все это не спроста, а за старовѣрскаго Ангела: «его, баютъ, запечатлѣніемъ ослѣпили, а теперь всѣ мы слѣпнемъ», и такимъ толкованіемъ не мы одни, а всѣ и церковные люди вскрамолились, и сколько хозяева-англичане ни привозили докторовъ, никто къ нимъ не идетъ и лѣкарства не беретъ, а вопять одно:

— Привесите намъ сюда запечатлѣннаго Ангела, мы ему молебствовать хотимъ, и одинъ онъ насъ исцѣлитъ.

Англичанинъ Яковъ Яковлевичъ, въ это дѣло вникнувъ, самъ поѣхалъ къ архіерею и говорить:

— Такъ и такъ, ваше преосвященство, вѣра дѣло великое, и кто какъ вѣритъ, тому такъ по вѣрѣ дается: отпустите къ намъ на тотъ берегъ запечатлѣннаго Ангела.

Но владыко сего не послушалъ и сказалъ:

— Сему не должно потворствовать.

Тогда намъ это слово казалось быть жестокое, и мы архипастыря много суесловно осуждали, но впоследствии открылось намъ, что все это велось не жестокостью, а Божиимъ смотрѣніемъ.

Между тѣмъ знаменія какъ бы не прекращались, и персть наказующій взыскалъ на томъ берегу самаго главнаго всему этому дѣлу виновника, самого Пимена, который послѣ этой напасти отъ насъ сбѣжалъ и вѣрковился. Встрѣчаю я его тамъ одинъ разъ въ городѣ, онъ мнѣ и кланяется, ну, и я ему поклонился. А онъ и говоритъ:

— Согрешилъ я, братъ Маркъ, пріѣдъ съ вами въ разнобытіе по вѣрѣ.

А я отвѣчаю:

— Кому въ какой вѣрѣ быть — это дѣло Божіе, а что ты бѣднаго за сапоги продать, это, разумѣется, нехорошо и, прости меня, а я тебя въ томъ, какъ Аммосъ пророкъ велитъ, братски обличаю.

Онъ при имени пророка такъ и задрожалъ.

— Не говори, говоритъ, мнѣ про пророковъ: я самъ помню Писаніе и чувствую, что «пророки мучатъ живущихъ на землѣ» и даже въ томъ знаменіе имѣю,— и жалуетъ мнѣ, что на-дняхъ онъ выкупался въ рѣкѣ и у него послѣ того по всему тѣлу пѣгота пошла, и разстегнулъ грудь да показываетъ, а на немъ точно пѣжинныя пятна какъ на пѣгомъ конѣ, съ груди вверхъ на шею лѣзутъ.

Грѣшный человѣкъ, было у меня на умѣ сказать ему, что «Богъ шельму мѣтитъ», но только сдвинулъ я это слово въ устахъ и молвилъ:

— Чтò же, молись, говорю, и радуйся, что еще на сей землѣ такъ отитлованъ, авось на другомъ предстоянїи чистъ будешь.

Онъ мнѣ сталъ плакаться, сколь этимъ несчастенъ и чего лишается, если пѣгота на лицо пойдетъ, потому что

самъ губернаторъ, видя Пимена, когда его къ церкви присоединяли, будто много на его красоту радовался и сказалъ городскому головѣ, чтобы когда будутъ черезъ городъ важныя особы проѣзжать, то чтобы Пимена непременно впередъ всѣхъ съ серебрянымъ блюдомъ выставлять. Ну, а пѣдаго ужь куда же выставить? Но, однако, что мнѣ было эту его велиарскую суету и пустошество слушать, я завернулся да и ушелъ.

И съ тѣмъ мы съ нимъ разстались. На немъ его титла все яснѣе обозначались, а у насъ не умолкали другія знаменія, въ заключеніе коихъ, по осени, только что стать ледь, какъ вдругъ сдѣлалась оттепель, весь этотъ ледь разметало и пошло наши постройки коверкать, и до того шли вреда за вредами, что вдругъ одинъ гранитный быкъ подмыло, и пучина поглотила все возведеніе многихъ дѣтъ, стовишее многихъ тысячъ...

Поразило это самихъ нашихъ хозяевъ англичанъ, и было тутъ къ ихъ старшему Якову Яковлевичу отъ кого-то слово, что дабы ото всего этого избавиться, надо насъ, старовѣровъ, прогнать, но какъ онъ былъ человекъ благой души, то онъ этого слова не послушалъ, а, напротивъ, призвалъ меня и Луку Кирилова и говоритъ:

— Дайте мнѣ, ребята, сами совѣтъ: не могу ли я чѣмъ-нибудь вамъ помочь и васъ утѣшить?

Но мы отвѣчали, что доколѣ священный для насъ ликъ Ангела, вездѣ намъ предходившаго, находится въ огнесмольномъ запечатлѣннѣи, мы ничѣмъ не можемъ утѣшиться и истаеваемъ отъ жалости.

— Что же,—говоритъ:—вы думаете дѣлать?

— Думаемъ, молъ, его современемъ подмѣнить и распечатлѣть его чистый ликъ, безбожною чиновническою рукою опаленный.

— Да чѣмъ,—говоритъ:—онъ вамъ такъ дорогъ, и неужели другого такого же нельзя достать?

— Дорогъ онъ,—отвѣчаемъ:—намъ потому, что онъ насъ хранилъ, а другого достать нельзя, потому что онъ писанъ въ твердыя времена благочестивою рукою и освященъ древнимъ іереемъ по полному требнику Петра Могилы, а нынѣ у насъ ни іереевъ, ни того требника нѣтъ.

— А какъ,—говоритъ:—вы его распечатлѣете, когда у него все лицо сургучомъ выжжено?

— Ну, ужъ на этотъ счетъ, — отвѣчаемъ: — ваша милость не безпокойтесь: намъ только бы его въ свои руки достичь, а то онъ, нашъ хранитель, за себя постоитъ: онъ не торговыхъ мастеровъ, а настоящаго Строганова дѣла, а что строгановская, что костромская олифа такъ варены, что и огневого клейма не боятся и до нѣжныхъ вапъ смолы не допускать.

— Вы въ этомъ увѣрены?

— Увѣрены-съ: эта олифа крѣпка какъ сама старая русская вѣра.

Онъ тутъ ругнулъ кого знать, что этакого художества беречь не умѣють, и руки намъ подаль и еще разъ сказалъ:

— Ну, такъ не горюйте же: я вапъ помощникъ, и мы вашего Ангела достанемъ. Надолго ли онъ вамъ нуженъ?

— Нѣтъ, говоримъ, — на небольшое время.

— Ну, такъ я скажу, что хочу на вашего запечатлѣннаго Ангела богатую золотую ризу сдѣлать, и какъ мнѣ его дадутъ, мы его тутъ и подмѣнимъ. Я завтра же за это возьмусь.

Мы благодаримъ, но говоримъ:

— Только ни завтра, ни послѣзавтра за это, сударь, не беритесь.

Онъ говорить:

— Это почему такъ?

А мы отвѣчаемъ:

— Потому, молю, сударь, что намъ прежде всего надо имѣть на подмѣнъ икону такую, чтобъ она какъ двѣ капли воды на настоящую походила, а такихъ мастеровъ здѣсь нѣтъ, да и нигдѣ вблизи не отыщется.

— Пустяки, — говорить: — я самъ изъ города художника привезу; онъ не только копии, а и портреты великолѣпно пишетъ.

— Нѣтъ-съ, — отвѣчаемъ: — вы этого не извольте дѣлать, потому что, во-первыхъ, черезъ этого свѣтскаго художника можетъ ненадлежащая молва пойти, а во-вторыхъ, живописецъ такого дѣла исполнить не можетъ.

Англичанинъ не вѣритъ, а я выступилъ и разъясняю ему всю разницу: что нонѣ, молю, у свѣтскихъ художниковъ не то искусство: у нихъ краски масляныя, а тамъ вапы на яйцѣ растворенныя и нѣжныя, въ живописи письмо

мазаное, чтобы только на даль натурально показывало, а тутъ письмо плавкое, и на самую близъ явственно; да и свѣтскому художнику, говорю, и въ переводѣ самаго рисунка не потрафить, потому что они изучены представлять то, что въ тѣлѣ земного, животолюбиваго человѣка содержится, а въ священной русской иконописи изображается типъ лица небожительный, насчетъ коего матеріальный человѣкъ даже истоваго воображенія имѣть не можетъ.

Онъ этимъ заинтересовался и спрашиваетъ:

— А гдѣ же, — говорить, — есть такіе мастера, что еще этотъ особенный типъ понимаютъ?

— Очень, докладываю, — они нынче рѣдки (да и въ то время они совсѣмъ жили подъ строгимъ сокрытіемъ). Есть, говорю, — въ слободѣ Мстерѣ одинъ мастеръ Хохловъ, да уже онъ человѣкъ очень древнихъ лѣтъ, его въ дальній путь везти нельзя: а въ Палиховѣ есть два человѣка, такъ тѣ тоже врядъ ли поѣдутъ, да и къ тому же, говорю, — намъ ни мстерскіе, ни палиховскіе мастера и не годятся.

— Это опять почему? — пытается.

— А потому, отвѣтствую, — что у нихъ пошибъ не тотъ: у мстерскихъ рисуночекъ головастенекъ и письмо мутно, а у палиховскихъ тонъ бирюзистъ, все голубинкой отдаетъ.

— Такъ какъ же, — говорить, — быть?

— Самъ, говорю, — не знаю. Наслышанъ я, что есть еще въ Москвѣ хорошій мастеръ Силачевъ: и онъ по всей Россіи между нашими именитъ, но онъ больше къ новгородскимъ и къ царскимъ московскимъ письмамъ потрафляетъ, а наша икона строгановскаго рисунка, самыхъ свѣтлыхъ и рясныхъ вашъ, такъ намъ потрафить можетъ одинъ мастеръ Севастьянъ, съ понизовья, но онъ страстный странствователь: по всей Россіи ходитъ, старовѣрамъ починку работаетъ, и гдѣ его искать — неизвѣстно.

Англичанинъ съ удовольствіемъ всѣ эти мои доклады выслушалъ и улыбнулся, а потомъ отвѣчаетъ:

— Довольно дивные, — говорить: — вы люди, а какъ слушаешь васъ, такъ даже пріятно дѣлается, какъ вы это все, что до вашей части касается, хорошо знаете и даже искусства можете постигать.

— Отчего же, говорю, — сударь, искусства не постигать: это дѣло художество божественное, и у насъ есть таковые любители изъ самыхъ простыхъ мужичковъ, что не только

всѣ школы, въ чемъ, напримѣръ, одна отъ другой отличаются въ письмахъ: устюжскія или новгородскія, московскія или вологодскія, сибирскія, либо строгановскія, а даже въ одной и той же школѣ извѣстныхъ старыхъ мастеровъ русскихъ рукомерло одно отъ другого безъ ошибки отличаютъ.

— Можетъ ли, говорить,—это быть?

— Все равно, отвѣчаю, — какъ вы одного человѣка отъ другого письменный почеркъ пера распознаете, такъ и они: сейчасъ взглянуть и видятъ, кто изображалъ: Кузьма, Андрей или Прокофій.

— По какимъ примѣтамъ?

— А есть, говорю, — разница въ приѣмѣ какъ перевода рисунка, такъ и въ плавии, въ пробѣлахъ, лицевыхъ движеніяхъ и въ оживкѣ.

Онъ все слушаетъ; а я ему рассказываю, что зналъ про ушаковское писаніе и про рублевское, и про древнѣйшаго русскаго художника Парамшина, коего рукомерло иконы наши благочестивые цари и князья въ благословеніе дѣтямъ дарствовали и въ духовныхъ своихъ наказывали имѣть иконы бюсти наче зѣницы ока.

Англичанинъ сейчасъ выхватилъ свою записную книжку и спрашиваетъ: повторить какъ художника имя, и гдѣ его работы можно видѣть? А я отвѣчаю:

— Напрасно, сударь, станете отыскивать: нигдѣ ихъ памяти не осталось.

— Гдѣ же они дѣлись?

— А не знаю, говорю: — на чубуки ли повертѣли или нѣмцамъ на табакъ промѣняли.

— Это, говорить,—быть не можетъ.

— Напротивъ, отвѣчаю, — вполне статочно и примѣры тому есть: въ Римѣ у папы въ Ватиканѣ створы стоятъ, что наши русскіе изографы, Андрей, Сергѣй да Никита, въ тринадцатомъ вѣкѣ писали. Многоличная миниатюра сія, моль, столь удивительна, что даже, говорить, величайшіе иностранные художники, глядя на нее, въ восторгъ приходили отъ чуднаго дѣла.

— А какъ она въ Римъ попала?

— Петръ Первый иностранному монаху подарилъ, а тотъ продалъ.

Англичанинъ улыбнулся и задумался, и потомъ тихо молвить, что у нихъ будто въ Англіи всякая картинка изъ рода

въ родъ сохраняется и тѣмъ сама явствуетъ, кто отъ ка-кого родословія происходитъ.

— Ну, а у насъ, говорю,—вѣрно другое образованіе, и съ предковскими преданіями связь разсыпана, дабы все казалось обновленнѣе, какъ будто и весь родъ русскій только вчера насѣдка подь крапивой вывела.

— А если таковая, говоритъ,—ваша образованная невѣ-жественность, такъ отчего же, въ которыхъ любовь къ род-ному сохранилась, не позаботитесь поддержать своего при-роднаго художества?

— Некѣмъ, отвѣчаю, — намъ его, милостивый государь, поддерживать, потому что въ новыхъ школахъ художества повсемѣстное растлѣніе чувства развито и суетѣ умъ по-винуется. Высокаго вдохновенія типъ утраченъ, а все съ земного вземлетя и земною страстію дышитъ. Наши но-вѣйшіе художники начали съ того, что архистратига Ми-хаила съ князя Потемкина Таврическаго стали изображать, а теперь уже того достигаютъ, что Христа Спаса жидови-номъ пишутъ. Чего же еще отъ такихъ людей ожидать? Ихъ необрѣзанныя сердца, можетъ-быть, еще и не то изоб-разить и велятъ за божество почитать: въ Египтѣ же и быка и лукъ красноперый богомъ чтили; но только уже мы богамъ чуждымъ не поклонимся и жидово лицо за Спасовъ ликъ не примемъ, а даже изображенія эти, сколь бы они ни были искусны, за студодѣйное невѣжество почитаемъ и отвращаемся отъ него, поелику есть отчее преданіе, «что развлеченіе очесъ разоряетъ чистоту разума, яко водометъ поврежденный погубляетъ воду».

Я сямъ кончилъ и замолчалъ, а англичанинъ говоритъ:

— Продолжай: мнѣ нравится, какъ ты разсуждаешь.

Я отвѣчаю:

— Я уже все кончилъ; а онъ говоритъ:

— Нѣтъ, ты разскажи мнѣ еще, что вы по своему по-нятію за вдохновенное изображеніе понимаете?

Вопросъ, милостивые государи, для простого человѣка довольно затруднительный, но я, нечего дѣлать, началъ и разсказалъ какъ писано въ Новгородѣ Звѣздное Небо, а потомъ сталъ излагать про кievское изображеніе въ Софій-скомъ храмѣ, гдѣ по сторонамъ Бога Саваога стоятъ семь крылатыхъ архистратиговъ, на Потемкина, разумѣется, непохожихъ; а на порогахъ сѣни пророки и праотцы; ниже

ступеню Моисей со скрижалю; еще ниже Ааронъ въ митрѣ и съ жезломъ прозябшимъ; на другихъ ступеняхъ царь Давидъ въ вѣнцѣ, Исаія пророкъ съ хартіей, Іезекиль съ затворенными вратами, Даніилъ съ камнемъ, и вокругъ сихъ предстоятелей, указующихъ путь на небо, изображены дарованія, коими сего славнаго пути человѣкъ достигать можетъ, какъ-то: книга съ семью печатами—даръ премудрости; седмисвѣщный подсвѣчникъ — даръ разума; семь очесъ — даръ совѣта; семь трубныхъ роговъ — даръ крѣпости; десная рука посреди седми звѣздъ—даръ видѣнія; семь курильницъ — даръ благочестія; семь молній—даръ страха Божія. — Вотъ, говорю, — таковое изображеніе гореносно!

А англичанинъ отвѣчаетъ:

— Прости меня, любезный: я тебя не понимаю, почему ты это считаешь гореноснымъ?

— А потому, моль, что таковое изображеніе явственно душѣ говоритъ, чего христіанину надлежитъ молить и жаждать, дабы отъ земли къ неизреченной славѣ Бога вознестись.

— Да вѣдь это же, говоритъ, — всякій изъ Писанія и изъ молитвъ можетъ уразумѣть.

— Ну, никакъ нѣтъ, отвѣтвую: — Писаніе не всякому дано разумѣть, а неразумѣвающему и въ молитвѣ бываетъ затменіе: иной слышитъ глашеніе о «великія и богатыя милости» и сейчасъ полагаетъ, что это о деньгахъ, и съ алчностью кланяется. А когда онъ зрѣтъ предъ собою изображенную небесную славу, то онъ помышляетъ вышній проспектъ жизненности и понимаетъ, какъ надо этой цѣли достигать, потому что тутъ оно все просто и вразумительно: вымоли человѣкъ первѣе всего душѣ своей даръ страха Божія, она сейчасъ и пойдетъ облегченная со ступени на ступень, съ каждымъ шагомъ усвоивъ себѣ преизбытки вышнихъ даровъ, и въ тѣ поры человѣку и деньги, и вся слава земная при молитвѣ кажутся не иначе какъ мерзость предъ Господомъ.

Тутъ англичанинъ встаетъ съ мѣста и весело говоритъ:

— А вы же, чудачки, чего себѣ молитесь?

— Мы, отвѣчаю,—молимъ христіанскія кончины живота и добраго отвѣта на страшномъ судилищѣ.

Онъ улыбнулся и вдругъ дернулъ за золотистый шнурокъ

зеленую занавѣсь, а за тою занавѣсью у него сидитъ въ креслѣ его жена англичанка и предъ свѣчою на длинныхъ спицахъ вязанье дѣлаетъ. Она была прекрасная барыня, благоувѣтливая, и хотя не много по-нашему говорила, но все понимала и вѣрно хотѣлось ей нашъ разговоръ съ ея мужемъ о религiи слышать.

И что же вы думаете? Какъ отдернулась эта занавѣса, что ее скрывала, она сейчасъ встаетъ, будто содрогаясь, и идетъ, милушка, ко мнѣ съ Лукою, обѣ ручки намъ, мужикамъ, протягиваетъ, а въ глазахъ у нея блещутъ слезки, и жметъ намъ руки, а сама говорить:

— Добри люди, добри русски люди!

Мы съ Лукою за это ея доброе слово у нея обѣ ручки поцѣловали, а она къ нашимъ мужичьимъ головамъ свои губки приложила.

Разказчикъ остановился и, закрывъ рукавомъ глаза, тихонько отеръ ихъ и молвилъ шопотомъ: «Трогательная женщина!» и затѣмъ, оправясь, продолжалъ снова:

— По такимъ своимъ ласковымъ поступкамъ и начала она, эта англичанка, говорить что-то такое своему мужу, по-ихнему, намъ непонятно, но только слышно по голосу, что вѣрно за насъ просить. И англичанинъ—знать прiятна ему эта доброта въ женѣ—глядитъ на нее ажно весь гордостью сияетъ и все жену по головкѣ гладитъ, да этакъ какъ голубъ гурчитъ по-своему: «гутъ, гутъ», или какъ тамъ по-ихнему иначе говорится, но только видно, что онъ ее хвалитъ и въ чемъ-то утверждаетъ и потомъ подошелъ къ бюру, вынулъ двѣ сотенныхъ бумажки и говорить:

— Вотъ тебѣ, Лука, деньги: ступай ищи гдѣ знаешь какого вамъ нужно по вашей части искуснаго изографа, пусть онъ и вамъ что нужно сдѣлаетъ, и женѣ моей въ вашемъ родѣ напишетъ,—она хочтъ такую икону сыну дать, а на всѣ хлопоты и расходы вотъ это вамъ моя жена деньги даетъ.

А она сквозь слезы улыбается и частить:

— Ни, ни, ни: это онъ, а я особая, да съ этимъ словомъ порхъ за дверь и несетъ оттуда въ рукахъ третью сотенную.

— Мужъ, говорить,—мнѣ на платьѣ дарилъ, а я платья не хочу, а вамъ жертвую.

Мы, разумѣется, стали отказываться, но она о томъ и слышать не хочетъ, и сама убѣжала, а онъ и говоритъ:

— Нѣтъ, говорить, — не смѣйте ей отказывать и берите, что она даетъ, и самъ отвернулся и говоритъ: — и ступайте, чудаки, вонъ!

Но мы этимъ изгнаніемъ, разумѣется, нисколько не обидѣлись, потому что хоть онъ, этотъ англичанинъ, отъ насъ отвернулся, но видѣли мы, что онъ это сдѣлалъ ради того, дабы скрыть, что онъ самъ растрогался.

Такъ-то насъ, милостивые государи, свои притоманные люди обезсудили, а англицкая національность утѣшила и дала въ душу рвеніе, какъ бы точно мы баню наки бытія воспріали!

Теперь далѣе отсюда, милостивые государи, начинается преполовеніе моей повѣсти, и я вамъ вкратцѣ изложу: какъ я, взявъ своего среброуздаго Левонтія, пошелъ по изографу, и какія мы мѣста исходили, какихъ людей видѣли, какія новыя дивеса намъ объявились, и что, наконецъ, мы нашли, и что потеряли, и съ чѣмъ возвратились.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Въ путь шествующему человѣку первое дѣло сопутникъ, съ умнымъ и добрымъ товарищемъ и холодъ, и голодъ легче, а мнѣ это благо было даровано въ томъ чудномъ отроцѣ Левонтіи. Мы съ нимъ отирались пѣшкомъ, имѣя при себѣ котомочки и достаточную сумму, а для охраны оной и своей жизни имѣли при себѣ старую короткую саблю съ широкимъ обушкомъ, коя у насъ всегда береглась для опаснаго случая. Совершали мы путь свой въ родѣ торговыхъ людей, гдѣ какъ попало вымыслия надобности, для коихъ будто бы слѣдуемъ, а сами все, разумѣется, высматривали свое дѣло. Съ самаго первоначала мы побывали въ Клинцахъ и въ Злынкѣ, потомъ навѣдались кое къ кому изъ своихъ въ Орлѣ, но полезнаго результата себѣ никакого не получили: нигдѣ хорошихъ изографовъ не находили, и такъ достигли Москвы. Но что скажу: оле тебѣ, Москва! оле тебѣ, древяго русскаго общества преславная царяца! не были мы, старые вѣрители, и тобою утѣшены.

Не охота бы говорить, а нельзя премолчать, не тотъ мы духъ на Москвѣ встрѣтили, котораго жаждали. Обрѣли мы, что старина тутъ стоитъ уже не на добротолуби и бла-

гочестіи, а на единомъ упрямствѣ, и съ каждымъ днемъ, въ семь все болѣе и болѣе убѣждаясь, начали мы съ Левонтиемъ другъ друга стыдиться, ибо видѣли оба то, что мирному послѣдователю вѣры видѣть оскорбительно; но, однако, сами себя стыдяся, мы о всемъ томъ другъ другу молчали.

Изотрафы, разумѣется, въ Москвѣ отыскались и весьма искусные, но что въ томъ пользы, когда все это люди не того духа, о каковомъ отеческія преданія повѣствуютъ? Встарь благочестивые художники, принимаясь за священное художество, постились и молились и производили одинаково, что за большія деньги, что за малыя, какъ того честь возвышеннаго дѣла требуетъ. А эти каждый одному пишутъ рефтыю, а другому нефтыю, на краткое время, а не въ долготу дней, грунтъ кладутъ мѣловые, слабыя, а не лебастровые, и плавь лѣнотно сразу наводятъ, не какъ встарь наводили до четырехъ и даже до пяти плавей жидкой какъ вода краскою, отчего получалась та дивная нѣжность, нынѣ недостижимая. И помимо неаккуратности въ художествѣ, всѣ они сами разслабѣвши, всѣ другъ предъ другомъ величаются, а другого чтобъ унижить ни во что вмѣняютъ; или еще того хуже, шайками совокупаются, сообщая хитрѣйшіе обманы дѣлають, собираются по трактирамъ и тутъ вино пьютъ и свое художество хвалить съ кичливою надменностію, а другого рукоделие богохульно называютъ «адописнымъ», а вокругъ ихъ всегда какъ воробы за совами старьевщики, что разную иконописную старину изъ рукъ въ руки перепущаютъ, мѣняютъ, подмѣниваютъ, поддѣлываютъ доски, въ трубахъ копятъ, утлизну въ нихъ дѣлають и червоточину: изъ мѣди разные створы по старому чеканному образцу отливають, амаль въ ветхозавѣтномъ родѣ наводятъ; купели изъ тазовъ куютъ и на нихъ старинные щипаные орлы, какіе за Грознаго времена были, выставляютъ и продають неопытнымъ вѣрителямъ за настоящую грозновскую купель, хотя тѣхъ купелей не счесть сколько по Руси ходить, и все это обманъ и ложь безсовѣстные. Словомъ сказать, всѣ эти люди, какъ черные цыгане лошадьми другъ друга обманываютъ, такъ и они святынею, и все это при такомъ съ оною обращеніи, что становится за нихъ стыдно и видишь во всемъ этомъ одинъ грѣхъ да соблазнъ и вѣрѣ поношеніе. Кто привычку къ

сему безстыдству усвоилъ, тому еще ничего, и изъ московскихъ охотниковъ многіе этою нечестною мѣною даже интересуются и хвалятся: что-де тотъ-то того-то такъ вотъ Деисусомъ надуль, а этотъ этого вонъ какъ Николаю огрѣль, или какимъ подлымъ манеромъ поддѣльную Владычицу еще подсунулъ: и все это имъ заростно, и другъ предъ другимъ одинъ противъ другого лучше нарохотятся какъ Божымъ благословеніемъ неопытныхъ вѣрителей морочить, но намъ съевой, какъ мы были простые деревенскіе богочтителіи, все это въ той степени непереносно показалось, что мы оба даже заскучали и напалъ на насъ страхъ:

«Неужто же, думаемъ, такова она къ этому времени стала наша злосчастная старая вѣра?» Но и я это думаю, и онъ, вижу, то же самое въ скорбномъ сердцѣ содержитъ, а другъ другу того не открываемъ, а только замѣчаю я, что мой отрокъ все ищетъ уединеннаго мѣста.

Вотъ я разъ гляжу на него, а самъ думаю: какъ бы онъ въ смущеніи чего недолжнаго не надумалъ? да и говорю:

— Что ты, Левонтіи, будто чѣмъ закручинился?

А онъ отвѣчаетъ:

— Нѣтъ,—говорить,—дядя, ничего; это я такъ.

— Пойдемъ же, молю, на Божинову улицу въ Эриванскій трактиръ изографовъ подговаривать. Нонѣ туда два обѣщали придти и древнихъ иконъ принести. Я уже одну вымѣнялъ, хочу нонѣ еще одну достать.

А Левонтіи отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, сходи ты, дядюшка, одинъ, а я не пойду.

— Отчего же, говорю,—ты не пойдешь?

— А такъ, отвѣчаетъ:—мнѣ нонѣ что-то не по себѣ.

Ну, я его разъ не нужу и два не нужу, а на третій опять зову:

— Пойдемъ, Левонтыюшка, пойдемъ, молодчикъ.

А онъ умильно кланяется и проситъ:

— Нѣту, дядюшка, голубчикъ бѣлый: позволь мнѣ дома остаться.

— Да что же, молю, Лева, пошелъ ты мнѣ въ содѣтели, а все дома да дома сядишь. Этакъ не велика мнѣ, голубчикъ, отъ тебя помощь.

А онъ:

— Ну, родненькій, ну, батечка, ну, Маркъ Александрычъ, государь, не зови меня туда, гдѣ вѣдятъ да пьютъ и не-

складныя рѣчи о святынѣ говорятъ, а то меня соблазнить обдержать можетъ.

Это его было первое сознательное слово о своихъ чувствахъ и оно меня въ самое сердце поразило, но я съ нимъ не сталъ спорить, а пошелъ одинъ, и имѣлъ я въ этотъ вечеръ большой разговоръ съ двумя изографами и получилъ отъ нихъ ужасное оторченіе. Сказать страшно, что они со мною сдѣлали! Одинъ мнѣ икону промѣнялъ за сорокъ рублей и ушелъ, а другой говоритъ:

— Ты гляди, человѣче, этой иконѣ не поклоняйся.

Я говорю:

— Почему?

А онъ отвѣчаетъ:

— Потому что она адописная,—да съ этимъ колупнулъ ногтемъ, а съ уголка слой письма такъ и отскочилъ и подъ нимъ на грунту чортикъ съ хвостомъ нарисованъ! Онъ въ другомъ мѣстѣ скovyрнулъ письмо, а тамъ подъ низомъ опять чортикъ.

— Господи!—заплакалъ я:—да что же это такое?

— А то,—говоритъ:—что ты не ему, а мнѣ закажи.

И увидалъ уже я тутъ ясно, что они одна шайка и норовятъ со мною нехорошо поступить, не по чести, и, покинувъ имъ икону, ушелъ отъ нихъ съ полными слезъ глазами, славы Бога, что не видалъ того мой Левонтій, вѣра котораго находилась въ бореніи. Но только подхожу домой и вижу въ окнахъ нашей горенки, которую мы занимали, свѣту нѣтъ, а между тѣмъ, оттуда тонкое нѣжное пѣніе льется. Я сейчасъ узналъ, что это поетъ пріятный Левонтиевъ голосъ и поетъ съ такимъ чувствомъ, что всякое слово будто въ слезахъ купаешь. Вошелъ я тихонько, чтобъ онъ не слышалъ, сталъ у дверей и слушаю, какъ онъ Іосифовъ плачь выводитъ:

«Кому повѣмъ печаль мою,
Кого призову ко рыданію».

Стихъ этотъ, если его изволите знать, и безъ того столь жалостный, что его спокойно слушать невозможно, а Левонтій его поетъ да самъ плачетъ и рыдаетъ, что

«Продаша мя мои братія!»

И плачетъ, и плачетъ онъ, воспѣвая, какъ видитъ гробъ своей матери, и зоветъ землю къ вопленію за братскій грѣхъ!..

Слова эти всегда могут человека взволновать, а особенно меня в ту пору, какъ я только бѣжалъ отъ братогрызцевъ, они меня такъ растрогали, что я и самъ захлипалъ, а Левонгій, услыхавъ это, смолкъ и зоветъ меня:

— Дядя! а дядя!

— Что,—говорю:—добрый молодецъ?

— А знаешь ли ты,—говорить:—кто это наша мать, про которую тутъ поется?

— Рахиль,—отвѣчаю.

— Нѣтъ,—говорить:—это въ древности была Рахиль, а теперь это таинственно надо понимать.

— Какъ же,—спрашиваю,—таинственно?

— А такъ,—отвѣчаетъ:—что это слово съ преобразованиемъ сказано.

— Ты,—говорю:—смотри, дитя: не опасно ли ты умствуешь?

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ:—я это въ сердцѣ моемъ чувствую, что крестуетъ-бо-ся Спасъ насъ ради того, что мы Его едиными усты и единымъ сердцемъ не ищемъ.

Я еще пуще испугался, къ чему онъ стремится, и говорю:

— Знаешь что, Левонгійшко: пойдемъ-ко мы отсюда скорѣе изъ Москвы въ нижегородскія земли, изографа Севастьяна поищемъ, онъ нонѣ, я слышалъ, тамъ ходитъ.

— Что же: пойдемъ,—отвѣчаетъ:—здѣсь на Москвѣ меня какой-то нужный духъ больно нудитъ, а тамъ лѣса, повѣтріе чище и тамъ, говорить, я слышалъ, есть старецъ Памва, анахоритъ совсѣмъ беззавистный и безгнѣвный, я бы его узрѣть хотѣлъ.

— Старецъ Памва,—отвѣчаю со строгостию:—господствующей церкви слуга, что намъ на него смотрѣть?

— А что же,—говорить:—за бѣда, я для того и хотѣлъ бы его видѣть, дабы внять, какова господствующей церкви благодать.

Я его пощунялъ, «какая тамъ, говорю, благодать», а самъ чувствую, что онъ меня правѣе, потому что онъ жаждетъ испытывать, а я чего не вѣдаю, то отвергаю, но упорствую на своемъ противленіи и говорю ему самые пустяки.

— Церковные,—говорю:—и на небо смотреть не съ вѣрою, а въ Аристотилевы врата глядеть и путь въ морѣ по звѣздѣ языческаго бога Ремфана опредѣляютъ; а ты съ ними въ одну точку смотрѣть захотѣлъ?

А Левонтій отвѣчаетъ:

— Ты, дядя, баснишь: никакого бога Ремфана не было и нѣтъ, а вся единою Премудростію создано.

Я отъ этого словно еще глупѣе сталъ и говорю:

— Церковные кофій пьютъ!

— А что за бѣда, — отвѣчаетъ Левонтій: — кофій бобъ, отъ былъ Давиду царю въ дарахъ принесень.

— Откуда, — говорю: — ты это все знаешь?

— Въ книгахъ, — говоритъ: — читаль.

— Ну, такъ знай же, что въ книгахъ не все писано.

— А что, — говоритъ: — тамъ еще не написано?

— Что? что не написано? — А самъ вовсе уже не знаю, что сказать, да брякнулъ ему:

— Церковное, — говорю: — зайцевъ ѣдятъ, а заяцъ поганый.

— Не погань, — говоритъ: — Богомъ созданнаго, это грѣхъ.

— Какъ, — говорю: — не поганить зайца, когда онъ поганый, когда у него ослий складъ и мужеженское естество и онъ рождаетъ въ человѣкѣ густую и меланхолическую кровь?

Но Левонтій засмѣялся и говоритъ:

— Спи, дядя, ты невѣгласы глаголешь!

Я, признаюсь вамъ, тогда еще ясно не разгадалъ, что такое въ душѣ сего благодатнаго юноши дѣлалось, но самъ очень обрадовался, что онъ больше говорить не хочетъ, ибо я и самъ понималъ, что я въ сердцахъ не вѣсть что говорю, и умолкъ я и лежу да только думаю:

«Нѣтъ; это въ немъ такое сомнѣніе отъ тоски стало, а вотъ завтра поднимемся и пойдемъ, такъ оно все въ немъ разсѣется»; но про всякій же случай я себя на умѣ положилъ, что буду съ нимъ нѣкое время идти молча, дабы показать ему, что я какъ будто очень на него сержусь.

Но только въ волеурачномъ характерѣ моемъ нѣтъ совсѣмъ этой крѣпости, чтобы притвориться сердитымъ, и мы скоро же опять начали съ Левонтіемъ говорить, но только не о Божествѣ, потому что онъ былъ сильно противъ меня начитавшись, а объ окрестности, къ чему ежечасный предлогъ подавали виды огромныхъ темныхъ лѣсовъ, которыми шель путь нашъ. Обо всемъ этомъ своемъ московскомъ разговорѣ съ Левонтіемъ я старался позабыть и рѣшилъ наблюдать только одну осторожность, чтобы намъ съ нимъ

какъ-нибудь не набѣжать на этого старца Памву анахорита, которымъ Левонтій прельщался и о которомъ я самъ слыхалъ отъ церковныхъ людей непостижимыя чудеса про его высокую жизнь.

«Но, думаю себѣ, чего тутъ много печалиться, ужь если я отъ него бѣжать стану, такъ онъ же самъ насъ не обрѣтетъ!»

И идемъ мы опять мирно и благополучно, и, наконецъ, достигши извѣстныхъ предѣловъ, добыли слухъ, что изографъ Севастьянъ точно въ здѣшнихъ мѣстахъ ходить, и пошли его искать изъ города въ городъ, изъ села въ село, и вотъ-вотъ совсѣмъ по его свѣжему слѣду идемъ, совсѣмъ его достигаемъ, а никакъ не достигнемъ. Просто какъ сворные псы бѣжимъ, по двадцати, по тридцати верстъ переходы безъ отдыха дѣлаемъ, а придемъ, говорить:

— Былъ онъ здѣсь, былъ, да вотъ-вотъ всего съ часъ назадъ ушелъ!

Бросимся вслѣдъ, не настагаемъ!

И вотъ вдругъ на одномъ такомъ переходѣ мы съ Левонтиемъ и заспорили: я говорю «намъ надо идти направо», а онъ спорить: «налѣво», и, наконецъ, чуть было меня не переспорилъ, но я на своемъ пути настоялъ. Но только шли мы, шли, и, наконецъ, вижу, не знаю куда зашли и нѣтъ дальше ни тропы, ни слѣду.

Я говорю отроку:

— Пойдемъ, Лева, назадъ!

А онъ отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, не могу я, дядя, больше идти, — силъ моихъ нѣтъ.

Я всхлопотался и говорю:

— Что тебѣ, дитятко?

А онъ отвѣчаетъ:

— Развѣ,—говорить:—ты не видишь, меня отрасовица бьетъ?

И вижу точно, весь онъ трясется и глаза блуждаютъ. И какъ все это, милостивые государи, случилось вдругъ! Ни на что не жаловался, шелъ бодро и вдругъ сѣлъ въ лѣску на траву, а головку положилъ на избутъый пенъ и говорить:

— Ой, голова моя, голова! ай, горить моя голова огнемъ-пламенемъ! Не могу я идти: не могу больше шагу

стушить!—а самъ, бѣдняга, даже къ землѣ клонится, падаетъ.

А дѣло подь вечеръ.

Ужасно я испугался, а пока мы тутъ подождали, не облегчить ли ему недугъ, стала ночь; время осеннее, темное, мѣсто незнакомое, вокругъ однѣ сосны и ели могучія, какъ аркефовы деревья, а отрокъ просто помираетъ. Что тутъ дѣлать! Я ему со слезами говорю:

— Левушка, батюшка, поневолясь, авось до ночлежка дойдемъ.

А онъ клонить головушку, какъ скошенный цвѣтокъ, и словно во снѣ бредить:

— Не тронь меня, дядя Марко; не тронь и самъ не бойся.

Я говорю:

— Помилуй, Лева, какъ не бояться въ такой глуши непробудной.

А онъ говорить:

— Не спай и бдѣй сохранить.

Я думаю: «Господи! что это съ нимъ такое?» А самъ въ страхѣ все-таки сталъ прислушиваться, и слышу по лѣсу вдалькъ что-то словно потрескиваетъ... Владыко многомилостиве! думаю, это вѣрно звѣрь, и сейчасъ онъ насъ растерзаетъ! И уже Левонтія не зову, потому что вижу, что онъ точно самъ изъ себя куда-то излетѣлъ и выгасть, а только молюсъ: Ангеле Христовъ, соблюди насъ въ сей страшный часъ! А трескъ-отъ ближе и ближе слышится, и вотъ-вотъ уже совсѣмъ подходитъ... Здѣсь я долженъ вамъ, господа, признаться въ великой своей низости: такъ я оробѣлъ, что покинулъ больного Левонтія на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ лежалъ, да самъ бѣлки проворнѣе на дерево вскочилъ, вынулъ сабельку и сижу на суку да гляжу, что будетъ, а зубами, какъ пуганый волкъ, такъ и ляскаю... И вдругъ-съ замѣчаю я во тьмѣ, къ которой глазъ мой приглядѣлся, что изъ лѣсу выходитъ что-то по началу совсѣмъ безвидное,—не разобрать, звѣрь или разбойникъ, но сталъ приглядываться и различаю, что и не звѣрь, и не разбойникъ, а очень небольшой старичокъ въ колпачкѣ, и видно мнѣ даже, что въ поясу у него топоръ заткнуть, а на спинѣ большая вязанка дровъ, и вышелъ онъ на поляночку; подышалъ, подышалъ часто воздухомъ, точно со всѣхъ сторонъ повѣтріе собиралъ, и вдругъ сбросилъ на землю вязанку и, точно почувявъ чловѣка, идетъ прямо къ моему

товарищу. Подошелъ, нагнулся, посмотрѣлъ въ лицо и взялъ его за руку, да и говорить:

— Встань, брате!

И что же вы изволите думать? вижу я, поднялъ онъ Левонтія и ведетъ прямо къ своей вязаночкѣ и взвалилъ ее ему на плечи и говорить:

— Понеси-ко за мною!

— А Левонтія и понесъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Можете себѣ, милостивые государи, представить, какъ я такого дива долженъ былъ испугаться! Откуда этотъ повелительный тихій старичокъ взялся и какъ это мой Лева сейчасъ точно смерти былъ привержень и головы не могъ поднять, и опять сейчасъ уже вязанку дровъ нести!

Я скорѣе соскочилъ съ дерева, сабельку на бечевѣ за спину забросилъ, а сломалъ про всякій случай здоровую лѣторосль понадежнѣе, да за ними, и скоро ихъ настигъ и вижу: старичокъ впереди грядетъ и какъ разъ онъ точно такой же какъ мнѣ съ перваго взгляда показался: маленький и горбатенькій; а бородка по сторонамъ клочечками, какъ мыльная пѣна бѣлая, а за нимъ мой Левонтія идетъ, слѣдомъ въ слѣдъ его ноги бодро понападаетъ и на меня смотреть. Сколько я къ нему ни заговаривалъ и рукою его ни трогалъ, онъ и вниманія на меня не обратилъ, а все будто во снѣ идетъ.

Тогда я подбѣжалъ сбоку къ старичку и говорю:

— Доброчестный человѣкъ!

А онъ отзывается:

— Что тебѣ?

— Куда ты насъ ведешь?

— Я,— говорить:—никого никуда не веду, всѣхъ Господь ведетъ!

И съ этимъ словомъ вдругъ остановился: и я вижу, что предъ нами низенькая стѣнка и ворота, а въ воротахъ продѣлана малая дверка, и въ эту дверку старичокъ началъ стучаться и зоветь:

— Брате Миронъ! а брате Миронъ!

А оттуда дерзый голосъ грубо отвѣчаетъ:

— Опять ночью притащился. Ночуй въ лѣсу! Не лущу!

Но старичокъ опять давай проситься, молить ласково:

— Впусти, брате!

Тотъ дерзый вдругъ отчинилъ дверь, и вижу я это человекъ тоже въ такомъ же колпакѣ, какъ и старичокъ, но только суровый-пресуровый грубитель, и не успѣлъ старичокъ ноги перенести черезъ порогъ, какъ онъ его такъ толкнулъ, что тотъ мало не обрушился, и говоритъ:

— Спаси тебя Богъ, брате мой, за твою услугу.

«Господи! помышляю, куда это мы попали», и вдругъ какъ молонья меня освѣтила и поразила.

«Спасе премилосердый!» взгадалъ я, «да ужъ это не Памва ли безгнѣвный! Такъ лучше же бы, думаю, я въ дебри лѣсной погибъ или къ звѣрю, или къ разбойнику въ берлогу зашелъ, чѣмъ къ нему жодъ кровь».

И чуть онъ ввелъ насъ въ маленькую какую-то хибарочку и зажегъ воску желтаго свѣчу, я сейчасъ догадался, что мы, дѣйствительно, въ лѣсномъ скитѣ, и, не стерпѣвъ дальше, говорю:

— Прости, благочестивый человекъ, спрошу я тебя: гдѣ же ли намъ съ товарищемъ оставаться здѣсь, куда ты привелъ насъ?

А онъ отвѣчаетъ:

— Вся Господни земля и благословенны вси живущіе,— ложись, спи!

— Нѣтъ, позволь,—говорю:—тебѣ объявиться, вѣдь мы по старой вѣрѣ.

— Всѣ,—говоритъ:—уды единого тѣла Христова! Онъ всѣхъ соберетъ!

И съ этимъ подвелъ насъ къ уголку, гдѣ у него на полу сдѣлана скудная рогозина постелька, а въ возглавіи древесный круглякъ соломкой прикрытъ, и опять уже обоимъ намъ молвить:

— Спи!

И что же? Левонтій мой, какъ послушенствующій отрокъ, сейчасъ и повалился, а я, свое опасеніе наблюдая, говорю:

— Прости, Божій человекъ, еще одно вопрошеніе...

Онъ отвѣчаетъ:

— Что вопрошать: Богъ все знаетъ.

— Нѣтъ, скажи,—говорю:—миѣ: какъ твое имя?

А онъ, какъ совсѣмъ бы ему не соответствовало, бабственною погудкою говоритъ:

— Зовутъ меня зовуткою, а величаютъ уткою, и съ этими пустыми словами попользъ было со свѣчечкою въ какой-то малый чуланъ, тѣсный какъ дощатый гробикъ, но изъ-за стѣны на него тотъ дерзый вдругъ опять закричалъ:

— Не смѣй огня жечь: келью сожжешь, по книжкѣ днемъ намолнишься, а теперь влотьмахъ молись!

— Не буду,—отвѣчаетъ:—brate Миронъ, не буду. Спаси тебя Богъ!

И задулъ свѣчку.

Я шепчу:

— Отче! кто это на тебя такъ грубительно грозится?

А онъ отвѣчаетъ:

— Это служка мой, Миронъ... добрый человекъ, онъ блюдетъ меня.

«Ну, шабашъ! думаю, это анахоритъ Памва! Никто это другою, какъ онъ, и беззавистный, и безгнѣвный. Вотъ когда бѣда! обрящель онъ насъ и теперь истлить насъ какъ гангрена жиръ; одно только оставалось, чтобы завтра рано на зарѣ восхитить отсюда Левонтія и бѣжать отсюда такъ, чтобъ онъ не зналъ, гдѣ мы были». Держа этотъ планъ, я положилъ не спать и блюсти первый просвѣтъ, чтобы возбудить отрока и бѣжать.

А чтобы не заснуть и не проспять, лежу да твержу: «Вѣрую» какъ должно по-старому, и какъ протвержу разъ, сейчасъ причитаю «сія вѣра апостольская, сія вѣра каеолическая, сія вѣра вселенную утверди» и опять начинаю. Не знаю, сколько разъ я эту «Вѣрую» прочелъ, чтобы не заснуть, но только много; а старичокъ все въ своемъ гробѣ молится, и мнѣ оттуда сквозь пазы тесинъ точно свѣтъ кажетъ и видно какъ онъ кланяется, а потомъ вдругъ будто началъ слышаться разговоръ, и какой... самый необъяснимый, будто вошелъ къ старцу Левонтій, и они говорятъ о вѣрѣ, но безъ словъ, а такъ смотря другъ на друга и понимаютъ. И это долго мнѣ такъ представлялось, я уже «Вѣрую» позабылъ твердить, а слушаю, какъ будто старецъ говорить отроку: «поди, очистись», а тотъ отвѣчаетъ «и очинусь». И теперь вамъ не скажу, все это было во снѣ, или не во снѣ, но только я потомъ еще долго спалъ и, наконецъ, просыпаюсь и вижу: утро, совсѣмъ свѣтло, и оный старецъ, хозяинъ нашъ, анахоритъ сидитъ и свайкою лы-

ковый лаптокъ на колѣняхъ ковывается. Я сталъ въ него всматриваться.

Ахъ, сколь хорошы! ахъ, сколь духовны! Точно ангель предо мною сидитъ и лаптоки плететь, для простаго себя міру явленія.

Гляжу я на него и вижу, что и онъ на меня смотритъ и улыбается, и говоритъ:

— Полно, Маркъ, спать, пора дѣло дѣлать.

Я отзываюсь:

— Какое же, боготечный мужъ, мое дѣло? Или ты все знаешь?

— Знаю,—говоритъ,—знаю. Когда же человѣкъ далекій путь безъ дѣла творить? Всѣ, брате, всѣ пути Господняго ишуть. Помогай Господь твоему смиренію, помогай!

— Какое же,—говорю,—святой человѣкъ, мое смиреніе?— ты смиренъ, а мое что за смиреніе въ суетѣ!

А онъ отвѣчаетъ:

— Ахъ, нѣтъ, брате, нѣтъ, я не смиренъ: я великій дерзостникъ, я себѣ въ небесномъ царствѣ части желаю.

И вдругъ, сознавъ сіе преступленіе, сложилъ ручки и, какъ малое дитя, заплакалъ.

— Господи!—молится,—не прогнѣвайся на меня за сію волевозвращность: пошли меня въ преисподнѣйшій адъ и повели демонамъ меня мучить, какъ я того достоинъ!

«Ну, думаю, нѣтъ: слава Богу, это не Памва прозорливый анахоритъ, а это просто какой-то умоповрежденный старецъ». Разсудилъ я такъ потому, что кто же въ здоровомъ умѣ небеснаго царства можетъ отрицаться и молить, дабы послалъ его Господь на мученіе демонамъ? Я этакого хотѣнія во всю жизнь ни отъ кого не слыхалъ и, сочтя оное за безуміе, отвратился отъ старцева плача, считая оный за скорбь демоноговѣйную. Но, наконецъ, разсуждаю: что же это я лежу, пора вставать, но только вдругъ гляжу, отворяется дверь и входитъ мой Левонтій, про котораго я точно совсѣмъ позабылъ. И какъ онъ вошелъ, сейчасъ старцу въ ноги и говоритъ:

— Я, отче, все совершилъ: теперь благослови!

А старецъ посмотрѣлъ на него и отвѣчаетъ:

— Миръ, ти: почій!

И мой отрокъ, гляжу, опять ему въ землю поклонился и вышелъ, а анахоритъ опять сталъ свой лаптокъ плести.

Тутъ я сразу вскочилъ и думаю:

«Нѣтъ: пойду скорѣе возьму Лева и утечемъ отсюда безъ оглядки!» и съ тѣмъ выхожу въ малыя сѣннички и вижу, что мой отрокъ лежитъ тутъ на дощаной скамьѣ безъ головѣй, навзничъ и ручки на груди сложилъ.

Я, чтобы не подать ему виду тревоги, гласно спрашиваю:

— Не знаешь ли ты, гдѣ я зачерпну себѣ воды, чтобы лицо умыть?—а шопотомъ шепчу ему:—Богомъ живымъ тебя заклинаю, скорѣе отсюда поидемъ!

Но всматриваюсь въ него и вижу, что Лева не дышитъ... Отошелъ!.. Умеръ!..

Взвылъ я не своимъ голосомъ:

— Памва! отецъ Памва, ты убилъ моего отрока!

А Памва вышелъ потихоньку на порогъ и говорить съ радостію:

— Улетѣлъ нашъ Лева!

Меня даже зло взяло.

— Да,—отвѣчаю сквозь слезы:—онъ улетѣлъ. Ты изъ него душу, какъ голубя изъ клѣтки, выпустилъ!—и повергшись къ ногамъ усоншаго, стеналъ я и плакалъ надъ нимъ даже до вечера, когда пришли изъ монастырька иноки, опрятали его моци, положили въ гробъ и понесли, такъ какъ онъ симъ утромъ, пока я нетягъ спалъ, къ церкви присоединился.

Ни одного слова я болѣе отцу Памвѣ не сказалъ, да и что бы я могъ ему сказать: согруби ему—онъ благословить, приберей его—онъ въ землю поклонится, неодолимъ сей человекъ съ такимъ смиреніемъ! Чего онъ утрашится, когда даже въ адъ самъ просится? Нѣтъ; недаромъ я его трепеталъ и опасался, что истлится онъ насъ, какъ гангрена жиръ. Онъ и демоновъ-то всѣхъ своимъ смиреніемъ изъ ада разгонитъ, или къ Богу обратитъ! Они его станутъ мучить, а онъ будетъ просить: «жоще терзайте, ибо я того достоинъ». Нѣтъ, нѣтъ! Этого смиренія и сатанѣ не выдержать! онъ всѣ руки о него обколотитъ, всѣ когти обдеретъ и самъ свое безсиліе постигнетъ предъ Содѣтелемъ, такую любовь создавшимъ, и устыдится Его.

Такъ я себѣ и порѣшилъ, что сей старецъ съ лапѣткомъ аду на погибель созданъ! и всю ночь по лѣсу бродючи, не знаю отчего вдаль не иду, а все думаю:

«Какъ же онъ молится, какимъ образомъ и по какимъ книгамъ?»

И вспоминаю, что я не видалъ у него ни одного образа, окомѣ креста изъ палочекъ, лычкомъ связаннаго, да не видалъ и толстыхъ книгъ...

«Господи! дерзаю разсуждать: если только въ церкви два такіе человѣка есть, то мы пропали, ибо сей весь любовью одушевленъ».

И все я о немъ думалъ и думалъ и вдругъ передъ утромъ началъ жаждаť хотѣ на минуту его предъ отходомъ отсюда видѣнія.

И только что я это помыслилъ, вдругъ опять слышу, опять такой самый трескотъ, и отецъ Памва опять выходитъ съ топоромъ и съ визанкою дровъ и говоритъ:

— Что долго медилъ? Посиѣшай Вавилонъ строить?

Мнѣ это слово показалось очень горько и я сказалъ:

— За что же ты меня, старче, такимъ словомъ упрекаешь: я никакого Вавилона не строю и отъ вавилонской мерзости особлюсь.

А онъ отвѣчаетъ:

— Что есть Вавилонъ? столпъ киченія; не кичись правдою, а то Ангель отступится.

— Я говорю: отче, знаешь ли, зачѣмъ я хожу? И разсказалъ ему все наше горе. А онъ все слушалъ, слушалъ и отвѣчаетъ:

— Ангель тихъ, Ангель кротокъ, во что ему повелитъ Господь, онъ въ то и одѣтся; что ему укажетъ, то онъ сотворитъ. Вотъ Ангель! Онъ въ душѣ человѣчей живетъ, суемудріемъ запечатлѣнъ, но любовь сокрушитъ печать...

И съ тѣмъ вижу онъ удаляется отъ меня, а я отвратить глазъ отъ него не могу и, преодолѣть себя будучи не въ состояніи, пальъ и вслѣдъ ему въ землю поклонился, а поднимаю лицо и вижу, его уже нѣтъ, или за древа зашелъ, или... Господь знаетъ куда дѣлся.

Тутъ я сталъ перебирать въ умѣ его слова, что такое: Ангель въ душѣ живетъ, но запечатлѣнъ, а любовь освобождаетъ его, да вдругъ думаю: «А что если онъ самъ Ангель, и Богъ повелитъ ему въ иномъ видѣ явиться мнѣ: я умру какъ Левонтій!» Взгадавъ это, я, самъ не помню, на какомъ-то пенекѣ перепалъ черезъ рѣчку и ударился бѣжать: шестьдесятъ верстъ безъ остановки ушелъ, все въ страхѣ, думая не Ангела ли я это видѣлъ, и вдругъ захожу въ одно село и нахожу здѣсь изографа Севастьяна. Сразу

мы съ нимъ обо всемъ переговорили и положили, чтобы завтра же ѣхать, но поладили мы холодно и ѣхали еще холоднѣе. А почему? Разъ потому, что изографъ Севастьянъ былъ человѣкъ задумчивый, а еще того болѣе потому, что самъ я не тотъ сталъ: виталь въ души моей анахоритъ Памва, и уста шептали слова пророка Исаи, что «духъ Божій въ поздрѣхъ человѣка сего».

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Обратное подорожіе мы съ изографомъ Севастьяномъ отбыли скоро и, прибывъ къ себѣ на постройку ночью, застали здѣсь все благополучно. Повидавшись съ своими, мы сейчасъ же появились и англичанину Якову Яковлевичу. Тотъ, любопытный этакой, сейчасъ же поинтересовался изографа видѣть и все ему на руки его смотрѣлъ да плещми пожималъ, потому что руки у Севастьяна были большущія какъ грабли и черныя, поелику и самъ онъ былъ видомъ какъ цыганъ черенъ. Яковъ Яковлевичъ и говорить:

— Удивляюсь я, братецъ, какъ ты такими ручищами можешь рисовать?

А Севастьянъ отвѣчаетъ:

— Отчего же? Чѣмъ мои руки несоответственны?

— Да тебѣ,—говорить:—что-нибудь мелкое ими не выведешь.

Тотъ спрашиваетъ:

— Почему?

— А потому, что гибкость состава перстовъ не позволить.

А Севастьянъ говорить:

— Это пустяки! Развѣ персты мои могутъ мнѣ на что-нибудь позволять или не позволять? Я имъ господинъ, а они мнѣ слуги и мнѣ повинуются.

Англичанинъ улыбается.

— Значитъ ты,—говорить:—намъ запечатлѣннаго Ангела подведешь?

— Отчего же,—отвѣчаетъ:—я не изъ тѣхъ мастеровъ, которые дѣла боятся, а меня самого дѣло боится; такъ подведу, что и не отличите отъ настоящей.

— Хорошо,—молвилъ Яковъ Яковлевичъ:—мы немедли же станемъ стараться настоящую икону достать, а ты тѣмъ

часомъ, чтобъ увѣрить меня, докажи мнѣ свое искусство: напиши ты моей женѣ икону въ древне-русскомъ родѣ и такую, чтобъ ей нравилась.

— Какое же во-има?

— А ужъ этого я,—говорить:—не знаю; что знаешь, то и напиши, это ей все равно, только чтобы нравилась.

Севастьянъ подумалъ и вопрошаетъ:

— А о чемъ ваша супруга болѣе Богу молится?

— Не знаю, — говоритъ: — другъ мой; не знаю о чемъ, но, я думаю, вѣришь всего о дѣтяхъ, чтобъ изъ дѣтей честные люди вышли.

Севастьянъ опять подумалъ и отвѣчаетъ:

— Хорошо-съ, я и подъ этотъ вкусъ потрафлю.

— Какъ же ты потрафишь?

— Такъ изображу, что будетъ созерцательно и усугубленію молитвеннаго духа супруги вашей благопріятно.

Англичанинъ велѣлъ ему дать всѣ удобства у себя на вышкѣ, но только Севастьянъ не сталъ тамъ работать, а сѣлъ у окошечка на чердачкѣ надъ Луки Кириллова горнякой и началъ свою акцію.

И что же онъ, государи мои, сдѣлалъ, чего мы и вообразить не могли. Какъ шло дѣло о дѣтяхъ, то мы думали, что онъ изобразить Романа чудотворца, коему молятся отъ неплодія, или избіеніе младенцевъ въ Иерусалимѣ, что всегда матерямъ, потерявшимъ чадъ, бываетъ пріятно, ибо тамъ Рахиль съ ними плачетъ о дѣтяхъ и не хочетъ утѣшиться; но сей мудрый изографъ, сообразивъ, что у англичанки дѣти есть и она льетъ молитву не о дарованіи ихъ, а объ оправданіи ихъ нравственности, взялъ и совѣтъ иное написалъ, къ цѣлямъ ея еще болѣе соотвѣтственное. Избралъ онъ для сего старенькую самую небольшую досточку пядницу, то-есть въ одну ручную пядь величины, и началъ на ней таланствовать. Прежде всего онъ ее, разумѣется, добре вылевкасилъ крѣпкимъ казанскимъ алебастромъ, такъ что сталъ этотъ левкасъ гладокъ и крѣпокъ какъ слоновья кость, а потомъ разбилъ на ней четыре ровныя мѣста и въ каждомъ мѣстѣ обозначилъ особливую малую икону, да еще ихъ стѣснилъ тѣмъ, что промежду нихъ на олифѣ золотомъ каймы положилъ, и сталъ писать: въ первомъ мѣстѣ написалъ рождество Іоанна Предтечи, восемь фигуръ и новорожденное дитя, и палаты;

во второмъ — рождество Пресвятыя Владычицы Богородицы, шесть фигуръ и поворожденное дитя, и палаты; въ третьемъ — Спасово пречистое рождество, и хлѣвъ, и ясли, и предстоящіе Владычица и Іосифъ, и припадшіе боготечные волхвы, и Соломія баба, и скоть всякимъ подобіемъ: волы, овцы, козы и осли, и сухолапль птица, жидамъ за-прещенная, коя пишется въ означеніе, что идетъ сіе не отъ жидовства, а отъ Божества, все создавашаго. А въ четвертомъ отдѣленіи рожденеіе Николая Угодника, и опять тутъ и святой угодникъ въ младенчествѣ, и палаты, и многіе предстоящіе. И что тутъ былъ за смыслъ, чтобы видѣть предъ собою воспитателей столь добрыхъ чадъ, и что за художество, всѣ фигурки ростомъ въ булавочку, а вся ихъ одушевленность видна и движеніе. Въ богородничномъ рождествѣ, напримѣръ, святая Анна, какъ по греческому подлиннику назначено, на одрѣ лежитъ, предъ нею двѣ тимпанницы стоятъ, и однѣ держать дары, а инья солнечникъ, инья же свѣщи. Едина жена держитъ святую Анну подъ плечи; Іоакимъ зритъ въ верхнія палаты; баба святую Богородицу омываетъ въ купели до пояса: посторонъ двѣца льетъ изъ сосуда воду въ купель. Палаты всѣ разведены по циркулю, верхняя призелень, а нижняя боканъ, и въ этой нижней палатѣ сидитъ Іоакимъ и Анна на престолѣ, и Анна держитъ Пресвятую Богородицу, а вокругъ между палатъ столбы каменные, запоны червленныя, а ограда бѣла и вохряна... Дивно, дивно все это Севастьянъ изобразилъ, и въ премельчайшемъ каждомъ личикѣ все богозрительство выразилъ и надписалъ образъ «Добро-чадіе» и принесъ англичанамъ. Тѣ глянули, стали раз-бировать, да и руки врозь: никогда, говорятъ, такой фантазіи не ожидали и такой тонкости мелкоскопическаго письма не слыхивали, даже въ мелкоскопъ смотреть, и то никакой ошибки не находятъ, и дали они Севастьяну за икону двѣсти рублей и говорятъ:

— Можешь ли ты еще мельче выразить?

Севастьянъ отвѣчаетъ:

— Могу.

— Такъ скопируй мнѣ, — говоритъ: — въ перстень женинъ портретъ.

Но Севастьянъ говоритъ:

— Нѣтъ, вотъ ужъ этого я не могу.

— А почему?

— А потому,—говорит:—что, во-первыхъ, я этого искусства не пробовалъ, а повторительно, я не могу для него своего художества унижить, дабы отеческому осужденію не подпасть.

— Что за вздоръ такой!

— Никакъ нѣтъ,—отвѣчаетъ:—это не вздоръ, а у насъ есть отеческое постановленіе отъ благихъ временъ, и въ патриаршей грамотѣ подтверждается: «аще убо кто на таковое святое дѣло, еже есть иконное воображеніе, сподобится, то тому изряднаго жителства изографу ничего, кромѣ святыхъ иконъ, не писать!»

Яковъ Яковлевичъ говоритъ:

— А если я тебѣ пятьсотъ рублей дамъ за это?

— Хоть и пятьсотъ тысячъ общайте, все равно, при васъ онѣ останутся.

Англичанинъ просіялъ и шутя говоритъ женѣ:

— Какъ это тебѣ нравится, что онъ твое лицо писать считаетъ для себя за униженіе?

А самъ ей по-аглички прибавляетъ: «охъ, моля, гуть карахтеръ». Но только молвилъ въ концѣ:

— Смотрите же, братцы, теперь мы беремъ все дѣло шабашить, а у васъ, я вижу, на все свои правила, такъ чтобы не было упущено или позабыто чего-нибудь такого, что всему помѣшать можетъ.

Мы отвѣчаемъ, что ничего такого не предвидимъ.

— Ну, такъ смотрите,—говоритъ:—я начинаю,—и онъ поѣхалъ ко владыкѣ съ просьбою, что хочеть-де онъ поусердствовать, на запечатлѣнномъ Ангелѣ ризу позолотить и вѣнецъ украсить. Владыко на это ему ни то, ни се: ни отказываетъ, ни приказываетъ; а Яковъ Яковлевичъ не отстаетъ и домогаетъ; а мы уже ждемъ, что порохъ огня.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

При семъ позвольте вамъ, господа, напомнить, что съ тѣхъ поръ, какъ это дѣло началось, время прошло не мало, и на дворѣ стояло Спасово Рождество. Но вы не числите тамоннее Рождество наравнѣ со здѣшнимъ: тамъ время бываетъ съ капризцемъ, и одинъ разъ справляетъ этотъ праздникъ по зимнему, а въ другой разъ не вѣсть по какому: дождить, мокнетъ; одинъ день слегка морозцемъ постынетъ,

а на другой опять растворить; рѣку то ледкомъ засалить, то вспучить и нестеть крыги какъ будто въ весеннюю половодь... Однимъ словомъ, самое непостоянное время, и какъ по тамошнему мѣсту зовется уже не погода, а просто *халена*, такъ оно ей и пристало халепой быть.

Въ тотъ годъ, къ коему рассказъ мой клонить, непостоянство это было самое досадительное. Пока я вернулся съ изографомъ, я не могу вамъ и перечислить, какое число разъ наши то на зимнемъ, то на лѣтнемъ положеніи себя поставляли. А время было, по работѣ глядя, самое горячее, потому что уже у насъ всѣ семь быковъ были готовы и съ одного берега на другой цѣпи переносились. Хозяевамъ, разумѣется, какъ можно скорѣе хотѣлось эти цѣпи соединить, чтобы на нихъ къ половодью хоть какой-нибудь временной мостикъ подвѣсить для доставки матеріала, но это не удалось: только цѣпи перетянули, жамкнулъ такой морозце, что мостить нельзя. Такъ и осталось; цѣпи однѣ висятъ, а моста нѣтъ. Зато создалъ Богъ другой мостъ: рѣка стала, и налгъ англичанинъ поѣхалъ по льду за Дибпръ хлопотать о нашей иконѣ и оттуда возвращается и говорить мнѣ съ Лукою:

— Завтра,—говорить:—ребята, ждите, я вамъ ваше сокровище привезу.

Господи, чтѣ только мы въ эту пору почувствовали! Хотѣли было сначала таинствовать и одному изографу сказать, но утерпѣть ли сердцу человѣчу! Въмѣсто соблюденія тайности, обѣгли мы всѣхъ своихъ, во всѣ окна постучали и все другъ къ другу шепчемъ, да не знать чего бѣгаемъ отъ избы къ избѣ, благо ночь свѣтлая, превосходная, морозъ по снѣгу самоцвѣтнымъ камнемъ сынить, а въ чистомъ небѣ Есперьъ звѣзда горитъ.

Проведя въ такой радостной бѣготнѣ ночь, день мы встрѣтили въ томъ же восхищенномъ ожиданіи, и съ утра уже отъ своего изографа не отходимъ и не знаемъ, куда за нимъ его сапоги понести, потому что пришелъ часъ, когда все зависитъ отъ его художества. Что только онъ скажетъ подать или принести, мы во всякій слѣдъ вдесятеромъ летимъ и такъ усердствуемъ, что одинъ другого съ ногъ валяемъ. Даже дѣдъ Марой до той поры бѣгалъ, что, зацѣпившись, каблукъ оторвалъ. Одинъ только самъ изографъ спокоенъ, потому что ему эти дѣла было уже не впервые дѣлать, и

потому онъ несуетно себѣ все приготовлялъ: яйцо кваскомъ развелъ, олифу осмотрѣлъ, приготовилъ левкасный холстикъ, старенькія досточки, какія подходяія къ величинѣ иконы, разложилъ, настроилъ острую пилку, какъ струну, въ излучинѣ изъ крѣпкаго обода, и сидитъ подь окошечкомъ, да какіе предвидитъ нужными валы пальцами въ долони перетираетъ. А мы всё вымылись въ печи, понадѣвали чистыя рубашки и стоимъ на бережку, смотримъ на градъ убѣжища, откуда долженъ къ намъ свѣтоносный гость пожаловать; а сердца такъ то затрепещуть, то падаютъ...

Ахъ, какія были мгновенія, и длились они съ ранней зари даже до вечера, и вдругъ видимъ мы, что по льду отъ города англичаниновы сани несутся и прямо къ намъ... По всѣмъ трепеть прошелъ, шапку всё подь ноги бросили и молимся.

— Боже Отецъ духовомъ и ангеломъ: пощади рабы Твои!

И съ этимъ моленьемъ упали ницъ на снѣгъ и впередъ жадно руки простираемъ, и вдругъ слышимъ надъ собою англичаниновъ голосъ:

— Эй, вы! Старовѣры! Вотъ вамъ привезъ!—и подаетъ узелокъ въ бѣломъ платочкѣ.

Лука принялъ узелокъ и замеръ: чувствуетъ, что это что-то малое и легковѣсное! Раскрылъ уголокъ платочка и видитъ: это одна басма съ нашего Ангела сорвана, а самой иконы нѣтъ.

Кинулись мы къ англичанину и говоримъ ему съ плачемъ:

— Обманули вашу милость, тутъ иконы нѣтъ, а одна басма серебряная съ нея прислана.

Но англичанинъ уже не тотъ, что былъ къ намъ до сего времени: вѣрно досадило ему это долгое дѣло, и онъ крикнулъ на насъ:

— Да что же вы все путаете! Вы же сами мнѣ говорили, что надо ризу выпросить, я ее и выпросилъ: а вы, вѣрно, просто не знаете, что вамъ нужно!

Мы ему, видя, что онъ возлокоталъ, съ осторожностью было начали объяснять, что намъ икона нужна, чтобы поддѣлокъ сдѣлать, но онъ не сталъ насъ болѣе слушать, выгналъ вонъ и одну милость показалъ, что велѣлъ изографа къ нему послать.

Пошелъ къ нему изографъ Севастьянъ, а онъ точно такимъ же манеромъ и на него съ клокотаніемъ.

— Твой,—говорить:—мужики сами не знаютъ, чего хотятъ: то просили ризу, говорили, что тебѣ только надо размѣры, да абрисъ свята, а теперь режутъ, что это имъ ни къ чему не нужно; но я болѣе вамъ ничего сдѣлать не могу, потому что архіерей образа не даетъ. Поддѣлывай скорѣе образъ, обложимъ его ризой и отдадимъ, а старый мнѣ секретарь выкрадетъ.

Но Севастьянъ изографъ, какъ человекъ разсудительный, обаялъ его мягкою рѣчью и отвѣтствуетъ:

— Нѣтъ,—говорить:—ваша милость; наши мужички свое дѣло знаютъ, и намъ, дѣйствительно, подлинная икона впередъ нужна. Это, говоритъ, — только въ обиду намъ выдуманно, что мы будто по переводамъ, точно по трафаретамъ пишемъ. А у насъ въ подлинникѣ постановленъ законъ, но исполненіе его дано свободному художеству. По подлиннику, наврѣмѣрь, повелѣно писать Святого Зосиму или Герасима со львомъ, а не стѣснена фантазія изографа какъ при нихъ того льва изобразить? Святого Неофита указано съ птицею голубемъ писать; Конона Градаря съ цвѣткомъ, Тимоѣея съ ковчегцемъ, Георгія и Савву Стратилата съ копьями, Ѳотія съ корнавкой, а Кондрата съ облаками, ибо онъ облака воспитывалъ, но всякій изографъ воленъ это изобразить какъ ему фантазія его художества позволить, и потому опять не могу я знать, какъ тотъ Ангель писанъ, котораго надо подмѣнить.

Англичанинъ все это выслушалъ и выгналъ Севастьяна какъ и насъ, и нѣтъ отъ него никакого дальшаго рѣшенія, и сидимъ мы, милостивые государи, надъ рѣкою, яко враны на нырищѣ, и не знаемъ, вполнѣ ли отчаиваться или еще чего ожидать, но идти къ англичанину уже не смѣемъ, а къ тому же, и погода стала опять единохарактерна намъ: спустилась ужасная оттепель и засѣлъ дождь, небо среди дня все яко дымъ копильный, а ночи темнѣющія, даже Есеперь звѣзда, которая въ декабрѣ съ тверди небесной не сходить, и та скрылась и ни разу не выгянетъ... Тюрьма душевная, да и только! И таково наступило Спасово Рождество, а въ самый сочельникъ ударилъ громъ, полилъ ливень, и льетъ, и льетъ безъ уставу два дни и три дни: снѣгъ весь смыло и въ рѣку свесло, а на рѣкѣ ледъ началъ

синѣть да пучиться, и вдругъ его въ предпоследній день года всперло и понесло... Мчить его сверху и швырять крыга на крыгу по мутной волнѣ, у нашихъ построекъ всю рѣку затерло: горой содитъ льдина на льдину и прядаютъ онѣ и сами звенять, прости Господи, точно демоны... Какъ стоятъ постройки и этакое несподиванное тѣсненіе терпятъ, даже удивительно. Страшные миллионы могло разрушить, но намъ не до того; потому что у насъ изографъ Севастьянъ, видя, что дѣла ему никакого нѣтъ, вскромолился, — складаетъ пожитки и хочетъ въ инья страны идти, и никакъ его удержать не можемъ.

Да не до того было и англичанину, потому что съ нимъ за эту непогодъ что-то такое подѣлалось, что онъ мало съ ума не сошелъ: все, говорятъ, ходилъ да у всѣхъ спрашивалъ: «Куда дѣться? Куда дѣваться?» И потомъ вдругъ преодолѣлъ себя какъ-то, призываетъ Луку и говоритъ:

— Знаешь, чтѣ, мужикъ: пойдѣмъ вашего Ангеля красть?

Лука отвѣчаетъ:

— Согласенъ.

По Луки замѣчанію было такъ, что англичанинъ точно будто жаждалъ испытать опасныхъ дѣяній и положилъ такъ, что поѣдетъ онъ завтра въ монастырь къ епископу, возьметъ съ собою изографа подъ видомъ злотаря и попроситъ ему икону Ангела показать, дабы онъ могъ съ нея обстоятельный переводъ снять будто для ризы; а между тѣмъ какъ можно лучше въ нее взглянется и дома напишетъ съ нея подѣлокъ. Затѣмъ, когда у настоящаго злотаря риза будетъ готова, ее привезутъ къ намъ за рѣку, а Яковъ Яковлевичъ поѣдетъ опять въ монастырь и скажетъ, что хочетъ архіерейское праздничное служеніе видѣть и войдетъ въ алтарь и станетъ въ шинели въ темномъ алтарѣ у жертвенника, гдѣ наша икона на окнѣ бережется, и скрадетъ ее подъ полу, и, отдавъ челоуѣку шинель, якобы отъ жары, велитъ ее вынести. А на дворѣ за церковью нашъ челоуѣкъ, чтобы сейчасъ изъ той шинели икону взять и летѣлъ съ нею сюда на сей бокъ, и здѣсь изографъ долженъ въ продолженіе времени, пока идетъ всенощная, старую икону со старой доски снять, а подѣлокъ вставить, ризой одѣть и назадъ прислать, такимъ манеромъ, чтобы Яковъ Яковлевичъ могъ ее опять на окно поставить, какъ будто ничего не бывало.

— Что же-сть? Мы, говоримъ, на все согласны!

— Только смотрите же,—говорить:—помните, что я стану на мѣстѣ вора и хочу вамъ вѣрить, что вы меня не выдадите.

Лука Кириловъ отвѣчаетъ:

— Мы, Яковъ Яковлевичъ, не того духа люди, чтобъ обманывать благодѣтелей.—Я возьму икону и вамъ обѣ назадъ принесу, и настоящую, и поддѣлокъ.

— Ну, а если тебѣ что-нибудь помѣшаетъ?

— Что же такое мнѣ можетъ помѣшать?

— Ну, вдругъ ты умрешь или утонешь.

Лука думаетъ: отчего бы, кажется, быть такому препятствію, а, впрочемъ, соображаетъ, что, дѣйствительно, трафляется иногда и кладязь копающему обрѣтать сокровище, а идущему на торгъ встрѣчать пса обснуема, и отвѣчаетъ:

— На такой случай я, сударь, при васъ такого своего человѣка оставлю, который, въ случаѣ моей неустойки, всю вину на себя приметъ и смерть претерпитъ, а не выдастъ васъ.

— А кто это такой человѣкъ, на котораго ты такъ полагаешься?

— Ковачъ Марой,—отвѣчаетъ Лука.

— Это старикъ?

— Да, онъ не молодъ.

— Но онъ, кажется, глупъ?

— Намъ, моль, его умъ не надобенъ, но зато сей человѣкъ достойный духъ имѣеть.

— Какой же,—говорить:—можетъ быть духъ у глупаго человѣка?

— Духъ, сударь, — отвѣтствуетъ Лука: — бываетъ не по разуму; духъ идѣ же хочетъ дышать, и все равно, что волосъ растеть у одного долгій и роскошный, а у другого скудный.

Англичанинъ подумалъ и говорить:

— Хорошо, хорошо: это все интересныя ощущенія. Ну, а какъ же онъ меня выручитъ, если я попадусь?

— А вотъ какъ,—отвѣчаетъ Лука:—вы будете въ церкви у окна стоять, а Марой станетъ подъ окномъ снаружи, и если я къ концу службы съ иконами не явлюсь, то онъ стекло разобьетъ и въ окно полѣзетъ и всю вину на себя приметъ.

Это англичанину очень понравилось.

— Любопытно,—говорить:—любопытно! А почему я дол-

жесть этому вашему глупому человѣку съ духомъ вѣрить, что онъ самъ не убѣжитъ?

— Ну, ужъ это, моль, дѣло взаимовѣрія.

— Взаимовѣрія, повторяеть...—Гм, гм, взаимовѣрія! Я за глупаго мужика въ каторгу, или онъ за меня подь кнутъ? Гм, гм! Если онъ сдержитъ слово... подь кнутъ... Это интересно.

Послали за Мароемъ и объяснили ему въ чемъ дѣло, а онъ говоритъ:

— Ну такъ что же?

— А ты не убѣжишь?—говоритъ англичанинъ.

А Марой отвѣчаетъ:

— Зачѣмъ?

— А чтобы тебя плетями не били, да въ Сибирь не сослали.

А Марой говоритъ:

— Экося!—да больше и разговаривать не стала.

Англичанинъ такъ и радуется: весь ожилъ.

— Прелестъ,—говоритъ:—какъ интересно.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Сейчасъ же за этимъ переговоромъ началась и акція. Навеслили мы на утро большой хозяйскій баркасъ и перевезли англичанина на городской берегъ: онъ тамъ сѣлъ съ изографомъ Севастьяномъ въ коляску и покатишь въ монастырь, а черезъ часъ съ небольшимъ смотримъ, бѣжитъ нашъ изографъ и въ рукахъ у него листокъ съ переводомъ иконы.

Спрашиваемъ:

— Видѣлъ ли, родной нашъ, и можешь ли теперь поддѣлокъ потрафить?

— Видѣлъ,—отвѣчаетъ:—и потрафлю, только развѣ какъ бы малость чѣмъ живѣе не сдѣлалъ, но это не бѣда, когда икона сюда придетъ, я тогда въ одну минуту яркость цвѣта усмирю.

— Батюшка,—молимъ его:—порадѣй!

— Ничего,—отвѣчаетъ:—порадѣю!

И какъ мы его привезли, онъ сейчасъ сѣлъ за работу и къ сумеркамъ у него на холстикѣ поспѣлъ Ангелъ, двѣ капли воды какъ нашъ запечатлѣнный, только красками какъ будто немножко свѣжѣе.

Къ вечеру и злотарь новый окладъ прислалъ, потому онъ еще прежде былъ по басмѣ заказанъ.

Наступалъ самый опасный часъ нашего воровства.

Мы, разумѣется, во всемъ изготовились и предъ вече-

ромъ помолились и ждемъ должнаго мгновенія, и только что на томъ берегу въ монастырь въ первый колоколь ко всенощной ударили, мы сѣли три человѣка въ небольшую ладью: я, дѣдъ Марой, да дядя Лука. Дѣдъ Марой захватилъ съ собою топоръ, долото, ломъ и веревку, чтобы больше на вора походить, и поплыли прямо подъ монастырскую ограду.

А сумерки въ эту пору, разумѣется, раннія, и ночь, не смотря на вселуніе, стояла претемная, настоящая воровская.

Переѣхавши, Марой и Лука оставили меня подъ бережкомъ въ лодкѣ, а сами покрались въ монастырь. Я же весла въ лодку забралъ, а самъ концомъ веревки зацѣпился и нетерпѣливо жду, чтобы чуть Лука ногой въ лодку ступить, сейчасъ плыть. Время мнѣ ужасно долго казалось отъ томленія, какъ все это выйдетъ и успѣемъ ли мы все свое воровство покрыть, пока вечерня и всенощная пройдутъ? И кажется мнѣ, что уже времени и не вѣсть сколь много ушло; а темень страшная, вѣтеръ рветъ, и вмѣсто дождя, мокрый снѣгъ повалилъ, и лодку вѣтромъ стало поколыхивать, и я, лукавый рабъ, все мало-по-малу угрѣваясь въ свитенкѣ, началъ дремать. Только вдругъ въ лодку толкъ и закачалю. Я встрепенулся и вижу въ ней стоитъ дядя Лука и не своимъ передавленнымъ голосомъ говоритъ:

— Гроби!

Я беру весла, да никакъ со страха въ уключины не попаду. Насилу справился и отвалилъ отъ берега, да и спрашиваю:

— Добыли, дядя, Ангела?

— Со мной онъ, гроби мощнѣй!

— Расскажи же, — пытаю: — какъ вы его достали?

— Непорушно достали какъ было сказано.

— А успѣемъ ли назадъ взворотить?

— Должны успѣть: еще только великій прокимень вскричали. Гроби! Куда ты гребешь?

Я оглянулся: ахъ ты Господи! и точно я не туда гребу: все кажись какъ надлежить, впоперекъ теченія держу, а нашей слободы нѣтъ, — это потому что снѣгъ и вѣтеръ такой что страхъ, и въ глаза лѣпитъ, и вокругъ реветъ и качаетъ, а сверху рѣки точно какъ льдомъ дышитъ.

Ну, однако, милостью Божіею мы доставились; соскочили оба съ лодки и бѣгомъ побѣжали. Изографъ уже готовъ: дѣйствуетъ хладнокровно, но твердо: взялъ прежде икону въ руки, а какъ народъ передъ нею упалъ и поклонился,

то онъ подпустилъ всѣхъ познаменоваться съ запечатлѣннымъ ликомъ, а самъ смотритъ и на нее, и на свою поддѣлку, и говорить:

— Хороша! только надо ее маленько грязной съ шафраномъ усмирить! А потомъ взялъ икону съ реберъ въ тиски и налячилъ свою пилку что приправилъ въ крутой обручъ и... пошла эта пилка порхать. Мы всѣ стоимъ и того и смотримъ, что повредить! Страсть-съ! Можете себѣ вообразить, что вѣдь спиливалъ онъ ее этими своими махинными ручищами съ доски тониною не толще какъ листокъ самой тонкой писчей бумаги... Долго ли тутъ до грѣха: то-есть вотъ на волосъ покриви пила, такъ лѣтъ и раздереть и насквозь выскочить! Но изографъ Севастьянъ всю эту акцію совершалъ съ такою холодностью и искусствомъ, что, глядя на него, съ каждой минутой дѣлалось мирнѣй на душѣ. И точно спилилъ онъ изображение на тончайшемъ самомъ слоѣ, потомъ въ одну минуту этотъ спилокъ изъ краевъ вырвалъ, а края опять на ту же доску наклеилъ, а самъ взялъ свою поддѣлку скомкалъ, скомкалъ ее въ кулакъ и ну ее трепать объ край стола, и терхать въ долоняхъ, какъ будто рвалъ и погубить ее хотѣлъ, и, наконецъ, глянулъ сквозь холстъ на свѣтъ, а весь этотъ новенькій списочекъ какъ сито сдѣлался въ трещинкахъ... Тутъ Севастьянъ сейчасъ взялъ его и вклеилъ на старую доску въ средину краевъ, а на долонь набралъ какой зналъ темной красочной гризи, замѣсилъ ее пальцами со старою олифою и шафраномъ въ родѣ замазки и ну все это долонью въ тотъ потерханый списочекъ крѣпко-накрѣпко втирать... Живо онъ все это свершалъ и вновь писанная иконка стала совсѣмъ старая и какъ разъ такая, какъ настоящая. Тутъ этотъ поддѣлокъ въ минуту проолифилъ и другіе наши люди стали окладомъ ее одѣвать, а изографъ вправилъ въ приготовленную досточку настоящей вышилъ и требуетъ себѣ скорѣе лохмотъ старой поярковой шляпы.

Это начиналась самая трудная акція распечатлѣнія.

Подали изографу шляпу, а онъ ее сейчасъ перервалъ пополамъ на колѣнѣ и, покрывъ ею запечатлѣнную икону, кричить:

— Давай каленый утюгъ!

Въ печи, по его приказу, лежалъ въ жару раскаленъ тяжелый портняжій утюгъ.

Михайлица зацѣпила его и подаетъ на ухватѣ, а Севастьянъ обернуль ручку тряпкою, поплевалъ на утюгъ, да какъ дернетъ имъ по шляпному обрывку!.. Отъ разу съ этого войлока злой смрадь повалилъ, а изографъ еще разъ, да еще имъ третъ и вразъ отхватываетъ. Рука у него просто какъ молонья летаетъ и дымъ отъ поярка уже столбомъ валить, а Севастьянъ знай печетъ: одной рукой поярочекъ по-малу поворачиваетъ, а другою — утюгомъ дѣйствуетъ, и все разъ отъ разу неспѣшнѣе да сильнѣе налегаетъ, и вдругъ отбросилъ и утюгъ, и пояркъ, и поднялъ къ свѣту икону, а печати какъ не бывало: крѣпкая строгановская олифа выдержала, и сургучъ весь свелся, только чуть какъ будто красноогненная роса осталась на ликѣ, но зато свѣтлобожественный ликъ весь виденъ...

Тутъ кто молится, кто плачетъ, кто руки изографу лѣзетъ цѣловать, а Лука Кириловъ своего дѣла не забываетъ и, минутою дорожа, подаетъ изографу его поддѣльную икону и говоритъ:

— Ну, кончай же скорѣй!

А тотъ отвѣчаетъ:

— Моя акція кончена, я все сдѣлать, за что брался.

— А печать паложить.

— Куда?

— А вотъ сюда этому новому Ангелу на ликъ, какъ у того было.

А Севастьянъ покачалъ головою и отвѣчаетъ:

— Ну, нѣтъ, я не чиновникъ, чтобъ этакое дѣло дерзнулъ сдѣлать.

— Такъ какъ же намъ теперь быть?

— А уже я,—говоритъ:—этого не знаю. Надо было вамъ на это чиновника или нѣмца припасти, а упустили сихъ дѣятелей получить, такъ теперь сами дѣлайте.

Лука говоритъ:

— Что ты это! да мы ни за что не дерзнемъ!

А изографъ отвѣчаетъ:

— И я не дерзну.

И идетъ у насъ въ эти краткія минуты такая сумятица, какъ вдругъ влетаетъ въ избу Якова Яковлевича жена, вся блѣдная какъ смерть, и говоритъ:

— Неужели вы еще не готовы?

Говоримъ: и готовы, и не готовы: важнѣйшее сдѣлали, но ничтожнаго не можемъ.

А она нѣмуетъ по-своему:

— Что же вы ждете? Развѣ вы не слышите, что на дворѣ?

Мы прислушались и сами еще хуже ея поблѣднѣли: въ своихъ заботахъ мы на погоду вниманія не обращали, а теперь слышимъ гулъ: ледъ идетъ!

Выскочилъ я и вижу, онъ уже сплошной во всю рѣку претъ, какъ звѣрье какое бѣшеное, крыга на крыгу скачетъ, другъ на дружку такъ и придають, и шумятъ, и ломаются.

Я, себя не помня, кинулся къ лодкамъ, ихъ ни одной нѣтъ: всѣ унесло... У меня во рту языкъ осметкомъ сталъ, такъ что никакъ его не сомну, и ребро за ребро опустилось, точно я въ землю ухожу... Стою и не двигаюсь, и голоса не даю.

А пока мы тутъ во тьмѣ мечемся, англичанка, оставшись тамъ въ избѣ одна съ Михайлицей и узнавъ, въ чемъ задержка, схватила икону и... высказываетъ съ нею черезъ минуту на крыльцо съ фонаремъ и кричить:

— Натѣ, готово!

Мы глянули: у новаго Ангела на ликѣ печать!

Лука сейчасъ обѣ иконы за пазуху и кричить:

— Лодку!

Я открываюсь, что нѣтъ лодокъ, унесло.

А ледъ, я вамъ говорю, такъ табуномъ и валитъ, ломится обѣ ледорѣзы и трясетъ мостъ такъ, что индо слышно, какъ эти цѣпи, на что толсты, въ добрую половицу, а и то погромыхиваютъ.

Англичанка, какъ поняла это, всплеснула руками, да какъ взвизгнетъ нечеловѣческимъ голосомъ: «Джемсъ!» и пала не живая.

А мы стоимъ и одно чувствуемъ:

— Гдѣ же наше слово? что теперь будетъ съ англичаниномъ? что будетъ съ дѣдомъ Мароемъ?

А въ это время въ монастырѣ на колокольнѣ зазвонили третій звонъ.

Дядя Лука вдругъ встрепенулся и воскликнулъ къ англичанкѣ:

— Очнись, государыня, мужъ твой цѣль будетъ, а развѣ только стараго дѣда нашего Мароя ветхую кожу станеть палачъ терзать и добротное лицо его клеймомъ обезчестить, но быть тому только развѣ послѣ моей смерти!—и съ этимъ словомъ перекрестился, выстунилъ и пошелъ.

Я вскрикнулъ:

— Дядя Лука, куда ты? Левонтій погибъ и ты погиб-

нешь!—да и кинулся за нимъ, чтобъ удержать, но онъ под-
нял изъ-подъ ногъ весло, которое я, приѣхавши, на-земь
бросилъ, и, замахнувшись на меня, крикнулъ:

— Прочь! или на смерть ушибу!

Господа, довольно я предъ вами въ своемъ разсказѣ от-
крыто себя малодушникомъ признавалъ, какъ въ то время,
когда покойнаго отрока Левонтія на землѣ бросилъ, а самъ
на древо вскочилъ, но ей, право, говорю вамъ, что я бы
тутъ не испугался весла и отъ дяди Луки бы не отсту-
пилъ, но... угодно вамъ вѣрять, не угодно нѣтъ, а только
въ это мгновеніе не успѣлъ я имя Левонтія вспомнить,
какъ промежду имъ и мною во тьмѣ обрисовался отрокъ
Левонтій и рукой погрозилъ. Этого страха я не выдержалъ
и возринулся назадъ, а Лука стоитъ уже на концѣ цѣпи,
и вдругъ, утвердившись на ней ногою, молвить сквозь бурю:

— Заводи катавасію!

Головщикъ нашъ Ареа тутъ же стоялъ и сразу его по-
слушалъ и ударилъ: «Отверзу уста», а другіе подхватили,
и мы катавасію кричимъ, бури-вою сопротивляясь, а Лука
смертнаго страха не боится и по мостовой цѣпи идетъ.
Въ одну минуту онъ одинъ первый пролетъ перешелъ и на
другой спускается... А далѣе? далѣе объяла его тьма, и не
видно: идетъ онъ или уже упалъ и крыгами проклятыми его въ
пучину забуровило, и не знаемъ мы: молить ли о его спасеніи
или рыдать за упокой его твердой и любочестивой души?

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Теперь что же - съ происходило на томъ берегу? Пре-
освященный владыко архіерей своимъ правиломъ въ глав-
ной церкви всенощную совершалъ, ничего не зная, что у
него въ это время въ придѣлѣ крали; нашъ англичанинъ,
Яковъ Яковлевичъ, съ его соизволенія, стоялъ въ сосѣд-
немъ придѣлѣ въ алтарѣ и, скравъ нашего Ангела, выславъ
его, какъ намѣревался, изъ церкви въ шинели, и Лука съ
нимъ помчался; а дѣдъ же Марой, свое слово наблюдая,
остался подъ тѣмъ самымъ окномъ на дворѣ и ждетъ по-
слѣдней минуты, чтобы какъ Лука не возвратится, сейчасъ
англичанинъ отступить, а Марой разобьетъ окно и полѣ-
зетъ въ церковь съ ломомъ и съ долотомъ, какъ настоящій
злодѣй. Англичанинъ глазъ съ него не спускаетъ и видитъ,
что дѣдъ Марой исправень, стоитъ на своемъ послушаніи,

и чуть замѣтить, что англичанинъ лицомъ къ окну прилегается, чтобы его видѣть, онъ сейчасъ киваетъ, что здѣсь, моль, я — отвѣтный воръ, здѣсь!

И оба такимъ образомъ другъ другу свое благородство являютъ и не позволяютъ одинъ другому себя во взаимовѣрїи превозвысить, а къ этимъ двумъ вѣрамъ третїя, еще сильнѣйшая двизаетъ, но только не знаютъ они, что та третья вѣра творитъ. Но вотъ какъ ударили въ послѣднїй звонъ всенощной, англичанинъ и прїотворилъ тихонько оконную форточку, чтобы Марой дѣзъ, а самъ уже готовъ отступать, но вдругъ видитъ, что дѣдъ Марой отъ него отворотился и не смотритъ, а напряженно за рѣку глядитъ и твердословитъ:

— Перенеси Богъ! перенеси Богъ, перенеси Богъ! — а потомъ вдругъ какъ вспрыгнетъ и самъ словно пьяный пляшетъ, а самъ кричитъ: — Перенесъ Богъ, перенесъ Богъ!

Яковъ Яковлевичъ въ величайшее отчаянїе пришелъ, думаетъ:

— Ну, конецъ: глухой старикъ помѣшался, и я погибъ, анъ смотритъ, Марой съ Лукою уже обнимаются.

Дѣдъ Марой шавчить:

— Я тебя назиралъ, какъ ты съ фонарями по цѣпи шель.

А дядя Лука говоритъ:

— Со мною не было фонарей.

— Откуда же свѣтеніе?

Лука отвѣчаетъ:

— Я не знаю: я не видалъ свѣтенія, я только бѣгомъ бѣжалъ и не знаю, какъ перебѣгъ и не упалъ... точно меня кто подъ обѣ руки несъ.

Марой говоритъ:

— Это Ангелы, — я ихъ видѣлъ и зато я теперь не преполовлю дня и умру сегодня.

А Лукъ какъ некогда было много говорить, то дѣду онъ не отвѣчаетъ, а скорѣе англичанину въ форточку обѣ иконы подаетъ. Но тотъ взялъ и кажется ихъ назадъ.

— Что же, говорить, — печати нѣтъ?

Лука говоритъ:

— Какъ нѣтъ?

— Да нѣтъ.

Ну, тутъ Лука перекрестился и говоритъ:

— Ну, конечно! Теперь некогда поправлять. Это чудо церковный Ангелъ совершилъ, и я знаю, къ чему оно.

И сразу бросился Лука въ церковь, протѣсился въ алтарь, гдѣ владыку разоблачали, и, павъ ему въ ноги, говорить:

— Такъ и такъ, я святотатецъ, и вотъ что сейчасъ совершилъ: велите меня оковать и въ тюрьму посадить.

А владыка въ мѣру чести своя все то выслушалъ и отвѣтствуетъ:

— Это тебѣ, должно быть, внушительно теперь, гдѣ вѣра дѣйствительнѣе: вы, говоритъ,—плутовствомъ съ своего Ангела печать свели, а нашъ самъ съ себя ее снялъ и тебя сюда привелъ.

Дядя говорить:

— Вижу, владыко, и трепещу. Повели же отдать меня скорѣе на казнь.

А архіерей отвѣтствуетъ разрѣшительнымъ словомъ:

— Властію, мнѣ данною отъ Бога, прощаю и разрѣшаю тебя, чадо. Приготовься за утро принять пречистое тѣло Христово.

Ну, а дальше, господа, я думаю, нечего вамъ и рассказывать: Лука Кириловъ и дѣдъ Марой утромъ ворочаются и говорятъ:

— Отцы и братіе, мы видѣли славу Ангела господствующей церкви, и все божественное о ней смотрѣніе въ добротолубіе ея іерарха, и сами къ оной освященнымъ елеемъ примазались и тѣла, и крови Спаса сегодня за обѣдню приобщались.

А я какъ давно, еще съ гостинокъ у старца Памвы, имѣлъ влеченіе воедино одушевиться со всею Русью, воскликнулъ за всѣхъ:

— И мы за тобой, дядя Лука! да такъ всѣ въ одно стадо, подъ одного пастыря, какъ ягнятки, и подобались, и едва лишь тутъ только поняли, къ чему и куда всѣхъ насъ нашъ запечатлѣнный Ангелъ велъ, пролія сначала свои стопы и потомъ распечатлѣвшись ради любви людей къ людямъ, явленной въ сію страшную ночь.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Разсказчикъ кончилъ. Слушатели еще молчали, но, наконецъ, одинъ изъ нихъ откашлянулся и замѣтилъ, что въ исторіи этой все объяснимо, и сны Михайлицы, и видѣніе, которое ей примерещилось въ просоньѣ, и паденіе Ангела, котораго забѣгая кошка или собака на полъ столкнула, и смерть Левонтія, который болѣлъ еще ранѣе встрѣчи съ Памвою, объяснимы и всѣ случайныя совпаденія словъ говорящаго какими-то загадками Памвы.

— Понятно и то,—добавилъ слушатель: — что Лука по цѣпи перешелъ съ весломъ: каменщики извѣстные мастера гдѣ угодно ходить и лазить, а весло тотъ же балансиръ; понятно, пожалуй, и то, что Марой могъ видѣть около Луки свѣтленіе, которое принялъ за ангеловъ. Отъ большой напряженности сильно переязбшему человѣку мало ли что могло зарябить въ глазахъ? Я нашелъ бы понятнымъ даже и то, если бы, напримѣръ, Марой, по своему предсказанію не преполовя дня умеръ...

— Да онъ и умеръ-съ,—отозвался Маркъ.

— Прекрасно! И здѣсь ничего нѣтъ удивительнаго восьмидесятилѣтнему старику умереть послѣ такихъ волненій и простуды; но вотъ, что для меня, дѣйствительно, совершенно необъяснимо: какъ могла исчезнуть печать съ новаго Ангела, котораго англичанка запечатала?

— Ну, а это уже самое простое-съ,—весело отозвался Маркъ и рассказалъ, что они послѣ этого вскорѣ же нашли эту печать между образомъ и ризою.

— Какъ же это могло случиться?

— А такъ: англичанка тоже не дерзнула ангельскій ликъ портить, а сдѣлала печать на бумажкѣ и подвела ее подъ края оклада... Оно это было очень умно и искусно ею устроено, но Лука какъ несъ иконы, такъ онѣ у него за пазухой шевелились и оттого печать и спала.

— Ну теперь, значить, и все дѣло просто и естественно.

— Да такъ и многіе располагаютъ, что все это случилось самымъ обыкновеннымъ манеромъ, и даже не только образованные господа, которымъ объ этомъ извѣстно, но и наша братія, въ раздорѣ остающіеся, надъ нами смѣются, что будто насъ англичанка на бумажкѣ подъ церковь подсунула. Но мы противъ таковыхъ доводовъ не споримъ: всякъ какъ вѣритъ, такъ и да судить, а для насъ все равно, какими путями Господь человѣка възьметъ и изъ какого сосуда напоить, лишь бы възскалъ и жажду единокупія его съ отечествомъ утолить. А вонъ, мужички-вахлачки, уже выльзаютъ изъ-подъ сѣтву. Отдохнули, видно, сердечные, и сейчасъ поѣдутъ. Авось они и меня подвезутъ. Васильева ночка прошла. Утрудилъ я васъ и много кое-гдѣ съ собою выводилъ. Съ новымъ годомъ зато имѣю честь поздравить, и простите, Христа ради, меня невѣжу.

ПРАВЕДНИКИ.

<http://rcin.org.pl>

PPABRTHNKI

«Безъ трехъ праведныхъ
нѣсть граду стояща».

При мнѣ въ сорокъ восьмой разъ умиралъ одинъ большой русскій писатель. Онъ и теперь живетъ, какъ жилъ послѣ сорока семи своихъ прежнихъ кончинъ, наблюдавшихся другими людьми и при другой обстановкѣ.

При мнѣ онъ лежалъ одиноко во всю ширь необъятнаго дивана и приготовлялся диктовать мнѣ свое завѣщаніе, но вмѣсто того началъ браниться.

Я могу безъ застѣнчивости рассказать, какъ это было и къ какимъ повело послѣдствіямъ.

Смерть писателю угрожала по винѣ театрално-литературнаго комитета, который въ эту пору безтрепетною рукою убивалъ его пьесу. Ни въ одной аптекѣ не могло быть никакого лѣкарства противъ мучительныхъ болей, причиненныхъ этимъ авторскому здоровью.

— Душа уязвлена и всѣ кишки полутались въ утробѣ,— говорилъ страдалецъ, глядя на потолокъ гостиничнаго номера, и потомъ, переводя ихъ на меня, онъ неожиданно прикрикнулъ:

— Что же ты молчишь, будто чортъ знаетъ чѣмъ ротъ набилъ. Гадость какая у васъ, питерцевъ, на сердцѣ: никогда вы человѣку утѣшенія не скажете; хоть сейчасъ на вашихъ глазахъ испущай духъ.

Я былъ первый разъ при кончинѣ этого замѣчательнаго человѣка и, не понявъ его предсмертной истомы, сказалъ ему:

— Чѣмъ мнѣ васъ утѣшить? Скажу развѣ одно, что всѣмъ будетъ чрезвычайно прискорбно, если театрално-литератур-

ный комитетъ своимъ суровымъ опредѣленіемъ прекратить драгоценную жизнь вашу, но...

— Ты недурно началъ,—перебилъ писатель:—продолжай, пожалуйста, говорить, а я, можетъ-быть, усну.

— Извольте,—отвѣчалъ я:—итакъ, увѣрены ли вы, что вы теперь умираете?

— Увѣренъ ли? Говорю тебѣ, что помираю!

— Прекрасно,—отвѣчаю:—но обдумали ли вы хорошенько: стоитъ ли это огорченіе того, чтобы вы кончились?

— Разумѣется, стоить; это стоить тысячу рублей,—простоналъ умирающій.

— Да; къ сожалѣнію,—отвѣчалъ я:—пьеса едва ли принесла бы вамъ болѣе тысячи рублей, и потому...

Но умирающій не далъ мнѣ окончить: онъ быстро поднялся съ дивана и вскричалъ:

— Это еще что за гнусное разсужденіе! Подари мнѣ, пожалуйста, тысячу рублей и тогда разсуждай какъ знаешь.

— Да я, говорю,—почему же обязанъ платить за чужой грѣхъ?

— А я за что долженъ терять?

— За то, что вы, зная наши театральные порядки, описали въ своей пьесѣ все титулованныхъ лицъ и всѣхъ ихъ представили одно другого хуже и пошлѣе.

— Да-а; такъ вотъ каково ваше утѣшеніе. По-вашему, небось, все надо хорошихъ писать, а я братъ, что вижу, то и пишу, а вижу я однѣ гадости.

— Это у васъ болѣзнь зрѣнія.

— Можетъ быть,—отвѣчалъ, совсѣмъ обозлясь, умирающій:—но только что же мнѣ дѣлать, когда я ни въ своей, ни въ твоей душѣ ничего, кромѣ мерзости, не вижу, и за то суще мнѣ Господь Богъ и поможетъ теперь отъ тебя отворотиться къ стѣнѣ и заснуть съ спокойной совѣстью, а завтра уѣхать, презирая всю мою родину и твои утѣшенія.

И молитва страдальца была услышана: онъ «суще» прекрасно выспался и на другой день я проводилъ его на станцію; но зато самымъ мною овладѣло отъ его словъ лютое безпокойство.

«Какъ,—думалъ я,—неужто въ самомъ дѣлѣ ни въ моей, ни въ его и ни въ чьей иной русской душѣ не видать ничего, кромѣ дряни? Неужто все доброе и хорошее, что

когда-либо замѣтилъ художественный глазъ другихъ писателей, — одна выдумка и вздоръ? Это не только грустно, это страшно. Если безъ трехъ праведныхъ, по народному вѣрованію, не стоитъ ни одинъ городъ, то какъ же устоять цѣлой землѣ съ одною дрянью, которая живетъ въ моей и въ твоей душѣ, мой читатель?»

Мнѣ это было и ужасно, и несносно, и пошелъ я искать праведныхъ, пошелъ съ обѣтомъ не успокоиться, доколѣ не найду хотя то [небольшое число трехъ праведныхъ, безъ которыхъ «нѣсть граду стоянія»]; но куда я ни обращался, кого ни спрашивалъ—всѣ отвѣчали мнѣ въ томъ родѣ, что праведныхъ людей не видывали, потому что всѣ люди грѣшныя, а такъ, кое-какихъ хорошихъ людей и тотъ, и другой знавали. Я и сталъ это записывать. Праведны они, думаю, себѣ, или неправедны,—все это надо собрать и потомъ разобрать: что тутъ возвышается надъ чертою простой нравственности и потому «свято Господу».

И вотъ кое-что изъ моихъ записей.

ОДНОДУМЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ царствованіе Екатерины II, у нѣкоторыхъ приказнаго рода супруговъ, по фамиліи Рыжовыхъ, родился сынъ по имени Алексашка. Жило это семейство въ Солигаличѣ, уѣздномъ городкѣ костромской губерніи, расположенномъ при рѣкахъ Костромѣ и Свѣтицѣ. Тамъ, по словарю кн. Ггарина, значится семь каменныхъ церквей, два духовныя и одно свѣтское училище, семь фабрикъ и заводовъ, тридцать семь лавокъ, три трактира, два питейныхъ дома и 3,665 жителей обоого пола. Въ городѣ бывають двѣ годовыя ярмарки и еженедѣльные базары; кромѣ того, значится «довольно дѣятельная торговля известью и дегтемъ». Въ то время, когда жилъ нашъ герой, здѣсь были еще соляныя варницы.

Все это надо знать, чтобы составить понятіе о томъ, какъ могъ жить и какъ, дѣйствительно, жилъ мелкотравчатый герой нашего разсказа Алексашка или, впоследствии, Александръ Аванасьевичъ Рыжовъ, по уличному прозванію «Однодумъ».

Родители Алексашки имѣли собственный домъ, — одинъ изъ тѣхъ домиковъ, которые въ здѣшней лѣсной мѣстности *ничего не стоѣтъ*, но, однако, даютъ кровъ. Другихъ дѣтей, кромѣ Алексашки, у приказнаго Рыжова не было, или, по крайней мѣрѣ, о нихъ мнѣ ничего не сказано.

Приказный умеръ вскорѣ послѣ рожденія этого сына и оставилъ жену и сына ни съ чѣмъ, кромѣ того домика, который, какъ сказано, «ничего не стоилъ». Но вдова-при-

казничиha сама дорого стоила: она была изъ тѣхъ русскихъ женщинъ, которая «въ бѣдѣ не сробѣетъ, спасетъ; коня на скаку остановить, — въ горящую избу взойдетъ», — простая, здравая, трезвомысленная русская женщина, съ силою въ тѣлѣ, съ отвагой въ душѣ и съ нѣжною способностью любить горячо и вѣрно.

Когда она овдовѣла, въ ней еще были пріятности, пригодныя для неприхотливаго обихода, и къ ней кое-кто засылала свaxe, но она отклонила новое супружество и стала заниматься печеньемъ пироговъ. Пироги изготовлялись по скоромнымъ днямъ съ творогомъ и печенкою, а по постнымъ — съ кашею и горохомъ; вдова выносила ихъ въ ночвахъ на площадь и продавала по мѣдному пятаку за штуку. Отъ прибыли своего пирожнаго производства она питала себя и сына, котораго отдала въ науку «мастерицѣ»; мастерица научила Алексашу тому, что сама знала. Дальнѣйшую же, болѣе серьезную науку преподалъ ему дьякъ съ косою и съ кожанымъ карманомъ, въ коемъ у него безъ всякой табакерки содержался нюхательный порошокъ для извѣстнаго употребленія.

Дьякъ, «отучивъ» Алексашку, взялъ горшокъ каши за выучку; и съ этимъ вдовинъ сынъ пошелъ въ люди добывать себѣ хлѣбъ-соль и все опредѣленныя для него блага міра.

Алексашкѣ тогда было четырнадцать лѣтъ и въ этомъ возрастѣ его можно откомендовать читателю.

Молодой Рыжовъ породю удался въ мать: онъ былъ рослый, плечистый, — почти атлетъ, необъятной силы и несокрушимаго здоровья. Въ свои отроческіе годы онъ былъ уже первый силачъ и такъ удачно предводительствовалъ *стпнною* на кулачныхъ бояхъ, что на которой сторонѣ былъ Алексашка Рыжовъ, — та считалась непобѣдимую. Онъ былъ досужъ и трудолюбивъ. Дьякова школа дала ему превосходный, круглый, четкій, красивый почеркъ, которымъ онъ написалъ старухамъ множество заукояныхъ поминаній и тѣмъ положилъ начало самоцитанія. Но важнѣе этого были тѣ свойства, которыя дала ему его мать, сообщившая живымъ примѣромъ строгое и трезвое настроеніе его здоровой душѣ, жившей въ здоровомъ и сильномъ тѣлѣ. Онъ былъ, какъ мать, умѣренъ во всемъ и никогда не прибѣгалъ ни къ чьей посторонней помощи.

Въ четырнадцать лѣтъ онъ уже считалъ грѣхомъ ѣсть материнъ хлѣбъ; поминанія приносили немного и притомъ заработокъ этотъ, зависящій отъ случайностей, былъ непостояненъ; къ торговлѣ Рыжовъ питалъ врожденное отвращеніе, а оставить Солигаличъ не хотѣлъ, чтобы не разлучаться съ матерью, которую очень любилъ. А потому надо было здѣсь же промыслить себѣ занятіе, и онъ его промыслилъ.

Въ то время у насъ только образовывались постоянныя почтовые сообщенія: между ближайшими городами учреждались разъ въ недѣлю гонцы, которые *носили* суму съ пакетами. Это называлась пѣшая почта. Плата за эту службу назначалась не великая: рубля полтора въ мѣсяцъ «на своихъ харчахъ и при своей обуви». Но для кого и такое содержаніе было заманчиво, тѣ колебались взяться носить почту, потому что для чуткой христіанской совѣсти русскаго благочестія представлялось сомнительнымъ: не заключается ли въ такой пустой затѣѣ, какъ разноска бумаги, чего-нибудь еретическаго и противнаго истинному христіанству?

Всякій, кому довелось о томъ слышать,—раздумывалъ, какъ бы не истравить этимъ душу, и за мзду временную не потерять жизнь вѣчную. И тутъ-то вотъ общее сердоболіе устроило Рыжовкина Алексашку.

— Онъ, говорили, сирота: ему больше Господь проститъ,—особенно по ребячеству. Ему, если его на поноскѣ дорогою медвѣдь или волкъ задеретъ, и онъ на судъ предстанетъ, одно отвѣчать: «не разумѣлъ, Господи», да и только. И въ ту пору взять съ него нечего. А если да онъ уцѣлѣетъ и современемъ въ лѣта взойдетъ, то можетъ въ монастырь пойти и все преотлично отмолить, да еще не за своей свѣчой и при чужомъ ладанѣ. Чего ему еще по сиротству его ожидать лучшаго?

Самъ Алексашка, котораго это касалось всѣхъ болѣе, былъ отъ міра не прочь и на міръ не челобитчикъ: онъ смѣлою рукою взялъ почтовую суму, взвалилъ ее на плечи и сталъ таскать изъ Солигалича въ Чухлому и обратно. Служба въ пѣшей почтѣ пришла ему совершенно по вкусу и по натурѣ: онъ шелъ одинъ черезъ лѣса, поля и болота и думалъ про себя свои сиротскія думы, какія слагались въ немъ подъ живымъ впечатлѣніемъ всего, что встрѣчалъ,

что видѣлъ и слышалъ. При такихъ условіяхъ изъ него могъ бы выйти поэтъ въ родѣ Борнса или Кольцова, но у Алексашки Рыжова была другая складка,—не поэтическая, а философская, и изъ него вышелъ только замѣчательный чудакъ «Однодумъ». Ни даль утомительнаго пути, ни зной, ни стужа, ни вѣтры и дождь его не пугали: почтовая сума до такой степени была нипочемъ его могучей синицѣ, что онъ, кромѣ этой сумы, всегда носилъ съ собою еще другую; сѣрую, холщовую сумку, въ которой у него лежала толстая книга, имѣвшая на него неодолимое вліяніе.

Книга эта была «Библія».

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Мнѣ не извѣстно, сколько лѣтъ онъ несъ службу въ пѣшей почтѣ, безпрестанно таская суму и Библію, но, кажется, это было долго и кончилось тѣмъ, что пѣшая почта замѣнилась конною, а Рыжову «вышелъ чинъ». Послѣ этихъ двухъ важныхъ въ жизни нашего героя событій, въ судьбѣ его произошелъ большой переломъ: охочій ходокъ съ почтою, онъ уже не захотѣлъ ѣздить съ почтаремъ и сталъ искать себѣ другого мѣста, — опять непременно тамъ же, въ Солигаличѣ, чтобы не разстаться съ матерью, которая въ то время уже остарѣла и, притупивъ зрѣніемъ, стала хуже печь свои пироги.

Судя по тому, что чины на низшихъ почтовыхъ должностяхъ получались очень не скоро, напримѣръ, лѣтъ за двѣнадцать,—надо думать, что Рыжовъ имѣлъ объ эту пору лѣтъ двадцать шесть или даже немножко болѣе и во все это время онъ только ходилъ взадъ и впередъ изъ Солигалича въ Чухлому и на ходу, и на отдыхѣ читалъ одну только свою Библію въ затрапезномъ переплетѣ. Онъ читался ея вволю и приобрѣлъ въ ней большія и твердыя познанія, легшія въ основу всей его послѣдующей оригинальной жизни, когда онъ сталъ умствовать и прилагать къ дѣлу свои библейскія воззрѣнія.

Конечно, во всемъ этомъ было много оригинальнаго. Рыжовъ, напримѣръ, зналъ наизусть все писанія многихъ пророковъ и особенно любилъ Исаію, широкое боговѣдѣніе котораго отвѣчало его душевной настроенности и составляло весь его катехизисъ и все богословіе.

Старый человекъ, знавшій во время своей юности восьми-

десятипятитысячного Рыжова, когда онъ уже прославился и заслужилъ имя «Однодума», говорилъ мнѣ, какъ этотъ старикъ вспоминалъ какой-то «дубъ на болотѣ», гдѣ онъ особенно любилъ отдыхать и «кричать вѣтру».

— Стану,—говорить,—бывало, и воплю встрѣчь воздуху:

«Позна волю стяжавшаго и осель ясли господина своего, а людѣ мои неразумѣша. Сѣмя лукавое; сыны беззаконія! Что еще уязвляетея прилагая неправды! Всякая глава въ болѣзнь,—всякое сердце въ плачь.—Что ми множество жертвъ вашихъ: тука агнцовъ и крови юницъ и козловъ не хошу. Не приходите явитися ми. И аще принесете ми секидаль—всеу; кадило мерзость ми есть. Новомѣсячій вашихъ и субботъ, и дне великаго не потерплю: поста и праздниости, и новомѣсячій вашихъ, и праздниковъ ненавиждить душа моя.—Егда прострете руки ваши ко мнѣ, отвращу очи мои отъ васъ, и аще умножите моленія,—не услышу васъ. Измыйтесь, отымите лукавство отъ душъ вашихъ. Научитесь добро творити, и приведите истяземя, и аще будутъ грѣхи ваши яко багряное—убью ихъ яко снѣгъ. Но князи не покоряются,—общницы татемъ любяще дары, гоняще воздаяніе—сего ради глаголетъ Саваоѣ: горе крѣпкимъ,—не престанеть бо ярость моя на противныя».

И выкрикивалъ сирота-мальчуганъ это «горе, горе крѣпкимъ» надъ пустыннымъ болотомъ и мнилось ему, что вѣтеръ возьметъ и понесетъ слова Исаи и отнесетъ туда, гдѣ видѣнныя Іезекилемъ «сухія кости» лежатъ, не шевелятся; не нарастаетъ на нихъ живая плоть и не оживаетъ въ груди истлѣвшее сердце.

Его слушалъ дубъ и гады болотныя, а онъ самъ дѣлался полу-мистикомъ, полу-агитаторомъ въ библейскомъ духѣ,—по его словамъ: «дышалъ любовью и дерзновеніемъ».

Все это созрѣло въ немъ давно, но обнаружилось въ ту пору, когда онъ получилъ чинъ и сталъ искать другого мѣста, не надъ болотомъ. Развитие Рыжова было уже совершенно закончено и наступало время дѣятельности, въ которой онъ могъ приложить правила, созданныя имъ себѣ на библейскомъ грунтѣ.

Подъ тѣмъ же дубомъ, надъ тѣмъ же болотомъ, гдѣ Рыжовъ выкрикивалъ словами Исаи «горе крѣпкимъ», онъ дождался духа, давшаго ему мысль самому сдѣлаться крѣп-

кимъ, дабы устыдить крѣпчайшихъ. И онъ принялъ это посвященіе и пронесъ его во весь почти столѣтній путь до могилы, ни разу не споткнувшись, никогда не захромавъ ни на правое колено, ни на лѣвое.

Впередѣ насъ ожидаетъ довольно образцовъ его задѣхнувшейся въ тѣснотѣ удивительной силы и въ концѣ сказанія неожиданный актъ дерзновеннаго безстрашія, увѣнчавшій его, какъ рыцаря, рыцарскою наградою.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Въ ту отдаленную пору, къ которой восходитъ передаваемый мною разсказъ о Рыжовѣ, самое главное лицо въ каждомъ русскомъ городишкѣ былъ городничій. Не разъ было сказано и никѣмъ не оспорено, что, по понятію многихъ русскихъ людей, каждый городничій былъ «третье лицо въ государствѣ». Государственная власть въ народномъ представленіи отъ первоисточника своего — монарха развѣтвлялась такъ: первое лицо въ государствѣ — государь, правящій всею государствомъ; за нимъ второе — губернаторъ, который правитъ губерніею, и потомъ прямо за губернаторомъ непосредственно слѣдуетъ третье — городничій, «сидящій на городу». Исправниковъ тогда еще не было и потому о нихъ въ раздѣленіи власти сужденія не полагали. Такъ это оставалось, впрочемъ, и впоследствии: исправникъ былъ человекъ развѣдной и онъ сѣлъ только сельскихъ людей, которые тогда еще не имѣли самостоятельнаго понятія объ іерархіи, и кто ихъ ни сѣлъ — одинаково ногами перебирали.

Введеніе новыхъ судебныхъ учреждений, ограничившее прежнюю теократическую полноправность сельскихъ администраторовъ, испортило это, особенно въ городахъ, гдѣ оно значительно содѣйствовало паденію не только городническаго, а даже губернаторскаго престижа, поднять который на прежнюю высоту уже невозможно, — по крайней мѣрѣ, для городничихъ, высокій урядъ которыхъ замѣненъ новшествомъ.

Но тогда, когда обдумывалъ и рѣшалъ свою судьбу «Однодумъ», — все это было еще въ своемъ благоустроенномъ порядкѣ. Губернаторы сидѣли въ своихъ центрахъ какъ царьки: доступъ къ нимъ былъ труденъ и предстояніе имъ «сопряжено со страхомъ»; они всею поровили гово-

рить «ты», всё имъ кланялись въ полъ, а иные, по усердію, даже земно; протопопы ихъ «срѣтали» съ крестами и святою водою у входа во храмы, а подрукавная знать чувствовала ихъ выраженіемъ низменнаго искательства и едва дерзала, въ лицѣ немногихъ избранныхъ своихъ представителей, просить ихъ «въ воспріемники къ купели». И они, даже когда соглашались снизойти до такой милости, держали себя царственно: они не ѣздили крестить сами, а посылали вмѣсто себя чиновниковъ особыхъ порученій или адъютантовъ, которые отвозили «ризки» и принимали почеть «въ лицѣ посланнаго». Все тогда было величественно, степенно и серьезно, подѣ-стать тому доброму и серьезному времени, часто противопоставляемому нынѣшнему времени, не доброму и не серьезному.

Рыкову вышла прекрасная линія приблизиться къ началу градской власти и, не разставаясь съ роднымъ Солигаличемъ, стать на четвертую ступень въ государствѣ: въ Солигаличѣ умеръ старый кварталный, и Рыковъ задумалъ проситься на его мѣсто.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Квартальническое мѣсто, хотя и не очень высокое, несмотря на то, что составляло первую ступень ниже городничаго, было, однако, довольно выгодно, если только человѣкъ, его занимающій, хорошо умѣлъ стащить съ каждаго воза полѣно дровъ, пару бураковъ, или кочанъ капусты; но если онъ не умѣлъ этого, то ему было бы плохо, такъ какъ казеннаго жалованья по этой четвертой въ государствѣ должности полагалось всего десять рублей ассигнаціями въ мѣсяць, т. е. около двухъ рублей восьмидесяти нити копеекъ по нынѣшнему счету. На это четвертая особа въ государствѣ должна была прилично содержать себя и свою семью, а какъ это невозможно, то каждый кварталный «донималъ» съ тѣхъ, которые обращались къ нему за чѣмъ-нибудь «по касающемуся дѣлу». Безъ этого «дониманія» невозможно было обходиться и даже сами вольтеріанцы прѣтивъ этого не возставали. О «неберущемъ» кварталномъ никто и не думалъ, и потому если всё кварталные брали, то долженъ былъ брать и Рыковъ. Само начальство не могло желать и терпѣть, чтобы онъ портилъ служебную линію. Въ этомъ не могло

быть никакого сомнѣнія и не могло быть о томъ никакой рѣчи.

Городничій, къ которому Рыжовъ обратился за квартальничьимъ мѣстомъ, разумѣется, не задавалъ себѣ никакого вопроса о его способности къ взяткѣ. Вѣроятно, онъ думалъ, что на этотъ счетъ Рыжовъ будетъ какъ все другіе, и потому у нихъ особаго договора на этотъ счетъ не было. Городничій принялъ въ соображеніе только его громадный ростъ, осанистую фигуру и пользовавшуюся большою извѣстностью силу и неутомимость въ ходбѣ, которую Рыжовъ доказалъ своимъ пѣшимъ ношеніемъ почты. Все это были качества, очень подходящія для полицейской службы, которой добивался Рыжовъ,—и онъ былъ сдѣланъ солигаличскимъ квартальнымъ, а мать его продолжала печь и продавать свои пироги на томъ самомъ базарѣ, гдѣ сынъ ея долженъ былъ установить и держать добрые порядки: блюсти вѣсъ вѣрный и мѣру полную и утрясенную.

Городничій сдѣлалъ ему только одно внушеніе:

— Бей безъ поврежденія и по касающему моего не захватывай.

Рыжовъ обязался это исполнять и пошелъ дѣйствовать, но вскорѣ же началъ подавать о себѣ странныя сомнѣнія, которые стали тревожить третью особу въ государствѣ, а именно старшаго Алексанку, а нынѣ Александра Аванасьевича, доводить до весьма тягостныхъ испытаній.

Рыжовъ съ перваго же дня службы оказался по должности ретивъ и исправенъ: прийдя на базаръ, онъ размѣстилъ тамъ возы; рассадилъ иначе бабъ съ пирогами, помѣстивъ притомъ свою мать не на лучшее мѣсто. Пьяныхъ мужиковъ частію урезонилъ, а частію поучилъ рукою властною, но съ пріятностію, такъ хорошо, какъ будто имъ этимъ большое одолженіе сдѣлалъ и ничего не взялъ за науку. Въ тотъ же день онъ отвергъ и приношеніе капустныхъ бабъ, пришедшихъ къ нему на поклонъ по касающему, и еще объявилъ, что ему по касающему ни отъ кого ничего и не слѣдуетъ, потому что за все его касающее ему «царь жалуетъ, а мзду брать Богъ запрещаетъ».

День провелъ Рыжовъ хорошо, а ночь провелъ еще лучше: обошелъ весь городъ, и кого засталъ на ходу въ поздній часъ, разспросилъ: откуда, куда и по какой надобности? Съ добрымъ человѣкомъ поговорилъ, самъ егѡ даже

проводилъ и посовѣтоваль, а одному-другому пьяному ухо надраль, да будошникову жену, которая подь коровь колдовать ходила, въ кутузку заперь, а на утро явился къ городничему съ докладомъ, что видитъ себѣ въ дѣлѣ одну помѣху въ будошникахъ.

— Проводять, говоритъ, они время въ праздности и спросонья ходять безъ надобности,—людямъ по касающемуся падоѣдаютъ и сами портятся. Лучше ихъ отъ лѣнивой пустоты отрѣшнить и послать къ вашему высокоблагородію въ огородъ гряды полоть, а я одинъ все управлю.

Городничему это было не вопреки, а домовитой городничихѣ совсѣмъ по сердцу: однимъ будошникамъ могло не нравиться, да закону не соответствовало; но будошниковъ кто думалъ спрашивать, а законъ... городничій судилъ о немъ русскимъ судомъ: «законъ — что конь: куда надо — туда и вороти его». Александръ же Аванасьевичъ выше всего ставилъ законъ: «въ потѣ лица твоего ѣшь хлѣбъ твой» и по тому закону выходило, что всякіе лишніе «приставники» — бремя ненужное, которое надо отставить и приставить къ какому бы то ни было другому настоящему дѣлу, — «потному».

И учредилось это дѣло, какъ указаль Рыковъ, и было оно пріятно въ очахъ правителя и народа и обратило къ Рыкову сердца людей благодарныхъ. А Рыковъ самъ ходить по городу днемъ, ходить одинъ ночью и мало-помалу вездѣ сталъ чувствоваться его добрый хозяйскій до-смотръ, и опять было это пріятно въ очахъ всѣхъ. Словомъ, все шло хорошо и общало покой невозмутимый, но тутъ-то и бѣда: не сварился народъ, — не кормилъ воеводъ — ни откуда ни что не касалось и, кромѣ уборки огорода, не было правителю приблѣей ни большихъ, ни среднихъ, ни малыхъ.

Городничій возмутился духомъ, вникъ въ дѣло, увидалъ, что такъ невозможно, и воздвигъ на Рыкова ѣдкое гоненіе.

Онъ попросилъ протопопа разузнать, нѣтъ ли въ безка-сательномъ Рыковѣ какого неправославія, но протопопъ отвѣчалъ, что явнаго неправославія въ Рыковѣ онъ не усматриваетъ, а замѣчаетъ въ немъ нѣкую гордыню, происходящую, конечно, отъ того, что его мать пироги не жетъ и ему отдѣляетъ.

— Пресѣчь совѣтую оный торгъ, ей нынѣ по сыну не-

подобающий, и уничтожится тогда ему оная его непомѣрная гордыня и онъ прикоснется.

— Пресѣку,—отвѣчала городничій, и сказала Рыжову:— своей матери на торгу сидѣть не годится.

— Хорошо,—отвѣчалъ Рыжовъ и взялъ мать съ ночвами, съ базара, а въ укоризненномъ поведеніи остался попрежнему,—не прикасался.

Тогда протопопъ указалъ, что Рыжовъ не справлялъ себѣ форменнаго платья и въ пасхальный день, скупо похристовавшись съ одними ближними, не явился съ поздравленіемъ ни къ кому изъ именитыхъ гражданъ, на что тѣ, впрочемъ, претензій не изъявляли.

Это находилось въ зависимости одно отъ другого. Рыжовъ не ходилъ за праздничными и потому ему не на что было обмундироваться, но обмундировка требовалась и она была у прежняго квартальнаго. Всѣ видѣли у него и мундиръ съ воротомъ, и рейтузы, и сапоги съ кисточкой, а этотъ какъ ходилъ съ почтою, такъ и оставался въ полосатомъ тиковомъ беишетѣ съ крючками, въ желтыхъ нанковыхъ штанахъ и въ простой крестьянской шапкѣ, а на зиму имѣлъ овчинный нагольный тулупъ, и ничего иного не заводилъ, да и не могъ завести на 2 руб. 87 коп. мѣсячнаго жалованья, на которое жилъ, служа вѣрою и правдою.

Къ тому же, произошелъ случай, потребовавшій денегъ: умерла мать Рыжова, которой нечего было дѣлать на землѣ послѣ того, какъ она не могла на ней продавать пироги.

Александръ Аванасьевичъ схоронилъ ее, по общему отзыву, «скарედно», чѣмъ и доказалъ свою нелюбовь. Онъ заплатилъ за нее причту по-малости, но по самой-то пирожницѣ даже пирога не спекъ и сорокоуста не заказалъ.

Еретикъ! и это было тѣмъ достовѣрнѣе, что хотя городничій ему не довѣрялъ и протопопъ въ немъ сомнѣвался, но и городничиха и протопопица за него горой стояли,—первая за пригонъ на ея огородъ бударей, а вторая по какой-то тайной причинѣ, лежавшей въ ея «характерѣ сопротивленія».

Въ этихъ особахъ Александръ Аванасьевичъ имѣлъ защитницъ. Городничиха сама ему послала отъ урожая земного двѣ мѣры картофеля, но онъ, не развязывая мѣшковъ,

принесъ картофель назадъ на своихъ плечахъ и коротко сказалъ:

— За усердіе благодарю, а даровъ не приѣмлю.

Тогда протопоица, дама мнительная, поднесла ему двѣ коленкоровыя манишки своего древняго рукодѣлья отъ тѣхъ поръ, когда еще протопоицъ былъ ставленникомъ, но чудакъ и этого не взялъ:

— Нельзя, говорить, дары брать, да и, одѣваясь по простотѣ, я никакой въ семь щегольствѣ пользы не нахожу.

Тутъ и сказала протопоица мужу въ злости задорное слово:

— Вотъ бы, говорить, кому пристало у алтаря стоять, а не вамъ, обираламъ духовнымъ.

Протопоицъ осердился,—велѣлъ женѣ молчать, а самъ все лежалъ да думалъ:

«Это новость массонская, и если я ее услѣжу и открою, то могу быть въ большомъ отличіи, и даже могу въ Петербургъ переѣхать.»

Такъ онъ этимъ забредилъ и съ бреду составилъ планъ, какъ обнажить совѣсть Рыжова до раздѣленія души съ тѣломъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Подходилъ Великій постъ и протопоицъ, какъ на ладонкѣ, видѣлъ, какимъ образомъ онъ обнажить душу Рыжова до раздѣленія, и тогда будетъ знать, какъ поступить съ нимъ по злобѣ его уклоненія отъ истинъ православія.

Съ этою цѣлью онъ прямо присовѣтовалъ городничему прислать къ нему на духъ полосатаго квартальнаго на первой же недѣлѣ. А на духу онъ обѣщалъ его хорошенько провѣять и, гнѣвомъ Божиимъ принудивъ, все отъ него вывѣдать, что въ немъ есть тайнаго и сокровеннаго, и за что онъ всего касающаго чуждается и даровъ не приѣмлетъ. А затѣмъ сказалъ: увидимъ по открытому страхомъ виду его совѣсти, чему онъ подлежать будетъ, и тому его и подвергнемъ, да спасется духъ.

Поминувъ слова Павла, протопоицъ сталъ ждуть покойно, зная, что въ нихъ кійждо своя отыскать можетъ.

Городничій тоже сдѣлалъ свое дѣло.

— Намъ съ тобой, Александръ Аванасьевичъ, какъ виднымъ лицамъ въ городѣ,—сказалъ онъ:—надо въ народѣ религіи примѣръ, показать и къ церкви сдѣлать почтеніе.

Рыжовъ отвѣчалъ, что онъ согласенъ.

— Изволь же, братецъ, говѣть и исповѣдаться.

— Согласенъ,—отвѣчалъ Рыжовъ.

— И какъ оба мы люди на виду у всѣхъ, то и на виду все это должны сдѣлать, а не какъ-нибудь, причучись. Я къ протопопу на духъ хожу,—онъ всѣхъ въ духовенствѣ опытиѣ,—и ты къ нему иди.

— Пойду къ протопопу.

— Да; и иди ты на первой недѣлѣ, а я на послѣдней пойду,—такъ и раздѣлимся.

— И на это согласенъ.

Протопопъ выисповѣдалъ Рыжова и даже похвалился, что на всѣ корки его пробралъ, но не нашелъ въ немъ грѣха къ смерти.

— Какался, говорить, въ одномъ, другомъ, въ третьемъ,—во всемъ не святъ по-малости, но грѣхи все простыя, человѣческіе, а противъ начальства особаго зла не мыслить и ни на васъ, ни на меня «по касающему» доносить не думаетъ. А что «даровъ не пріемлетъ»,—то это по одной вредной фантазіи.

— Все же, значить, есть въ немъ вредная фантазія. А въ чемъ она заключается?

— Библии начитался.

— Инъ его, дурака, угораздило!

— Да; начитался отъ скуки и позабыть не можетъ.

— Экій дуракъ! что же теперь съ нимъ сдѣлать?

— Ничего не сдѣлаешь: онъ уже очень далеко начитанъ.

— Неужели до самого до «Христа» дошелъ?

— Всю, всю прочиталъ.

— Ну, значить, шабангъ.

Покашли и стали къ Рыжову милостивѣе. На Руси всѣ православные знаютъ, что кто Библию прочиталъ и «до Христа дочитался», съ того резонныхъ поступковъ строго спрашивать нельзя; но зато этакіе люди, что юридичные,—они чудесятъ, а никому не вредны и ихъ не боятся. Впрочемъ, чтобы быть еще обезпеченнѣе насчетъ страннаго исправленія Рыжова «по касающему», отецъ протопопъ преподалъ городничему мудрый, но жестокой совѣтъ,—чтобы женить Александра Леанасьевича.

— Женатый человѣкъ,—развивалъ протопопъ:—хотя и «до Христа дочитается», но ему свою честность соблюсти

трудно: жена его начнетъ нажигать, и не тѣмъ, такъ другимъ манеромъ такъ дойдетъ, что онъ ей уступить и всю Библию изъ головы выпустить, а станеть къ дарамъ примчивъ и начальству преданъ.

Городничему совѣтъ пришелъ по мыслямъ, и онъ заказалъ Александру Аванасьевичу, чтобы тотъ какъ знаетъ, а непременно женился, потому что холостые люди на политическихъ должностяхъ не надежны.

— Какъ хочешь, говоритъ, братъ, а ты мнѣ въ разсужденіи всего хороши, но въ разсужденіи одного не годишься.

— Почему?

— Холостой.

— Что же въ томъ за укоризна?

— Въ томъ укоризна, что можешь что-нибудь върломное сдѣлать и сбѣжать въ чужую губернію. Тебѣ, вѣдь, теперь что?—схватилъ свою Бибель да и весь тутъ.

— Весь тутъ.

— Вотъ это и неблагонадежно.

— А развѣ женатый благонадежнѣе?

— И сравненія нѣтъ; изъ женатаго я, говоритъ, хоть веревку вей, онъ все стершитъ, потому что онъ интенцовъ заведетъ, да и бабу пожалѣетъ, а холостой самъ что птица, — ему довѣрить нельзя. Такъ вотъ — либо уходи, либо женись.

Загадочный чудакъ, выслушавъ такое разсужденіе, нимало не смутился и отвѣчалъ:

— Что же,—и женитьба вещь добрая, она отъ Бога показана: если требуется—я женюсь.

— Но только ты руби дерево по себѣ.

— По себѣ вырублю.

— И выбирай поскорѣе.

— Да у меня уже выбрана: надо только сходить посмотреть, не взяли ли ее другіе.

Городничій надъ нимъ посмѣялся:

— Ишь ты, говоритъ, грѣховодникъ,—будто за нимъ и грѣха никогда не водится, а онъ себѣ уже и жену высмотрѣлъ.

— Гдѣ грѣхамъ не водиться!—отвѣчалъ Александръ Аванасьевичъ: — полонъ сосудъ мерзости, а только невѣсту я еще не сваталъ, но, дѣйствительно, на примѣтъ имѣю и прошу позволенія сходить на нее взглянуть.

— А гдѣ она у тебя, — не здѣшняя, вѣрно, — дальняя?

— Да, такъ, и не здѣшняя, и не дальняя, — у ручья при болотцѣ живетъ.

Городничій еще посмѣялся, отпустилъ Рыжова и, заинтересованный, ждетъ: когда его чудака вернется и что скажетъ?

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Рыжовъ, дѣйствительно, срубилъ дерево по себѣ: черезъ недѣлю онъ привелъ въ городъ жену — ражую, блѣлую, румяную, съ добрыми карими глазами и съ покорностью въ каждомъ шагѣ и движеніи. Одѣта она была по-крестьянски, и шли оба супруга другъ за другомъ, неся на плечахъ коромысло, на которомъ висѣла подвязанная холщевымъ концомъ расписная лубочная коробыя съ приданымъ.

Бывалые торговые люди сразу узнали въ этой особѣ дочь старой бабы Козлихи, что жила въ одинокой избушкѣ у ручья надъ болотомъ и слыла злою колдуньей. Всѣ думали, что Рыжовъ взялъ себѣ колдуньину дѣвку въ работницы.

Это отчасти такъ и было, но только Рыжовъ, прежде чѣмъ привести эту работницу домой, — перевѣчался съ нею. Супружеская жизнь обходилась ему ничуть не дороже холостой; напротивъ, теперь ему стало даже выгодноѣ, потому что онъ, приведя въ домъ жену, тотчасъ же отпустилъ батрачку, которой много ли, мало ли, а все-таки платилъ рубль мѣдью въ мѣсяць. Съ этихъ поръ мѣдный рубль былъ у него въ карманѣ, а хозяйство пошло лучше; здоровыя руки его жены никогда не были праздны: она себѣ и пряла, и ткала, да еще обазалось мастерицею валять чулки и огородничать. Словомъ, жена его была простая, досужая крестьянская женщина, вѣрная и покорная, съ которою библейскій чудака могъ жить по-библейски, и рассказать о ней, кромѣ сказаннаго, нечего.

Обращеніе съ женою у Александра Аванасьевича было самое простое, но своеобразное: онъ ей говорилъ «ты», а она ему «вы»; онъ звалъ ее «баба», а она его Александръ Аванасьевичъ; она ему служила, а онъ былъ ея господинъ; когда онъ съ нею заговаривалъ, она отвѣчала, — когда онъ молчалъ, она не смѣла спрашивать. За столомъ онъ сидѣлъ, а она подавала, но ложе у нихъ было общее и, вѣроятно, это было причиною, что у нихъ появился плодъ супружества. Плодъ былъ одинъ — единственный сынъ,

котораго «баба» выкормила, а въ воспитаніе его не вмѣшивалась.

Любила ли «баба» своего библейскаго мужа, или не любила—это въ ихъ отношеніяхъ ничѣмъ не проявилось, но что она была вѣрна своему мужу — это было несомнѣнно. Кромѣ того, она его боялась какъ лица, поставленнаго надъ нею закономъ Божескимъ и имѣющаго на нее божественное право. Мирному житію ея это не мѣшало. Грамотѣ она не знала и Александръ Аванасьевичъ не желалъ попомянуть этого пробѣла въ ея воспитаніи. Жили они, разумѣется, спартански, въ самой строжайшей умѣренности, но не считали это несчастіемъ; этому, можетъ-быть, много помогало, что и многіе другіе жили вокругъ не въ большемъ довольствѣ. Чаю они не пили и не содержали его въ заводѣ, а мясо ѣли только по большимъ праздникамъ— въ остальное же время питались хлѣбомъ и овощами, квасными или свѣжими съ своего огорода, а всего болѣе грибами, которыхъ росло въ изобиліи въ ихъ лѣсной сторонѣ. Грибы эти «баба» лѣтнею порою сама собирала по лѣсамъ и сама готовила въ прокъ, но, къ сожалѣнію ея, заготавливала ихъ только однимъ способомъ сушенія. Солить было нечѣмъ. Расходъ на соль въ потребномъ количествѣ для всего запаса не входилъ въ расчетъ Рыжова, а когда «баба» однажды насолела кадочку груздей солью, которую ей подарилъ въ мѣшечкѣ откушникъ, то Александръ Аванасьевичъ, дознавшись объ этомъ, «бабу» патриархально побилъ и свелъ къ протопопу для наложенія на нее эпитиміи за ослушаніе противъ завітовъ мужа, а грибы дѣлою кадкою собственноручно прикатилъ къ откушникову двору и велѣлъ взять «куда хотятъ», а откушнику сдѣлалъ выговоръ.

Таковъ былъ этотъ чудакъ, про котораго изъ долготы его дней тоже разсказывать много нечего; сидѣлъ онъ на своемъ мѣстѣ, дѣлалъ свое маленькое дѣло, не пользующееся ничѣмъ особеннымъ сочувствіемъ и ничѣмъ особеннаго сочувствія не искалъ; солигаличскіе верховоды считали его «поврежденнымъ отъ Библии», а простецы судили о немъ просто, что онъ «такой-нѣкій-этакой».

Довольно неясное опредѣленіе это для нихъ имѣло значеніе ясное и понятное.

Рыжовъ нисколько не заботился, что о немъ думаютъ: онъ

честно служилъ всѣмъ и особенно не угождалъ никому; въ мысляхъ же своихъ отчитывался Единому, въ Кого неизмѣнно и крѣпко вѣрилъ, именуя Его учредителемъ и хозяиномъ всего сущаго. Удовольствіе Рыжова состояло въ исполненіи своего долга, а высшій духовный комфортъ — философствованіе о высшихъ вопросахъ міра духовнаго и объ отраженіи законовъ того міра въ явленіяхъ и въ судьбахъ отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ царствъ и народовъ. Не имѣлъ ли Рыжовъ общей многимъ самоуякамъ слабости считать себя всѣхъ умнѣе — это не извѣстно: но онъ не былъ гордъ и своихъ вѣрованій и взглядовъ онъ никому никогда не навязывалъ и даже не сообщалъ, а только вписывалъ въ большія тетради синей бумаги, которыя подшивалъ въ одну обложку съ многозначительною надписью: «Одnodумъ».

Что было написано во всей этой громаднѣйшей рукописи полицейскаго философа—осталось сокрытымъ, потому что со смертію Александра Аванасевича его «Одnodумъ» пропалъ, да и по памяти о немъ много никто разсказать не можетъ. Едва только два-три мѣста изъ всего «Одnodума» были показаны Рыжовымъ одному важному лицу при одномъ необыкновенномъ случаѣ его жизни, къ которому мы теперь приближаемся. Остальные же листы «Одnodума», о существованіи котораго знали почти весь Солигаличъ, изведены на оклейку стѣнъ или, можетъ-быть, и сожжены, во избѣжаніе непріятностей, такъ какъ это сочиненіе заключало въ себѣ много несообразнаго бреда и религіозныхъ фантазій, за которыя тогда и автора, и тцетцовъ посылали молиться въ Соловецкій монастырь.

Духъ же этой рукописи сталъ извѣстенъ съ наступающаго достопамятнаго въ хроникахъ Солигалича происшествія.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Не могу съ точностью вспомнить и не знаю, гдѣ справиться: въ которомъ именно году въ Кострому былъ назначенъ губернаторомъ Сергій Степановичъ Ланской, впоследствии графъ и извѣстный министръ внутреннихъ дѣлъ. Сановникъ этотъ, по мѣткому замѣчанію одного его современника, «имѣлъ сильный умъ и надменную фигуру», и такая краткая характеристика вѣрна и вполне достаточна

для представлѣнія, какое нужно имѣть о немъ нашему читателю.

Можно, кажется, добавить только, что Ланской уважалъ въ людяхъ честность и справедливость и самъ былъ добръ, а также любилъ Россію и русскаго человѣка, но понималъ его барственно, какъ аристократъ, имѣвшій на все чужеземный взглядъ и западную мѣрку.

Назначеніе Ланского губернаторомъ въ Кострому случилось во время чудаческаго служенія Александра Аѳанасьевича Рыкова солигаличскимъ кварталнымъ, и притомъ еще при нѣкоторыхъ особенныхъ обстоятельствахъ.

По вступленіи Сергѣя Степановича въ должность губернатора, онъ, по примѣру многихъ дѣятелей, прежде всего «размелъ губернію», т.-е. выгналъ со службы великое множество нерадивыхъ и злоупотреблявшихъ своею должностію чиновниковъ, въ числѣ коихъ былъ и солигаличскій городничій, при которомъ состоялъ кварталнымъ Рыковъ.

По изгнаніи со службы негодныхъ лицъ, новый губернаторъ не счлшилъ замѣщать ихъ другими, чтобы не попасть на такихъ же, а можетъ-быть еще и на худшихъ. Чтобы избрать людей достойныхъ, онъ хотѣлъ оглядѣться или, какъ нынче по-русски говорятъ, «ориентироваться».

Съ этою цѣлью должности удаленныхъ лицъ были поручены временнымъ замѣстителямъ изъ младшихъ чиновниковъ,—а губернаторъ вскорѣ же предпринялъ объѣздъ всей губерніи, затрепетавшей страннымъ трепетомъ отъ однихъ слуховъ о его «надменной фигурѣ».

Александръ Аѳанасьевичъ исправлялъ должность городничаго. Чтò онъ дѣлалъ на этомъ замѣстительствѣ отъи-наго отъ прежнихъ «сталыхъ» порядковъ,—этого не знаю; но, разумѣется, онъ не бралъ взятокъ на городничествѣ, какъ не бралъ ихъ на своемъ кварталничествѣ. Образа жизни своей и отношеній къ людямъ Рыковъ тоже не мѣнялъ,—даже не садился на городническій стулъ передъ зеркало, а подписывался «за городничаго», сидя за своимъ извѣд-нымъ чернилами столикомъ у входной двери. Этому послѣд-нему упорству Рыковъ имѣлъ объясненіе, находящееся въ связи съ апоѳеозою его жизни. У Александра Аѳанасьевича и послѣ многихъ лѣтъ его службы точно такъ же, какъ и въ первые дни его кварталничества,—не было *форменнаго платья*, и онъ правилъ «за городничаго» все въ томъ же

просаленномъ и перештопанномъ бешметѣ. А потому на представленія письмоводителя пересѣсть на мѣсто онъ отвѣчалъ:

— Не могу: хитонъ обличаетъ мя, яко нѣсть браченъ.

Все это такъ и было записано имъ собственною рукою въ его «Однородѣ», съ добавленіемъ, что письмоводитель предлагалъ ему «пересѣсть въ бешметѣ, но снять орла на зеркалѣ», однако, Александръ Аванасьевичъ «оставилъ сію непристойность» и продолжалъ сидѣть на прежнемъ мѣстѣ въ бешметѣ.

Дѣлу полицейской расправы въ городѣ эта неформенность не мѣшала, но вопросъ становился совершенно инымъ, когда пришла вѣсть о пріѣздѣ «надменной фигуры». Александръ Аванасьевичъ, въ качествѣ градоначальника, долженъ былъ встрѣтить губернатора, принять и рапортовать ему о благосостояніи Солигалича, а также отвѣчать на всѣ вопросы, какіе Ланской ему предложить, и репрезентовать ему всѣ достопримѣчательности города, начиная отъ собора, до тюрьмы, пустырей, овраговъ, съ которыми никто не зналъ что дѣлать.

Рыжовъ, дѣйствительно, имѣлъ задачу: какъ ему отбыть все это въ своемъ бешметѣ? Но онъ объ этомъ нисколько не заботился, зато много заботъ причинило это всѣмъ другимъ, потому что Рыжовъ своимъ безобразіемъ могъ на первомъ же шагу прогнѣвить «надменную фигуру». Никому и въ голову не приходило, что именно Александру-то Аванасьевичу и предстояло удивить и даже *обрадовать* всѣхъ пугавшую «надменную фигуру», и даже напроорочить ему повышение.

Вообще заботливый Александръ Аванасьевичъ нисколько не смущался, какъ онъ явится, и совсѣмъ не раздѣлялъ общей чиновничьей робости, черезъ что подвергся осужденію и даже ненависти и палъ во мнѣніи своихъ согражданъ, но палъ съ тѣмъ, чтобы потомъ встать всѣхъ выше и оставить по себѣ память героическую и почти баснословную.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Не излишне еще разъ напомнить, что въ тѣ недавнія, но глубоко провалившіяся времена, къ которымъ относится рассказъ о Рыжовѣ, губернаторы были совсѣмъ не то, что въ нынѣшніе лукавые дни, когда величіе этихъ сановни-

ковъ значительно пало, или, по выраженію нѣкаго духовнаго лѣтописца, «жестоко подвалишася». Тогда губернаторы ѣздили «страшно», а встрѣчали ихъ «притрепетно». Теченіе ихъ совершалось въ грандіозной суетѣ, которой работали не только всѣ младшія начальства и власти, но даже и чернь, и четвероногіе скоты. Города къ пріѣзду губернаторовъ воспринимали помазаніе мѣломъ, сажеей и охрою; на шлагбаумы заново наводилась національная пестрядь казенной трехцвѣтки; бударямъ и инвалидамъ внушали «голова и усы наваксить», — изъ больницъ шла усиленная выписка въ «оздоровку». Во всеобщемъ оживленіи участвовало все до конецъ земли; изъ деревень на тракты стогнали бабъ и мужиковъ, которые по мѣсяцамъ кочевали, чиня дорожныя топи, гати и мосты; на станціяхъ замедляли даже оглашенные курьеры и разные поручики, слѣбно ѣдущіе по безчисленнымъ казеннымъ надобностямъ. Станціонные смотрители въ эту пору отмещивали беспокойному люду свои нестерпимыя обиды и съ непоколебимою душевною твердостью заставляли плестись на какихъ попало клячахъ, потому что хорошія лошади «выстаивались» подъ губернатора. Словомъ, не было никому ни проходу, ни проѣзду безъ того, чтобы онъ не осязалъ какимъ-нибудь изъ своихъ чувствъ, что въ природѣ всѣхъ вещей происходитъ нѣчто чрезвычайное. Благодаря этому, тогда безъ всякаго пустозвонства болтливой прессы всякъ, старъ и младъ, знали, что ѣдетъ тотъ, кого нѣтъ на всю губернію больше, и всѣ, кто какъ умѣлъ, выражали по этому случаю искреннему своему разнообразныя свои чувства. Но самая возвышенная дѣятельность происходила въ центральныхъ гнѣздахъ уѣзднаго властелинства—въ судебныхъ канцеляріяхъ, гдѣ дѣло начиналось съ утомительной и скучной отмѣтки регистровъ, а кончалось веселою операціею обметанія стѣнъ и мытья половъ. Поломойство — это было что-то въ родѣ классическихъ оргій въ дни сбора винограда, когда все напряженно ликовало, имѣя одну заботу: пожить, пока наступитъ часъ смертный. Въ канцеляріи за небольшимъ конвоемъ кривыхъ инвалидовъ доставляли изъ острога смертною скукою соскучившихся арестантовъ, которыя, лови краткій мигъ счастья, пользовались здѣсь плѣнительными правами своего пола—улаждать долю смертныхъ. Декольте и маншкуртъ, съ которыми онѣ приступали къ работѣ,

столь возбуждительно дѣйствовали на дежурившихъ при бумагахъ молодыхъ приказныхъ, что послѣдствіемъ этого, какъ извѣстно, въ острогахъ перѣдко появлялись на свѣтъ такъ-называемыя «поломойныя дѣти», — непризнаннаго, но несомнѣнно благороднаго происхожденія.

Въ эти же дни въ домахъ чернили парадныя сапоги, бѣлили рейтузы и приготавливали слежавшіеся и поточенныя молью мундиры. Это тоже оживляло городъ. Мундиры сначала *просиивали* въ жаркій день на солнынкѣ, раскидывая ихъ на протянутыхъ черезъ дворъ веревкахъ, что по всякимъ воротамъ привлекало множество любопытныхъ; потомъ мундиры *выбивали* прутьями, растянувъ на подушкѣ, или на войлочкѣ; затѣмъ ихъ *трясли*, еще позже ихъ *шопали*, *штожили* и, наконецъ, *раскидывали* на креслѣ въ залѣ или другой парадной комнатѣ, и въ заключеніе всего—въ концѣ концовъ ихъ втихомолку кропили изъ священныхъ бутылочекъ богоявленскою водою, которая, если ее держать у образа въ заткнутой воскомъ посудинѣ, не портится отъ одного Крещеньева дня до другого и нимало не утрачиваетъ чудотворной силы, сообщаемой ей въ моментъ погруженія креста съ пѣніемъ «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояніе Твое».

Исходя въ срутеніе особъ, чиновники облекались въ окропленные мундиры и въ качествѣ прочаго Божія достоянія бывали спасаемы. Объ этомъ есть много достовѣрныхъ сказаній, но при нынѣшнемъ всеобщемъ маловѣрїи и особенно при офенбаховскомъ настроенїи, царшемъ въ чиновномъ мїрѣ, все это уже уронено въ общемъ мнѣніи и въ числѣ многихъ другихъ освященныхъ временемъ вещей легкомысленно подвергается сомнѣнію; отцамъ же нашимъ, имѣвшимъ настоящую, крѣпкую вѣру, давалось по ихъ вѣрѣ.

Ожиданіе губернатора въ тѣ времена длилось долго и мучительно. Железныхъ дорогъ тогда еще не было, и поѣзда не подходили въ урочный часъ по расписанію, подвоза губернатора вмѣстѣ со всѣми прочими смертными, а особо заготовлялся трактъ и затѣмъ никто не зналъ съ точностью ни дня, ни часа, когда сановникъ пожалуетъ. Поэтому истема ожиданія была продолжительна и полна особенной торжественной тревожности, на самомъ зенитѣ которой находился очередной будочникъ, обязанный наблюдать трактъ съ самой высшей въ городѣ колокольни. Овъ

долженъ былъ не задремать, охраняя городъ отъ внезапнаго наѣзда; но, конечно, случалось, что онъ дремалъ и даже спалъ, и тогда въ такихъ несчастныхъ случаяхъ бывали разныя неприятности. Иногда нерадивый стражъ ударялъ въ малый колоколь, подпустивъ губернатора уже на слишкомъ близкую дистанцію, такъ что не всѣ чиновники успѣвали примундириться и выскочить, протопопъ облачиться и стать со крестомъ на сходахъ, а иногда даже городничій не успѣвалъ выѣхать, стоя въ телѣгѣ, къ заставѣ. Во избѣжаніе этого, сторожа заставляли ходить вокругъ колокольни и у каждаго пролета дѣлать поклонъ въ соотвѣтственную сторону.

Это служило сторожу развлеченіемъ, а обществу ручательствомъ, что бдичій надъ нимъ не спать и не дремлетъ. Но и эта предосторожность не всегда помогала; случалось, что сторожъ обладалъ способностью альбатроса: онъ спалъ, ходя и кланяясь, а спросонья билъ ложный всполохъ, принявъ за губернатора помѣщичью карету, и тогда въ городѣ поднималось напрасное смугтеніе, оканчивавшееся тѣмъ, что чиновники снова размундировались и городническая тройка откладывалась, а неосмотрительнаго стража слегка или не слегка сѣкли.

Подобныя трудности встрѣчались часто и преодолевались нелегко, и притомъ всею своею тягостью главнымъ образомъ лежали на городничемъ, который впередъ всѣхъ выносился векачь навстрѣчу, первый принималъ на себя начальственные взоры и взрывы и, потомъ, опять, стоя же, скакалъ впереди губернаторской кареты къ собору, гдѣ у крыльца ожидалъ протопопъ во всемъ облаченіи съ крестомъ и кропиломъ въ чашгѣ священной воды. Здѣсь городничій непременно собственноручно откидывалъ губернаторскую подножку и этимъ приемомъ, такъ сказать, собственноручно выпускалъ прибывшую высокую особу на родимую землю изъ путешественнаго ковчега. Теперь все это уже не такъ, все это попорчено и притомъ едва ли даже безъ участія самихъ губернаторовъ, въ числѣ коихъ были охотники «играть на пониженіе». Ницѣ они, можетъ-быть, и каются, но что уплыло, того не воротятъ; подножекъ имъ никто не откидываетъ, кромѣ лакеевъ и жандармовъ.

Но исправлявшій эту обязанность прежній городничій этимъ не стѣснялся и служилъ для всѣхъ первымъ проб-

лымъ камнемъ; онъ первый извѣдывалъ: лють или благоденствіе прибывшій губернаторъ. И, надо правду сказать, отъ городничаго многое зависѣло: онъ могъ испортить дѣло вначалѣ, потому что одною какою-нибудь своею неловкостью могъ разгнѣвать губернатора и заставить его рвать и метать; а могъ также однимъ ловкимъ прыжкомъ, оборотомъ или инымъ соотвѣтственнымъ вывертомъ привести его превосходительство въ благорасположеніе.

Теперь каждый, даже не знавшій этихъ патриархальныхъ порядковъ читатель, можетъ судить, какъ естественна была тревога солигаличской чиновной знати, которой пришлось имѣть своимъ представителемъ такого своеобразнаго, неуклюжаго и упрямаго городничаго, какъ Рыжовъ, у котораго, вдобавокъ ко всѣмъ его личнымъ неудобнымъ качествамъ, весь уборъ состоялъ въ полосатомъ тиковомъ бешметѣ и кошлатой мужичьей шапкѣ.

Вотъ что первое должно было ударить прямо въ очи «надменной фигурѣ», о которой уже досужіе языки довели до Солигалича самыя страшныя вѣсти... Чего было ожидать добраго?

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Александръ Аванасьевичъ, дѣйствительно, могъ привести кого хотите въ отчаяніе; онъ ни о чемъ не безпокоился и въ ожиданіи губернатора держалъ себя такъ, какъ будто предстоявшее страшное событіе его совѣмъ не касалось. Онъ не сломалъ ни у одного жителя ни одного забора, ничего не перемазалъ ни мѣломъ, ни охрою и вообще не предпринималъ никакихъ средствъ не только къ украшенію города, но и къ измѣненію своего несообразнаго костюма, а продолжалъ прохаживаться въ бешметѣ. На всѣ предлагаемыя ему прожекты онъ отвѣчалъ:

— Не должно вводить народъ въ убытки: развѣ губернаторъ изнуритель край? онъ пусть профдетъ, а заборъ пусть останется. Требованія же насчетъ мундира Рыжовъ отражалъ тѣмъ, что у него на то нѣтъ достатковъ и что, говорить, имѣю,—въ томъ и явлюсь: Богу совѣмъ пагитомъ предстану. Дѣло не въ платьѣ, а въ разсудкѣ и въ совѣсти,—по платью встрѣчаютъ—по уму провожаютъ.

Переупрямить Рыжова никто не надѣялся, а между тѣмъ это было очень важно не столько для упряма Рыжова, ко-

тому, можетъ-быть, и ничего съ его библейской точки зрѣнія, если его второе лицо въ государствѣ сгонитъ съ глазъ долой въ его бешметъ; но это было важно для всѣхъ другихъ, потому что губернаторъ, конечно, разгнѣвается, увиди такую невидаль, какъ городничій въ бешметѣ.

Дорожа первымъ впечатлѣніемъ ожидаемаго гостя, солигаличскіе чины добивались только двухъ вещей: 1) чтобы былъ перекрашенъ шлагбаумъ, у котораго Александръ Аванасьевичъ долженъ встрѣтить губернатора, и 2) чтобы самъ Александръ Аванасьевичъ былъ на этотъ случай не въ полосатомъ бешметѣ, а въ приличной его званію формѣ. Но какъ этого достигнуть?

Мысли были различныя и болѣе склонялись все къ тому, чтобы и шлагбаумъ перекрасить, и городничаго одѣть вскладчину. Въ отношеніи шлагбаума это было, конечно, удобно, но по отношенію къ обмундировкѣ Рыжова никуда не годилось.

Онъ сказалъ: «это даръ, а я даровъ не пріемлю». Тогда восторжествовало надъ всѣми предложеніе, которое подалъ зрѣлый въ сужденіи отецъ протопопъ. Онъ не видалъ нужды ни въ какой складчинѣ ни на окраску заставы, ни на форму градоправителя, а сказалъ, что все должно лечь на того, кто всѣхъ провинитъ, а всѣхъ провинитъ, по его мнѣнію, былъ откупщикъ. На него все должно и пасть. Онъ одинъ обязанъ на свой собственный счетъ не по неволѣ какой, а изъ усердія, окрасить заставу, за что протопопъ обѣщала, срѣтая губернатора, упомянуть объ этомъ въ краткомъ словѣ и, кромѣ того, помолиться о жертвователѣ въ тайноглаголемой запрестольной молитвѣ. Кромѣ того, отецъ протопопъ разсудилъ, что откупщикъ долженъ дать засѣдателю, сверхъ ординаріи, тройную порцію рому, французской водки и кизлярки, до которыхъ засѣдатель охочъ. И пусть засѣдатель зато отранпортуется большимъ и пьетъ себѣ дома эту добавочную ординарію и на улицу не выходитъ, а свой мундиръ, одной съ полицейскимъ формы, отпустить Рыжову, — отчего сей послѣдній, вѣроятно, не найдетъ причины отказать, и будутъ тогда и овцы цѣлы, и волки сыты.

Планъ этотъ тѣмъ болѣе былъ удаченъ, что непремѣнный засѣдатель ростомъ-дородствомъ нѣсколько походилъ на Рыжова и притомъ, женись недавно на купеческой дочери,

имѣлъ мундирную пару въ полномъ порядкѣ. Слѣдовательно, оставалось только упросить его, чтобы онъ для общаго блага къ прїѣзду начальства слегъ въ постель подъ видомъ тяжелой болѣзни и сдалъ свою амуницію на этотъ случай Рыжову, котораго отецъ протопопъ, надѣясь на свой духовный авторитетъ, тоже взялся убѣдить—и убѣдилъ. Не вида въ этомъ ни даровъ, ни мзды, справедливый Александръ Аонасьевичъ, для общаго счастья, согласился надѣть мундиръ. Произведена была примѣрка и пригонка форменной пары застѣвателя на Рыжова, и послѣ нѣкотораго выпуска со всѣхъ сторонъ всѣхъ запасовъ въ мундиръ и въ рейтузакъ, дѣло было приведено къ удовлетворительному результату. Александръ Аонасьевичъ хотя чувствовать въ мундирѣ весьма стѣснительную связанность, но могъ, однако, двигаться и все-таки былъ теперь сноснымъ представителемъ власти. Небольшой же бѣлый карнизъ между мундиромъ и канифасовыми рейтузами положено было закрыть соответственной же канифасовою надшивкою, которою этотъ карнизъ былъ удачно замаскированъ. Словомъ, Александръ Аонасьевичъ былъ снаряженъ такъ, что губернаторъ могъ повернуть его на всѣ стороны и полюбоваться имъ такъ и иначе. Но злому року угодно было все это осмѣять и оставить Александру Аонасьевичу надлежющую представительность только съ одной стороны, а другую совсѣмъ испортить, и притомъ такимъ двусмысленнымъ образомъ, что могло дать поводъ къ самымъ произвольнымъ толкованіямъ его и безъ того загадочнаго, политическаго образа мыслей.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Шлагбаумъ былъ окрашенъ во всѣ цвѣта національной пестряди, состоящей изъ черныхъ и бѣлыхъ полосъ съ красными отводами, и еще не успѣлъ запылиться, какъ пронеслась вѣсть, что губернаторъ уже выѣхалъ изъ сосѣдняго города и держитъ путь прямо на Солигаличъ. Тотчасъ же вездѣ были поставлены махальные солдаты, а у забора бѣдной хибары Рыжова глодала землю рѣзвая почтовая тройка съ телѣгою, въ которую Александръ Аонасьевичъ долженъ былъ вспрыгнуть при первомъ сигналѣ и скакать навстрѣчу «надменной фигурѣ».

Въ послѣднемъ условіи было чрезвычайно много неудоб-

ной сложности, исполнявшей все вокруг безпokoйной тревогой, которую очень не любилъ самообладающій Рыковъ. Онъ рѣшился «быть всегда на своемъ мѣстѣ»: перевелъ тройку отъ своего забора къ заставѣ и самъ въ полномъ нарядѣ, — въ мундирѣ и бѣлыхъ рейтузахъ, съ рапортомъ за бортомъ, сѣлъ тутъ же на раскрашенную перекладину шлагбаума и водворился здѣсь, какъ столпникъ, а вокругъ него собрались любопытные, которыхъ онъ не прогонялъ, а, напротивъ, велъ съ ними бесѣду и среди этой бесѣды сподобился увидеть, какъ на трактѣ закрубилося пыльное облако, изъ котораго стала вырѣзаться пара выносныхъ съфорейторомъ, украшеннымъ мѣдными бляхами. Это катилъ губернаторъ.

Рыковъ быстро спрыгнулъ въ телѣгу и хотѣлъ скакать, какъ вдругъ былъ пораженъ общимъ стономъ и вздохомъ толпы, крикнувшей ему:

— Батюшка, сбрось штанцы!

— Что такое?—переспросилъ Рыковъ.

— Штанцы сбрось, батюшка, штанцы, — отвѣчали люди. — Погляди-ка, на коемъ мѣстѣ сидѣлъ, такъ къ бѣлому весь планбовъ припечаталъ.

Рыковъ оглянулся черезъ плечо и увидѣлъ, что всѣ невысохшія полосы національныхъ цвѣтовъ шлагбаума, дѣйствительно, съ удивительною отчетливостью отпечатались на его рейтузахъ.

Онъ поморщился, но сейчасъ же вздохнулъ и сказалъ: «Сюда начальству глядѣть нечего» и пустилъ вскачь тройку навстрѣчу «надменной особѣ».

Люди только руками махнули:

— Отчаянный! что-то ему теперь будетъ?

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Скороходы изъ этой же толпы быстро успѣли дать знать въ соборъ духовенству и набольшимъ, въ какомъ двусмысленномъ видѣ встрѣтитъ губернатора Рыковъ, — но теперь уже всѣмъ было самому до себя.

Всѣхъ страшнѣе было протопопу, потому что чиновники притаились въ церкви, а онъ съ крестомъ въ рукахъ стоялъ на сходахъ. Его окружалъ очень небольшой причтъ, изъ коего вырѣзались двѣ фигуры: приземистый дьяконъ съ большой головой и длинноногій дьячокъ въ стихарѣ съ

священною водою въ «апликовой» чапѣ, которая ходуномъ ходила въ его оробѣвшихъ рукахъ. Но вотъ трепеть страха смѣнился окаменѣніемъ: на площади показалась борзо скачущая тройкою почтовая телѣга, въ которой съ замѣчательнымъ достоинствомъ возвышалась гигантская фигура Рыжова. Онъ былъ въ шляпѣ, въ мундирѣ съ краснымъ воротомъ и въ бѣлыхъ рейтузахъ съ надшитымъ канифасовымъ карнизомъ, — что издали рѣшительно ничего не портило. Напротивъ, онъ всѣмъ казался чѣмъ-то величественнымъ и, дѣйствительно, такимъ и долженъ былъ казаться. Твердо стоя на скачущей телѣгѣ, на облучкѣ которой подпрыгивалъ ямщикъ, Александръ Аванасьевичъ не колебался ни направо, ни налево, а плылъ точно на колесницѣ какъ триумфаторъ, сложивъ на груди свои богатырскія руки и обдавая цѣлымъ облакомъ пыли слѣдовавшую за нимъ шестерикомъ коляску и легкій тарантасикъ. Въ этомъ тарантасѣ ѣхали чиновники. Ланской помѣщался одинъ въ каретѣ и, несмотря на отличавшую его солидную важность, былъ, повидимому, сильно заинтересованъ Рыжовымъ, который летѣлъ впереди его, стоя, въ кургузомъ мундирѣ, нимало не закрывавшемъ разводы національныхъ цвѣтовъ на его бѣлыхъ рейтузахъ. Очень возможно, что значительная доля губернаторскаго вниманія была привлечена именно этою странностію, значеніе которой не такъ легко было понять и опредѣлить.

Телѣга въ свое время своротила въ сторону, и Александръ Аванасьевичъ въ свое время соскочилъ и открылъ дверцу у губернаторской кареты.

Ланской вышелъ, имѣя, какъ всегда, неизмѣнно «надменную фигуру», въ которой, впрочемъ, содержалось довольно доброе сердце. Протопопъ, осѣнивъ его крестомъ, сказалъ: «Благословенъ грядый во имя Господне» и затѣмъ покропилъ его легонько священной водою.

Сановникъ приложился ко кресту, отеръ батистовымъ платкомъ понавнѣя ему на надменное чело капли и вступилъ *первый* въ церковь. Все это происходило на самомъ виду у Александра Аванасьевича и чрезвычайно ему не понравилось, — все было «надменно». Неблагопріятное впечатлѣніе еще болѣе усилилось тѣмъ, что, вступивъ въ храмъ, губернаторъ не положилъ на себя креста и никому не поклонился, — ни алтарю, ни народу, и шелъ какъ шестъ, не сгибая головы, къ амвону.

Это было противъ всѣхъ правилъ Рыжова по отношенію къ богопочитанію и къ обязанностямъ высшаго быть примѣромъ для низшихъ, — и благочестивый духъ его веколеблется и поднялся на высоту невѣроятную.

Рыжовъ все шелъ слѣдомъ за губернаторомъ и, по мѣрѣ того, какъ Ланской приближался къ солеѣ, Рыжовъ все больше и больше сокращалъ разстояніе между нимъ и собою, и вдругъ неожиданно схватилъ его за руку и громко произнесъ:

— Рабъ Божій Сергій! входи во храмъ Господень не надменно, а смиренно, представляя себя самымъ большимъ грѣшникомъ—вотъ какъ!

Съ этимъ онъ положилъ губернатору руку на спину и, постепенно нагнувъ его въ полный поклонъ, снова отпустилъ и сталъ на вытяжку.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Очевидецъ, передававшій эту анекдотическую исторію о солигаличскомъ антикѣ, ничего не говорилъ: какъ принялъ это бывшій въ храмѣ народъ и начальство. Извѣстно только, что никто не имѣлъ отваги, чтобы заступиться за нагнутаго губернатора и остановить безтрепетную руку Рыжова, но о Ланскомъ сообщаютъ нѣчто подробнѣе. Сергій Степановичъ не подалъ ни малѣйшаго повода къ продолженію беспорядка, а, напротивъ, «смирилъ свою горделивую надменность умнымъ самообладаніемъ». Онъ не оборвалъ Александра Аванасьевича, и даже не сказалъ ему ни слова, но перекрестился и, оборотясь, поклонился всему народу, а затѣмъ скоро вышелъ и отправился на приготовленную ему квартиру.

Здѣсь Ланской принялъ чиновниковъ—коронныхъ и выборныхъ, и тѣхъ изъ нихъ, которые ему показались достойными большаго довѣрія, разспросилъ о Рыжовѣ: что это за человекъ и какимъ образомъ онъ терпится въ обществѣ.

- Это нашъ квартальный Рыжовъ, — отвѣчалъ ему голова.
- Что же онъ... вѣроятно, въ помѣшательствѣ?
- Никакъ нѣтъ: просто всегда *такой*.
- Такъ затѣмъ же держать *такого* на службѣ?
- Онъ по службѣ хорошъ.
- Дерзокъ.
- Самый смиренный: на шею ему старшій сядь, — рассу-

дигъ: «позтому везть надо» — и повезеть, по только онъ много въ Библии начитавшись и черезъ то разстроень.

— Вы говорите несообразное: Библия книга божественная.

— Это точно такъ, только ее не всякому честь пристойно: въ иночествѣ отъ нея страсть мечется, а у мірскихъ людей умъ мѣшается.

— Какіе пустяки! — возразилъ Ланской и продолжалъ разспрашивать:

— А какъ онъ насчетъ взятокъ: умѣренъ ли?

— Помилуйте, — говоритъ голова: — онъ совсѣмъ ничего не беретъ...

Губернаторъ еще больше не повѣрилъ.

— Этому, — говоритъ: — я уже ни за что не повѣрю.

— Нѣтъ; дѣйствительно, не беретъ.

— А какъ же, говорить, онъ какими средствами живетъ?

— Живетъ на жалованье.

— Вы вздоръ мнѣ рассказываете: такого человѣка во всей Россіи нѣтъ.

— Точно, — отвѣчаетъ, нѣтъ; но у насъ такой обзавился.

— А сколько ему жалованья положено?

— Въ мѣсяцъ десять рублей.

— Вѣдь на это, говорить, овцу прокормить нельзя.

— Дѣйствительно, говорить, мудроно жить — только онъ живетъ.

— Отчего же такъ всѣмъ нельзя, а онъ обходится?

— Библии начитался.

— Хорошо, — «Библии начитался», а что же онъ ѣсть?

— Хлѣбъ да воду.

И тутъ голова и рассказалъ о Рыковѣ, каковъ онъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ.

— Такъ это совсѣмъ удивительный человѣкъ! — воскликнулъ Ланской и велѣлъ позвать къ себѣ Рыкова.

Александръ Аванасьевичъ явился и сталъ у притолки, вже по подчиненію.

— Откуда вы родомъ? — спросилъ его Ланской.

— Здѣсь, на Нижней улицѣ родился, — отвѣчалъ Рыковъ.

— А гдѣ воспитывались?

— Не имѣлъ воспитанія... у матери росъ, а матушка пироги пекла.

— Учились гдѣ-нибудь?

— У дьячка.

— Исповѣданіи какого?

— Христіанинъ.

— У васъ очень странные поступки.

— Не замѣчаю: всякому то кажется странно, что самому несвойственно.

Ланской подумаль, что это вызывающій, дерзкій намекъ и, строго взглянувъ на Рыкова, рѣзко спросилъ:

— Не держитесь ли вы какой-нибудь секты?

— Здѣсь нѣтъ секты: я въ соборъ хожу.

— Исповѣдуетесь?

— Богу при протопопѣ каюсь.

— Семья у васъ есть?

— Есть жена съ сыномъ.

— Жалованье малое получаете?

Никогда не смѣявшійся Рыковъ улыбнулся.

— Беру, говорить, въ мѣсяць десять рублей, а не знаю: какъ это, — много или мало.

— Это немного.

— Доложите государю, что для лукаваго раба это мало.

— А для вѣрнаго?

— Достаточно.

— Вы, говорятъ, никакими статьями не пользуетесь?

Рыковъ посмотрѣлъ и промолчалъ.

— Скажите по совѣсти: быть ли это можетъ такъ?

— А отчего же не можетъ быть?

— Очень малыя средства.

— Если имѣть великое обузданіе, то и съ малыми средствами обойтись можно.

— Но зачѣмъ вы не проситесь на другую должность?

— А кто же эту занимать станетъ?

— Кто-нибудь другой.

— Развѣ онъ лучше меня справитъ?

Теперь Ланской улыбнулся: квартальный совсѣмъ заинтересовалъ его нечуждую теплоты душу.

— Послушайте, — сказалъ онъ: — вы чудакъ; я васъ прошу сѣсть.

Рыковъ сѣлъ vis-à-vis съ «надменнымъ».

— Вы, говорятъ, знатокъ Библии?

— Читаю, сколько время позволяетъ, и вамъ совѣтую.

— Хорошо; но... могу ли я васъ увѣрить, что вы можете со мною говорить совсѣмъ откровенно и по справедливости.

— Ложь заповѣдью запрещена,—я лгать не стану.

— Хорошо. Уважаете ли вы власти?

— Не уважаю.

— За что?

— Лѣнны, алчны и предъ престоломъ криводушны, — отвѣчалъ Рыковъ.

— Да, вы откровенны. Благодарю. Вы тоже пророчесствуете?

— Нѣтъ; а по Библии вывожу, что ясно слѣдуетъ.

— Можете ли вы мнѣ показать хоть одинъ вашъ выводъ?

Рыковъ отвѣчалъ, что можетъ, — и сейчасъ же принесъ цѣлый обертокъ бумаги съ надписью «Однодумъ».

— Что тутъ есть пророчественнаго о прошломъ и сбывшемся?—спросилъ Ланской.

Квартальный перемахнулъ знакомыя страницы и прочиталъ: «Государыня въ перепискѣ съ Вольтеромъ назвала его вторымъ Златоустомъ. За сіе несообразное сравненіе жизнь нашей монархини не будетъ имѣть спокойнаго конца».

На отлинеенномъ полѣ противъ этого мѣста отмѣчено: «исполнилось при огорчительномъ сватовствѣ Павла Петровича».

— Покажите еще что-нибудь.

Рыковъ опять заметалъ страницы и указалъ новое мѣсто, которое все заключалось въ слѣдующемъ: «Изданъ указъ о попенномъ сборѣ. Отнынѣ хладъ бѣдныхъ хижинъ усилится. Надо ожидать особеннаго наказанія». И на полѣ опять отмѣтка: «Исполнилось,—зри страницу такую-то», а на той страницѣ запись о кончинѣ юной дочери императора Александра Перваго съ отмѣткою: «сіе послѣдовало за назначеніе налога на лѣсъ».

— Но позвольте, однако,—спросилъ Ланской:—вѣдь лѣса составляютъ собственность?

— Да; а грѣтъ воздухъ въ жильѣ составляетъ потребность.

— Вы противъ собственности?

— Нѣтъ; я только, чтобы всѣмъ тепло было въ стужу. Не надо давать лѣсовъ тѣмъ, кому и безъ того тепло.

— А какъ вы судите о податяхъ: слѣдуетъ ли облагать людей податью?

— Надо наложить и еще прибавить на всякую вещь роскошную, чтобы богатый платилъ казнѣ за бѣднаго.

— Гм, гм! вы ни откуда это учение не почерпаете?

— Изъ священнаго писанія и моей совѣсти.

— Не руководятъ ли васъ къ сему иные источники новаго времени?

— Всѣ другіе источники не чисты и полны суемудрія.

— Теперь скажите вполсѣднее: какъ вы не боитесь ни того, что пишете, ни того, что со мною въ церкви сдѣлали?

— Что пишу, то про себя пишу, а что въ храмѣ сдѣлалъ, то долженъ былъ учинить, цареву власть оберегаячи.

— Почему цареву?

— Дабы видѣли всѣ его слугъ къ вѣрѣ народной почти-тальными.

— Но вѣдь я могъ съ вами обойтись совсѣмъ не такъ, какъ обхожусь.

Рыковъ посмотрѣлъ на него «съ сожалѣніемъ» и отвѣчалъ:

— А какое же зло можно сдѣлать тому, кто на десять рублей въ мѣсяцъ умѣетъ съ семьей жить?

— Я могъ велѣть васъ арестовать.

— Въ острогѣ сытѣй ѣдятъ.

— Васъ сослали бы за эту дерзость.

— Куда меня можно сослать, гдѣ бы мнѣ было хуже и гдѣ бы Богъ мой оставилъ меня? Онъ вездѣ со мною, а кромѣ Его никого не страшно.

Надменная шея склонилась и лѣвая рука Ланского простерлась къ Рыкову.

— Характеръ вашъ почтененъ, — сказалъ онъ и велѣлъ ему выйти.

Но, повидимому, онъ еще не совсѣмъ довѣрялъ этому библейскому социалисту и спросилъ о немъ лично самъ нѣсколько простолудиновъ.

Тѣ, покрути рукой въ воздухѣ, въ одно слово отвѣчали:

— Онъ у насъ такой-нѣкій-этакой.

Болѣе положительнаго изъ нихъ о немъ никто не зналъ.

Прощаясь, Ланской сказалъ Рыкову:

— Я о васъ не забуду и совѣтъ вашъ исполню, — прочту Библию.

— Да только этого мало, а вы и на десять рублей въ мѣсяцъ жить поучитесь, — добавилъ Рыковъ.

Но этого совѣта Ланской уже не обѣщала исполнить, а только засмѣялся, опять подалъ ему руку и сказалъ:

— Чудакъ, чудакъ!

Сергѣй Степановичъ уѣхалъ, а Рыжовъ унесъ къ себѣ домой своего «Одnodума» и продолжалъ писать въ немъ, что изливали его наблюдательность и пророческое вдохновеніе.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Со времени проѣзда Ланскаго прошло довольно времени, и событія, сопровождавшія этотъ проѣздъ черезъ Солигаличъ, уже значительно позабылись и затерлись ежедневною сутолкою, какъ вдругъ, нежданно-негаданно, на дивное-диво не только Солигаличу, а всей просвѣщенной Россіи, въ обривизованный городъ пришло извѣстіе совершенно невѣроятное и даже въ стройномъ порядкѣ правленія невозможное: квартальному Рыжову былъ присланъ дарующій дворянство владимірскій крестъ, — первый владимірскій крестъ, пожалованный квартальному.

Самый орденъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ предписаніемъ возложить его и носить по установленію. И крестъ, и грамота были вручены Александру Аванасьевичу съ объявленіемъ, что удостоенъ онъ сей чести и сего пожалованія по предствленію Сергѣя Степановича Ланскаго.

Рыжовъ принялъ орденъ, посмотрѣлъ на него и проговорилъ вслухъ:

— Чудакъ, чудакъ! А въ «Одnodумѣ» противъ имени Ланскаго отмѣтилъ: «быть ему графомъ», — что, какъ извѣстно, и исполнилось. Носить же ордена Рыжову было *не на чемъ*.

Кавалеръ Рыжовъ жилъ почти девяносто лѣтъ, аккуратно и своеобразно отмѣчая все въ своемъ «Одnodумѣ», который, вѣроятно, издержавъ при какой-нибудь уѣздной реставраціи на оклейку стѣнъ. Умеръ онъ, исполнивъ всѣ христіанскія требы по установленію православной церкви, хотя православіе его, по общимъ замѣчаніямъ, было «сомнительно». Рыжовъ и въ вѣрѣ былъ человекъ такой-нѣкой-этакой, но при всемъ томъ, мнѣ кажется, въ немъ можно видѣть кое-что кромѣ «одной дряни», — чѣмъ и да будетъ онъ помянутъ въ самомъ началѣ розыска о «трехъ праведникахъ».

ПИГМЕИ.

Расскажу вамъ одно истинное событіе, о которомъ недавно вспомнили въ одномъ скромномъ кружкѣ, по поводу замѣчаемаго нынче чрезмѣрнаго усиленія въ нашемъ обществѣ холоднаго и безстрастнаго эгоизма и безучастія. Нѣкоторымъ изъ собесѣдниковъ казалось, что будто прежде такъ не было, — имъ сдавалось, будто еще и въ недавнее время сердца были немножко потеплѣе и души поучастливѣе, и одинъ изъ собесѣдниковъ, мой землякъ, пожилой и весьма почтенный человѣкъ, сказалъ намъ:

— Да вотъ какъ, господа: я сейчасъ еще знаю у насъ въ губерніи одного старичка, самаго мелкопомѣстнаго дворянина, настоящаго пигмея, который никогда въ жизни не игралъ никакой значительной роли, а между тѣмъ онъ, живучи здѣсь въ Петербургѣ, по одному благородному побужденію, сдѣлалъ разъ такое дѣло, что этому даже, пожалуй, и повѣрить трудно. И если я вамъ это расскажу, такъ вы увидите, что можетъ сдѣлать для ближняго самый маленькій человѣкъ, когда онъ серьезно *захочетъ* помочь ему; — наше нынѣшнее горе въ томъ, что никто ничего не хочетъ сдѣлать для человѣка, если не часть отъ этого себѣ выгоды.

И рассказчикъ сообщилъ намъ слѣдующее:

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Мелкопомѣстный дворянинъ, о которомъ я говорю, назывался С***, онъ еще здравствуетъ и доживаетъ свой вѣкъ въ своемъ маленькомъ хуторчкѣ въ К. уѣздѣ. Прежде чѣмъ

состарѣтся, онъ служилъ здѣсь въ Петербургѣ въ вѣдомствѣ с.-петербургской полиціи и на самомъ ничтожномъ мѣстѣ: на обязанности его лежало распорядиться исполненіемъ публичныхъ тѣлесныхъ наказаній. Въ то сравнительно весьма недавнее время у насъ на святой Руси людей непривилегированнаго класса сѣкли плетями и клеймили. За свою долговременную службу нынѣшній старичокъ С., разумѣется, «привелъ въ исполненіе» этихъ наказаній такое безчисленное множество, что совершенно привыкъ къ такому непріятному занятію и распорядился этимъ холодно и безтронетно, какъ самымъ обыкновеннымъ служебнымъ дѣломъ. Но вотъ разъ съ нимъ случилось такое событіе, что онъ самъ себѣ измѣнилъ и, по собственнымъ его словамъ, «вмѣсто того, чтобы благоразумно долгъ свой исполнить—падѣлалъ глуостей».

Событіе это произошло въ 1853 г., когда русскія отношенія къ Франціи были очень натянуты, и въ столицѣ сильно уже поговаривали о возможности рѣшительнаго разрыва. Въ это время разъ чиновнику С. передають «для исполненія» бумагу о наказаніи плетями, черезъ палача, молодого француза Н, осужденнаго къ этому за самый гадкій поступокъ надъ малолѣтней дѣвочкой. Я не назову вамъ этого француза, потому что онъ живъ и довольно извѣстенъ; а какъ его имя берегла отъ оглашенія скромность «нигмея», то и я не великанъ, чтобы его выдать.

— Прочель, — говоритъ С.:— я эту бумагу, помѣтилъ, и что же еще тутъ долго думать: отпущенаемъ молодца яко старца, да и дѣло съ концомъ; и я далъ въ порядкѣ приказъ подрядчику, чтобы завтра эшафотъ на площади сладить, а самъ велѣлъ привести арестанта, чтобы посмотрѣть на него: здоровъ ли онъ и можно ли его безопасно подвергнуть этой процедурѣ.

Приводягъ человѣка такого щедушнаго, дохлаго; блѣдный, плачетъ, дрожить и руки ломаетъ, а самъ все жалостно лепечеть.

— Ахъ ты, думаю, Господи Боже мой: надо же было ему, такому французскому поганцу, сюда заѣхать и такое пакостное дѣло здѣсь учинить, чтобы мы его тутъ на свой фасонъ какъ сидорову козу лунили.

И вдругъ жаль мнѣ его стало.

— Что, говорю, ты это себѣ надѣлалъ! Какъ ты дерзнулъ на бѣдное дитя покуситься...

А онъ падаетъ въ ноги, ручки въ кандалахъ къ небу поднимаетъ, гремитъ пѣтьями и плачетъ.

— Мусье, мусье! Небо видитъ...

— Что, говорю: «Небо»! нечего теперь, братецъ, землю обезчестивши, на небо топыриться,—готовься: завтра экзекуція,—что заслужилъ, то и применишь.

— Я, говоритъ, занапрасно (онъ, три года въ острогѣ сиди, такъ подучился немножко по-русски).

— Ну, уже это, говорю, мнѣ ами, врешь,—занапрасно бы у насъ тебя не присудили: судъ-знаеть, за что караетъ.

— Ей-Богу, говоритъ, занапрасно... вотъ Богъ, Дье, Дье меня убей... и тому подобное, и такъ горько, такъ горько бѣдный плачетъ, что всего меня встревожилъ. Много я въ своей жизни всякихъ слезъ передъ казнью видѣлъ, но а такихъ жаркихъ, горячихъ да дробныхъ слезъ, право, не видалъ. Такъ вотъ и видно, что ихъ напраслина жметъ...

— Ну, а мнѣ-то, скажите,—что же я, пигмей, могу ему сдѣлать? — мое дѣло одно, что надо его отпороть, заклеить, да сослать «во исполненіе рѣшенія», вотъ и все, и толковать тутъ не о чемъ. И я кивнулъ часовымъ, чтобы взяли его, потому что для чего же мнѣ его держать, — и самому тревожиться, и его напрасно волновать раньше времени.

— Ведите, говорю, его назадъ въ тюрьму.

Но онъ, какъ услышалъ это, такъ обхватилъ мою ногу руками и замеръ: а слезы или лицо это у него такое горячее, что даже сквозь сапогъ мою ногу жжетъ.

— Тьфу, провались ты совѣмъ, думаю, вотъ на горе свое я съ нимъ разговорился: и никакъ его съ ноги спихнуть не могу; а самому мнѣ въ ухо вдругъ что-то шептать начало: «разспроси его, разспроси, послушай, да заступись».

— Ну, чего тутъ, помилуйте, заступаться мнѣ, ничтожному исполнительному чиновнику, когда дѣло уголовнымъ судомъ рѣшено и уже и подрядчику, и смотрителю насчетъ палача приказъ данъ. Какія тутъ заступничества? А оно, это что-то незримое, знай все свое въ ухо шепчетъ: «разспроси, заступись».

Я и соблазнился: заступаться, думаю, я хоть и не буду, а разспросить, пожалуй, разспрошу.

— Валяй, говорю, рассказывай по всей истинѣ, какъ дѣло было! Да только смотри—не ври.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Онъ мнѣ, сколько ему позволяли слезы и рыданія, рассказалъ, что жилъ онъ на Морской у парикмахера; туда ходила къ нимъ, къ стригачамъ, отъ прачки дѣвочка, двѣнадцати—не то тринадцати лѣтъ,—очень хорошенькая. И говоритъ, что она не то на его сестренку или, какъ тамъ по-ихнему, на кузинку его какую, что ли, очень похожа была. Ну, а онъ, это, знаете, какъ французъ... ну, разумеется, со вкусомъ тоже и фантазіей: нравится ему дитя, — онъ ей нынче бантикъ, завтра-ашельсинчикъ, послѣ рубль, или полтинничекъ, бомбошки—все баловаль ее. Говоритъ, безъ всякой будто цѣли; а мать-то ея пройдоха была: зазвала его къ себѣ да съ дѣвчонкою ихъ и заперла, а дѣвчонку научила ему рожу расцарапать, да кричать, будто ее странно обидѣть хотѣлъ. Сбѣжался народъ, актъ составили, въ тюрьму,—въ тюрьмѣ три года продержали и къ плетямъ, да къ ссылкѣ присудили.

Выслушавъ я все это и все мнѣ показалось это такъ, какъ онъ рассказалъ, и обратилъ я вниманіе на его рубецъ, что эта дѣвочка ему на носу сдѣлала: глубокой рубецъ,—зажилъ, но поблѣлый шрамъ такъ и остался. Престранный шрамъ: точно нарочно рассчитано, на какомъ мѣстѣ его отмѣтить. По большей части это никогда такъ не бываетъ: по большей части женщина въ такихъ случаяхъ прямо въ глаза, а еще больше въ щеки цапаетъ,—потому она, когда ее одолѣваютъ, руками со сторонъ къ лицу взмахиваетъ; а это какъ-то по-кошачьи, прямо въ середину, какъ разъ по носу и къ губѣ пущено...

Думаю: чего добраго, Богъ знаетъ, вѣдь есть такія проходимки; въ полицію какъ послужишь, такъ вѣдь на какихъ негодяевъ не намотришься, и говорю ему,—это вамъ даже смѣшно должно показаться,—говорю:

— Ну, хорошо, мусье: если все это такъ, какъ ты мнѣ сказалъ,—то, можетъ-быть, Богъ напраслины не допуститъ:— молись и надѣйся.

Онъ руки у меня расцѣловалъ и забрякалъ цѣпями, пошелъ, а я остался на своемъ мѣстѣ и думаю себѣ: вотъ и два дурака вмѣстѣ собрались. Первый онъ, что меня за

пророка почель, а другой я, что ему напрасную надежду подалъ.

А во лбу такъ-таки вотъ и стоитъ, что это напраслина и ужасная напраслина, и между тѣмъ вотъ мы завтра его бить будетъ и это его щуплое французское тѣльце будетъ на деревянной кобылѣ ежиться, кровью обливаться и будетъ онъ визжать, какъ живой поросенокъ на вертелѣ... Ахъ, ты, лихо бы тебя било, да не я бы на это смотрѣлъ! Не могу; просто такъ за него растревожился, что не могу самой пустой бумажонки на столъ распредѣлить.

Подозвалъ младшаго чиновника и говорю:

— Сдѣлайте тутъ, что нужно, а у меня очень голова разболѣлась,—я домой пойду.

Пришелъ домой, ходилъ-ходилъ, ругался-ругался со всѣми, и съ женою, и съ прислугою — не могу успокоиться да и баста! Стоитъ у меня французъ передъ глазами и никакъ его не выихнешь.

Жена уговариваетъ, «что ты, да что съ тобою»?—потому что я никогда такой не былъ, а я еще хуже томлюсь.

Подали обѣдать; я сѣлъ, но сейчасъ же опять вскочилъ, не могу да и только. Жаль француза, да и конецъ.

Не выдержалъ и, чтобы не видали домашніе какъ я мучусь, схватилъ шляпу и побѣжалъ изъ дома, и вотъ съ этихъ-то поръ я уже словно не самъ собою управлять, а начало мною орудовать какое-то вдохновеніе: *и задумалъ измѣну.*

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Вышелъ я и прямо къ приставу, у котораго это происшествіе было; спрашиваю: какъ это все тогда, три года назадъ, происходило и что за баба мать этой дѣвочки.

Приставъ говорить:

— Чортъ ихъ знаетъ,—это дѣло еще не при мнѣ было, а баба, мать этой дѣвочки—большая негодяйка, и она, говорить, съ своею дочкою еще послѣ того не разъ этакую же исторію подводила. А впрочемъ, говорить, кто ихъ разбереть: кто правъ, кто виноватъ.

Ну, довольно, думаю, съ меня: мы съ тобою, братъ, этого не разберемъ, а Богъ разбереть, да съ этимъ прямо въ Коюшениную, на каретную биржу: договорилъ себѣ карету глубокою, четверомѣстною, въ какихъ большихъ возить, и

велѣлъ какъ можно скорѣе гнать въ Измайловскій полкъ, къ одному пріятелю, который былъ семейный и при дѣтяхъ держалъ гувернера француза. Этотъ французъ давно въ Россіи жилъ и по-русски понималъ все, какъ надо.

Прикатилъ я къ пріятелю и говорю:

— Дай, говорю, голубчикъ, мнѣ на поддержаніе своего французинику, что у тебя служить: онъ мнѣ нуженъ.

— Зачѣмъ тебѣ?—спрашиваетъ.

— Такъ, говорю, нуженъ онъ мнѣ, — на самое короткое время,— всего часа на два.

И говорю это, знаете, такъ, что пріятель мой легко могъ замѣтить, что я не спокоенъ, потому что задыхаюсь, тороплюсь и волнуясь, и чѣмъ это больше скрыть хочу, тѣмъ больше себя, къ досадѣ своей, высказываю и ввожу его насчетъ себя въ сомнѣніе, а тѣмъ у него, разумѣется, еще больше вопросы вызываю: «что ты, да на что тебѣ?»

Насилу нашелся увернуться отъ его долгихъ разспросовъ, сказавши, что будто бы встревоженъ оттого, что получилъ извѣстіе о болѣзни брата, и не могу удержаться, хочу съвѣдѣть къ французенкѣ гадалкѣ на ленорманскихъ картахъ погадать: выздоровѣетъ ли мой братъ или умретъ? Ну, а какъ самъ я по-французски не маракую, то... и прочее, и прочее, и прочее.

Не знаю: повѣрилъ ли мнѣ пріятель или не повѣрилъ, но только разспрашивать больше не сталъ и француза мнѣ отпустилъ; а я, взявши того, сейчасъ же опять съ нимъ въ карету и говорю:

— Ну, слушай, мусье: знаешь ли ты, по какому дѣлу я тебя взялъ?

А тотъ, смотрю, глядитъ на меня и блѣднѣетъ, потому, знаете: наша полицейская служба къ намъ вольнолюбивыхъ людей не располагаетъ. Особенно въ тогданнее время, для француза я могъ быть очень неприятенъ, такъ какъ, напоминаю вамъ, тогда наши русскія отношенія съ Франціею сильно уже портились и у насъ по полиціи часто секретныя распоряженія были за разными людьми ихъ націи построжее присматривать.

— Что ты это, кажется,—говорю:—сробѣлъ?

А уже его и лихорадка колотить.

— Помилуйте,—отвѣчаетъ:—я ни въ чемъ не виноватъ!

— Да, дуи тебя горю: кто тебѣ говорить, что ты въ

чемъ-нибудь виноваты! Тутъ я, братецъ, во всемъ виновать, потому что я *измѣтникъ*: я въ такое время вмѣшиваюсь въ дѣло, куда мнѣ совсѣмъ и носа совать не слѣдуетъ; ну, да некуда податься, видно Богу такъ угодно, чтобы я сюда сунулся. И, вообразите себѣ, я, дѣйстви-тельно, въ то время такъ чувствовалъ, что *это Богу угодно* совершить то, что я дѣлаю. Разумѣется, самолюбіе.

— Слушай же, — говорю: — такъ и такъ, вотъ въ чемъ дѣло: вотъ что съ однимъ твоимъ компатріотомъ случилось и что ему завтра неотразимо угрожаетъ — плети, а я его отъ этого намѣрень избавить.

Спутникъ мой и ротъ разинулъ: онъ хоть и иностранецъ былъ, но давно, какъ я вамъ сказала, у насъ въ Россіи живши, имѣлъ о нашихъ порядкахъ понятіе и потому, конечно, могъ развѣ за сумасшествіе принять, что маленький полицейскій исполнительный чиновникъ вызывается отмѣнить судебное уголовное рѣшеніе, утвержденное высшею властью. Но я ему говорю:

— Я тебя прошу, любезный другъ, на меня открытымъ ртомъ не звать и не ахать, а послужить Богу въ этомъ дѣлѣ, для чего я тебя и взялъ: знаешь ли ты, куда я тебя теперь везу?

— Не знаю, — говорить.

— Ну, такъ вотъ знай, вотъ сейчасъ мы остановимся у вашего посольства; мнѣ туда заходить никакъ нельзя, потому что я полицейскій чиновникъ и намъ закономъ запрещено въ посольскіе дома вступать, а ты войди, и какъ ваши послы столь просты, что своихъ соотечественниковъ во всякое время принимаютъ, то добейся, чтобы тебя герцога сейчасъ принялъ *), и все ему расскажи. А я, тѣмъ временемъ, здѣсь въ каретѣ сидѣть буду — тебя дожидаться, и если посоль скажетъ, чтобы меня позвать, ну, ты тогда пришли за мной, и я явлюсь, и все подтверждаю; но, можетъ-быть, онъ и такъ повѣритъ и самъ узнаетъ, что ему надо сдѣлать.

Подъѣхали мы къ посольскому дому, остановились; французъ мой вылезъ и за зеркальныя двери въ подъѣздъ

*) Въ Петербургѣ въ это время французскимъ посломъ и полномочнымъ министромъ находился, кажется, *герцогъ де-Гиншъ*, который выступилъ съ 10-го (22-го) августа 1853 г. барона Бюриньо де-Варенъ, бывшего повѣреннаго по дѣламъ.

ушелъ, а я велѣлъ извозчику подальше немножко отъѣхать и забился въ уголокъ кареты — и жду. И тутъ вдругъ я сообразилъ всю свою измѣну и меня начала лихорадка бить...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Вдругъ, знаете, сразу мнѣ все ясно представилось: за какое я непосильное дѣло взялся, и это... полицейскій-то я чиновникъ, и какъ будто на свое правительство... жалуюсь... да еще иностранному послу, да еще французскому, и въ такое политическое время... Эхъ, скверно! измѣнникъ я, чистый измѣнникъ! И что больше думаю, то все хуже выходитъ... Эхъ, какъ скверно! А французика моего все нѣтъ, какъ нѣтъ, изъ-за этихъ зеркальныхъ дверей, а мнѣ видно, какъ по той сторонѣ улицы, по противоположному тротуару, все кварталный ходитъ... Думаю себѣ: недаромъ же онъ тутъ прогуливается... И, вѣдь поди, на мой грѣхъ, можетъ-быть, еще этакій... изъ внимательныхъ, орденскъ, гляди, хочеть выслужить и стоять, теперь, пожалуй, да соображаетъ, что, молъ, это за карета къ посольскому дому подъѣхала? нѣтъ ли тутъ чего? да возьметъ, воръ, и заглянетъ въ окно; а я вотъ тутъ и есть! Узнаетъ, бездѣльникъ, потому что меня по полиціи всѣ знали, и скажетъ: «А-а, милостивый государь, такъ вы измѣниты!» да сейчасъ донесетъ по начальству; и поминай какъ звали... И дома не побываешь, а прямо черезъ Троицкій мостъ, да въ Петропавловскую крѣпость, а тамъ для насъ, измѣнниковъ, обители многи суть... Страхъ такой обнялъ, что лежу въ углу кареты, какъ мокрый несъ колечкомъ свернувшисъ, а самъ такъ же, какъ несъ на холоду, и дрожу, и уже ругательски себя ругаю, что заварилъ этакую крутую кашу... И все, знаете, однимъ глазкомъ поглядываю изъ окошечка на кварталнаго, который насупротивъ гуляетъ, а самъ все книзу, да книзу съ сидѣнья на полъ кареты спускаюсь, и норовлю, чтобы пятками дверцу оттолкнуть, да по низку стрекача дать, благо — я тутъ вблизи пролетный дворъ зналъ — и искать бы меня негдѣ было.

Такъ я и устроилъ: въ каретѣ на сидѣнья положилъ два цѣлковыхъ, что за экинажъ слѣдовало, а самъ открылъ дверцу — и только задомъ-то вынолзъ и ступилъ на мостовую, какъ вдругъ слыну: «б-гисъ!» и мимо самой моей

спины пролетѣла пара вороныхъ лошадей въ коляскѣ и прямо къ подъѣзду, и я вижу французскій посоль въ мундирѣ и во всѣхъ орденахъ скоро сѣлъ и поскакалъ, а возлѣ меня какъ изъ земли выросъ этотъ мой посоль-французъ, тоже очень взволнованъ, и говоритъ:

— Зачѣмъ,—говорить:—вы вылѣзли?

А я отъ нечистой совѣсти такъ перепугался, что одурѣлъ, и давай врать:

— Что такое,—говорю:—вамъ нужно? Я васъ вовсе не знаю и ни откуда я не вылѣзаль.

— А видѣли вы?

— Да что такое,—говорю:—видѣть?—отстаньте вы отъ меня: ничего я не видалъ.

— Герцогъ-то нашъ,—говорить:—уже поѣхаль.

— Да какое мнѣ дѣло до вашего герцога... что вы ко мнѣ приклеились?

— Какъ,—говорить:—какое дѣло: да вы знаете ли, куда онъ отправился?

— Ничего, ровно ничего я не знаю, и знать мнѣ незачѣмъ, а вы если отъ меня не уйдете, такъ я сейчасъ полицейскаго кликну.

Онъ смотритъ на меня, что я такъ страненъ, должно-быть, ему въ своихъ рѣчахъ показался, и шепчетъ:

— Герцогъ въ Зимній дворецъ поѣхаль.

— Да отойдите же,—говорю:—вы отъ меня:—я вамъ сказала, что я ничего не знаю; и съ этимъ отпихнулъ его, да скорѣе черезъ знакомый пролетный дворъ, да домой къ штенцамъ, чтобы, пока еще время есть, хоть разъ ихъ къ своему сердцу прижать. И не успѣлъ этимъ распорядиться, какъ вдругъ нарочный, съ запиской отъ генерала, чтобы завтра наказаніе такого-то француза отмѣнить.

Батюшки мои, думаю, какъ заиграло.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Я только языкъ прикусилъ, да поскорѣе написалъ всеѣмъ кому надо отмѣну церемоніи и всю ночь потомъ не ложился, а все ходилъ въ такомъ въ самомъ странномъ какомъ-то состояніи. Еще самъ себѣ не отдавалъ отчета: какъ это я сдѣлалъ и что изъ этого дальне выйдетъ? А и страшно, и словне благодать какая въ душѣ. Думаю, конечно, и о томъ: не понадусь ли я тутъ самъ какимъ-ни-

будь манеромъ и чего буду за мою измѣну удостоенъ, но и за бѣднику французинку нарадоваться не могу. И только насилу передъ самымъ утромъ, съ этими пелегкими мыслями, у себя въ кабинетѣ въ креслѣ задремалъ, какъ вдругъ слышу въ передней возлѣ двери шумъ и пререканіе, жена кого-то упрасиваетъ повременить, говорить, что я только сейчасъ заснулъ; а тотъ, чужой голосъ, настаиваетъ, чтобы тотчасъ разбудить и точно какъ будто имя государя мнѣ послышалось. Сейчасъ мнѣ припомнилась моя измѣна, и сразу вся моя дрема прошла.

Бросился я, какъ былъ, въ халатѣ къ двери, смотрю — курьеръ стоитъ съ такою солидною рожею, какихъ нарочно по осторожнымъ дѣламъ посылаютъ, и подаетъ мнѣ молча пакетъ.

И, знаете, и пакетъ беру, и руки-то ходенемъ ходятъ, насилу разломилъ печать и вижу бѣлый листъ, а на немъ посрединѣ всего одно слово выведено «*благодарю*», а въ серединѣ деньги... Сосчиталъ — какъ разъ полторы тысячи рублей денегъ.

Вѣдь не поймешь этого ничего какъ-то въ первую минуту: что это и отъ кого, и потому не знаешь, къ кому въ такомъ затрудненіи готовъ за объясненіями обратиться. Такъ и я курьера-то этого хочу спросить, а его уже слѣдъ простылъ... Ну, тутъ я на пакетъ-то этотъ глянулъ, чьей рукою имя-то мое написано и «благодарю-то» это священное для меня выведено, и вспомнилъ, чей это почеркъ... да ужъ зато тутъ-то уже я себѣ и дать волю: то-есть, этакъ, и вамъ говорю, я дурачки ревѣлъ, этакъ я сладко вырыдался, что мое вамъ почтеніе... Два раза во всю мою жизнь потомъ только этакъ и плакалъ: во второй это было, какъ императоръ Николай Павловичъ умеръ, и я ему къ его гробу ночью *свое* «благодарю» ходилъ сказывать за то, про что мы *съ нимъ двое* только изъ всѣхъ русскихъ знали: онъ, мой царь, да я, — его измѣнникъ. И еще послѣ я въ третій разъ такъ же плакалъ, по иному случаю, изъ этой же, впрочемъ, исторіи вытекшему.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Этого французика мы такъ совсѣмъ плетями и не сѣкли, а вѣжливо было его просто выслать вонъ изъ Россіи съ подпiscoю, чтобы никогда въ предѣлы оной возвращаться не

смѣль. Ну, да гдѣ уже ему, дураку, было желать сюда возвращаться, да и незачѣмъ:— онъ дивнымъ образомъ очень богатъ сдѣлался въ Парижѣ. А я эти полторы тысячи-то, которыя мнѣ какъ съ неба упали, припряталъ себѣ на леченіе и изъ нихъ въ нѣсколько лѣтъ къ отставкѣ моей изъ полуторы двѣ или даже немножко болѣе стало, я и поѣхалъ въ Винни водами отъ своего сидѣнья полѣчиться... Наполеонъ тамъ еще императорствовалъ, ну, и все это еще у нихъ тогда по-старому было; а на обратномъ пути, облегчаясь, я въ Парижъ завернулъ: посмотрѣть тамъ, что поинтереснѣе, да домой своимъ дамкамъ, знаете, какой-нибудь галантерейщинки и парфюмеріи прихватить. У насъ, я слышалъ, въ Петербургѣ все Пино, парижскаго парфюмера, предпочитаютъ, и говорю своему проводнику:

— Сведите-ка меня, батюшка, къ Пино, душковъ да помадки у него какіе получше набрать.

А проводникъ мнѣ возражаетъ:

— Зачѣмъ же, — говоритъ: — вамъ къ Пино ѣхать?

— Да вѣдь онъ, — говорю: — самый лучший.

— Помилуйте, — отвѣчаетъ: — это Богъ знаетъ, какъ давно было, что онъ лучшимъ считался, а теперь не Пино, а другой парфюмеръ здѣсь всѣхъ лучше, и назвалъ мнѣ, знаете, фамилію, которая такъ меня сразу чѣмъ-то знакомымъ по уху и щелкнула.

— Какъ, — говорю: — вы его называете?

Тотъ повторилъ.

— Ахъ, батюшки мои, — вспомнилъ я себѣ: — да вѣдь это чуть ли и мой давнишній крестникъ тоже такъ назывался! и спрашиваю:

— Не былъ ли этотъ вашъ знаменитый парфюмеръ когда-нибудь въ Россіи!

— Какъ же, — говоритъ: — былъ, только онъ въ 1853 г. — передъ крымскою кампаніею, за политическія вмѣшательства оттуда высланъ изъ Петербурга.

— Гмъ, знаю, молъ, я эту политику.

— Ну, а все-таки, — говорю, — мы уже батюшка лучше къ Пино покупать-то поѣдемъ, а къ этому не поѣдемъ.

Проводникъ мой мели отговаривать, но я, однако, на своемъ уперся.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, — говорю, — мнѣ это не идетъ... Богъ его еще знаетъ тамъ, какъ онъ, хорошо-ли дѣлаетъ; мало ли

кто у васъ тутъ на короткое время въ моду входитъ, а Пино, говорю,—это фирма старая, и онъ у насъ славится: такъ уже вы меня, пожалуйста, къ Пино свезите.

Избѣгалъ, разумѣется, чтобы не встрѣтиться, знаете... Ну, что хорошаго этакое скверное, что уже прошло, опять человѣку напоминать?

Но тутъ, долженъ вамъ сознаться въ своей маленькой слабости: проводникъ мнѣ началъ рассказывать, какъ этотъ господинъ очень богатъ; какая у него богатая фабрика и какой щегольской магазинъ и живетъ въ собственномъ домѣ,—не знаю уже, какъ эта улица у нихъ называется, а только, близъ самой Вандомской колонны... Я домъ-то и захотѣлъ посмотреть.

— Что же, думаю: хоть не на него, такъ, по крайней мѣрѣ, на его имущество взгляну: отчего же не взглянуть? вѣдь это ему ничего,—онъ и знать не будетъ. Разумѣется, не хорошо, и этого не слѣдовало, потому что суетно. Но, какъ хотите, вѣдь интересно, потому что хоть небольшое дѣло я ему сдѣлалъ, а все же онъ съ моихъ рукъ жить пошелъ.

Вотъ мы и поѣхали: проѣзжаемъ мимо, нарочно тихо—въ колесочкѣ, и вижу: домъ какъ дворецъ; выѣска фабрики на три улицы; окна въ магазинѣ—хоть шестерикомъ въ нихъ поворачивай.

— Быть,—говорю, не можетъ, чтобы это тотъ самый человѣкъ!

— Нѣтъ, тотъ самый, что у васъ изъ Россіи за политику высланъ.

— Да что ты, думаю, дурачокъ, толкуешь, много ты понимаешь меня, о чемъ я думаю? По-твоему это тотъ, а по-моему это не тотъ политикъ, про котораго я разумѣю.

Ну, а впрочемъ, что я ему стану рассказывать, какіе тамъ у моего крестника кондуиты: я только не вѣрю, чтобы могла судьба этакъ играть человѣкомъ и дать вдругъ, послѣ такого униженія, такое большое богатство.

— Когда бы мнѣ можно было на него какъ-нибудь взглянуть,—говорю:—вотъ бы это мнѣ было очень интересно!

— Отчего же,—говорить:—это очень можно.

— Только я къ нему въ магазинъ не пойду, а нельзя ли такъ... гдѣ-нибудь въ щелочку, чтобы онъ меня не видалъ, а я бы его видѣлъ?

— Очень можно,—говорить:—да онъ самъ въ магазинъ и рѣдко приходитъ, и въ домъ-то этомъ теперь лѣтомъ не живетъ.

— А гдѣ же онъ живетъ?

— У себя на дачѣ, въ Пасси.

— У него и дача,—говорю,—есть?

— Не одна,—говорить,—а двѣ: одна этакая полудѣтная, по-ихнему «демисезонъ», тутъ недалеко надъ Трокадеро, а другая, настоящая, въ Пасси,—такой, говоритъ, загородный домъ, что рѣдко можно другой встрѣтить, и онъ, говоритъ, всегда въ семь часовъ у себя надъ открытымъ цвѣтникомъ, на верандѣ, кофе съ гостямъ пьетъ, а иногда съ женою и дѣтьми въ серсо играетъ: вотъ мы можемъ потихоньку разъ или два мимо пройтись, вы его и увидите.

— Что же, и отлично!

На дворѣ было какъ разъ часовъ шесть, и я уже по-своему, по-русски, былъ пообѣдавши и проводникъ мой тоже накормленъ, я и говорю ему:

— Да что, батюшка, далеко-то откладывать: велите-ка извозчику сейчасъ прямо туда ѣхать. Эй, ты, братецъ, говорю:—коше, пошелъ-ка, братъ, въ Пасси, да порѣзвѣ, на водку хорошо получишь.

Проводникъ перевель,—мы и поѣхали.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Поѣхали, и какъ путь лежалъ чрезъ Трокадеро, то мой проводникъ и домикъ мнѣ этого моего стараго знакомаго показалъ,—важный домикъ, хоть бы принцу жить не стыдно; ну, а въ Пасси такъ просто замокъ этакій маленькій, стѣны каменныя, высокія, все плуцемъ заросли, и подъѣздъ изъ узенькаго переулочка, а за рѣшеткою виденъ цвѣтникъ, а за цвѣтникомъ домъ и веранда... И что же вы изволите думать: застали мы здѣсь все, будто по писанному, какъ мой проводникъ мнѣ предсказалъ: въ цвѣтникѣ дѣтки рѣзвятся, на верандѣ гости сидятъ и хозяинъ... Я спрятался за уголь стѣнки, вынулъ изъ кармана бинокль, навелъ на него и вижу, нѣтъ сомнѣнія,—это *онъ*, мой крестникъ! Возмужалъ и постарѣлъ, да и отбѣлся, разумѣется, хорошо въ благополучной жизни; а у псика-то бѣлый рубчикъ все-таки остался.

— Не знаете ли, батюшка,—говорю я своему проводнику:—хорошій ли онъ мужъ?

— Превосходный, — говоритъ, человекъ; отлично они живутъ, — и жена у него чудесная, и дѣти добрыя, и самъ онъ добрый, и бѣдныхъ людей очень помнитъ.

— Вотъ за это, — говорю, — молодецъ, что бѣдныхъ помнитъ.

А въ это самое время, какъ мы, такимъ образомъ, за угломъ перешептываемся, онъ насъ, должно быть, замѣтитъ — и кричитъ дочкѣ:

— Алина!

И вдругъ рѣшетчатая калиточка хлопнула и ко мнѣ подпорхнула милая, какъ ангелокъ, дѣвочка, въ розовомъ платицѣ, и не успѣвъ опомниться, какъ она мнѣ сунула въ руку франкъ, проговорила: «о помъ де Жезю», или какъ тамъ по-ихнему въ родѣ нашего: «прими, Христа ради» и скрылась.

Я это, знаете, въ пальто въ своемъ, въ русскомъ, былъ и шляпа на мнѣ мягкая пуховая и, дѣйствительно, я на бульварнаго воюка былъ похожъ, ну, она мнѣ и подала за отца «Христа ради». Что же такое: я этотъ франкъ ей принялъ и о сю пору берегу: говорятъ, будто нищенское хорошо для счастья, но я не для суевѣрія, а такъ... для памяти дорожу.

Ну-съ, вотъ тутъ-то вотъ, я, какъ назадъ въ свой номеришка ѣхалъ, уже самъ себя измѣнилъ: опять въ третій разъ всю дорогу сладко-пресладко плакалъ. Проводникъ-то, я думаю, какимъ дуракомъ меня считалъ, да и стоило. Только вѣдь, знаете, не удержишься, потому что, какъ въ старинныхъ стихахъ говорится:

Почувствовать добра пріятство
Такое есть души богатство,
Какого Крезъ не собиралъ.

Какъ же за эти незаслуженныя ощущенія Бога хоть слезою не поблагодарить!

КАДЕТСКИЙ МОНАСТЫРЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

У насъ не переводились, да и не переведутся праведные. Ихъ только не замѣчаютъ, а если стать присматриваться — они есть. Я сейчасъ вспоминаю цѣлую обитель праведныхъ, да еще изъ такихъ временъ, въ которыя святое и доброе больше чѣмъ когда-нибудь пряталось отъ свѣта. И замѣтите, все не изъ чернороды и не изъ знати, а изъ людей служилыхъ, зависимыхъ, коимъ соблюсти правоту труднѣе, но тогда были... Вѣрно и теперь есть; только, разумеется, искать надо.

Я хочу вамъ рассказать нѣчто весьма простое, но не лишенное занимательности—сразу о четырехъ праведныхъ людяхъ такъ называемой «глухой поры», хотя я увѣренъ, что тогда подобныхъ было очень много.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Воспоминанія мои касаются Перваго петербургскаго кадетскаго корпуса и именно одной его поры, когда я тамъ жилъ, учился и сразу въявь видѣлъ всѣхъ четырехъ праведниковъ, о которыхъ буду рассказывать. Но прежде позвольте мнѣ сказать о самомъ корпусѣ, какъ мнѣ представляется его заключительная исторія.

До воцаренія императора Павла корпусъ былъ раздѣленъ на возрасты, а каждый возрастъ на камеры. Въ каждой камерѣ было по двадцати человекъ и при нихъ были гувернеры изъ иностранцевъ, такъ называемые «аббаты»— французы и нѣмцы. Бывали, кажется, и англичане. Каж-

дому аббату давали по пяти тысячъ рублей въ годъ жалованья и они жили вмѣстѣ съ кадетами и даже вмѣстѣ и спали, дежурия по двѣ недѣли. Подъ ихъ надзоромъ кадеты готовили уроки, и какой національности былъ дежурный аббатъ, на томъ языкѣ должны были всѣ говорить. Отъ этого знаніе иностранныхъ языковъ между кадетами было очень значительно и этимъ, конечно, объясняется, почему Первый кадетскій корпусъ далъ такъ много послѣ и высшихъ офицеровъ, употребившихся для дипломатическихъ посылокъ и сношеній.

Императоръ Павелъ Петровичъ, какъ пріѣхалъ въ корпусъ, въ первый разъ по своему воцареніи, сейчасъ же приказалъ: «аббатавъ прогнать, а корпусъ раздѣлить на роты и назначить въ каждую роту офицеровъ, какъ обыкновенно въ ротахъ полковыхъ» *).

Съ этого времени образованіе во всѣхъ своихъ частяхъ пало, а языкознаніе — вовсе уничтожилось. Объ этомъ въ корпусѣ жили преданія, не позабытыя до той сравнительно поздней поры, съ которой начинаются мои личные воспоминанія о здѣшнихъ людяхъ и порядкахъ.

Я прошу вѣрить, а лично слышавшихъ меня — засвидѣтельствовать, что моя память совершенно свѣжа и умъ мой не находится въ разстройствѣ, а также я понимаю слегка и нынѣшнее время. Я не чуждъ направленій нашей литературы: я читалъ и до сихъ поръ читаю не только что мнѣ нравится, но часто и то, что не нравится, и знаю, что люди, о которыхъ буду говорить, не въ фаворѣ обрѣтаются. Время то обыкновенно называютъ «глухое», что и справедливо, а людей, особенно военныхъ, любятъ представлять сплошь «скалозубами», что, можетъ-быть, нельзя признать вполне вѣрнымъ. Были люди высокіе, люди такого ума, сердца, честности и характеровъ, что лучшихъ, кажется, и искать незачѣмъ.

Всѣмъ теперешнимъ взрослымъ людямъ извѣстно, какъ воспитывали у насъ юношество въ послѣдующее, менѣе глухое время; видимъ теперь на глазахъ у себя, какъ сейчасъ воспитываютъ. Всякой вещи свое время подъ солнцемъ. Кому что нравится. Можетъ быть хорошо и то, и

---

*) Изъ краткой исторіи Перваго кадетскаго корпуса, составленной Висковатовымъ, видно, что это произошло 16 января 1797 г.

другое, а я коротенько расскажу, кто насъ воспитываль и *какъ* воспитываль, т. е. какими чертами своего примѣра эти люди отразились въ нашихъ душахъ и отпечатлѣлись на сердцахъ, потому что—грѣшный человекъ—внѣ этого, т. е. безъ живого возвышающаго чувства примѣра никакого воспитанія не понимаю. Да, впрочемъ, теперь и большіе ученые съ этимъ согласны.

Итакъ, вотъ мои воспитатели, которыми я на старости лѣтъ задумаль хвалиться. Иду по нумерамъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

№ 1. *Директоръ, генераль-маіоръ Перскій* (изъ воспитанниковъ лучшаго времени Перваго же корпуса). Я опредѣлился въ корпусъ въ 1822 году вмѣстѣ съ моимъ старшимъ братомъ. Оба мы были еще маленькіе. Отецъ привезъ насъ на своихъ лошадяхъ изъ херсонской губерніи, гдѣ у него было имѣніе, жалованное «матушкою Екатериною». Аракчеевъ хотѣлъ отобрать у него это имѣніе подъ военное поселеніе, но нашъ старикъ поднялъ такой шумъ и сопротивленіе, что на него махнули рукою и подаренное ему «матушкою» имѣніе оставили въ его владѣніи.

Представляя насъ съ братомъ генералу Перскому, который въ одномъ своемъ лицѣ сосредоточиваль должности директора и инспектора корпуса, отецъ былъ растроганъ, такъ какъ онъ оставилъ насъ въ столицѣ, гдѣ у насъ не было ни одной души ни родныхъ, ни знакомыхъ. Онъ сказалъ объ этомъ Перскому и просилъ у него «вниманія и покровительства».

Перскій выслушалъ отца терпѣливо и спокойно, но не отвѣчалъ ему ничего, вѣроятно, потому, что разговоръ шелъ при насъ, а прямо обратился къ намъ и сказалъ:

— Ведите себя хорошо и исполняйте то, что приказывасть вамъ начальство. Главное, вы знайте только самихъ себя и никогда не пересказывайте начальству о какихъ-либо жалостяхъ своихъ товарищей. Въ этомъ случаѣ васъ никто уже не спасетъ отъ бѣды.

На кадетскомъ языкѣ того времени для занимавшихся такимъ недостойнымъ дѣломъ, какъ пересказъ чего-нибудь и вообще искательство передъ начальствомъ, было особенное выраженіе «подлегозчикъ», и этого преступленія кадеты *никогда не прощали*. Съ виновнымъ въ этомъ обращались

презрительно, грубо и даже жестоко, и начальство этого не уничтожало. Такой самосудъ, можетъ-быть, былъ и хорошъ, и худъ, но онъ несомнѣнно воспитывалъ въ дѣтяхъ понятія чести, которыми кадеты бывшихъ временъ недаромъ славились и не измѣняли имъ на всѣхъ ступеняхъ служенія до гроба.

Михаиль Степановичъ Перскій былъ замѣчательная личность: онъ имѣлъ въ высшей степени представительную наружность и одѣвался щеголемъ. Не знаю, было ли это щегольство у него въ натурѣ, или онъ считалъ обязанностью служить имъ для насъ примѣромъ опрятности и военной аккуратности. Онъ до такой степени былъ постоянно занятъ нами и все, что ни дѣлалъ, то дѣлалъ для насъ, что мы были въ этомъ увѣрены и тщательно старались подражать ему. Онъ всегда былъ одѣтъ самымъ форменнымъ, но самымъ изящнымъ образомъ: всегда носилъ тогдашнюю треугольную шляпу «по формѣ», держался прямо и молодцовато и имѣлъ важную, величавую походку, въ которой какъ бы выражалось настроеніе его души, проникнутой служебнымъ долгомъ, но не знавшей служебнаго страха.

Онъ былъ съ нами въ корпусѣ безотлучно. Никто не помнилъ такого случая, чтобы Перскій оставилъ зданіе, и одинъ разъ, когда его увидали съ сопровождающимъ его вѣстовымъ на тротуарѣ,—весь корпусъ пришелъ въ движеніе, и отъ одного кадета другому передавалось невѣроятное извѣстіе: «Михаиль Степановичъ прошелъ по улицѣ!»

Ему, впрочемъ, и некогда было разгуливать: будучи въ одно и то же время директоромъ и инспекторомъ, онъ по этой послѣдней обязанности четыре раза въ день *непрерывно* обходилъ всѣ классы. У насъ было четыре перемѣны уроковъ, и Перскій *непрерывно* побывалъ на *каждомъ урокъ*. Придетъ, посидитъ или постоитъ, послушаетъ и идетъ въ другой классъ. Рѣшительно ни одинъ урокъ безъ него не обходился. Обходъ свой онъ дѣлалъ въ сопровожденіи вѣстового, такого же какъ онъ рослаго унтеръ-офицера, музыканта Ананьева. Ананьевъ всюду его сопровождалъ и открывалъ передъ нимъ двери.

Перскій *исключительно* занимался по научной части и отстранилъ отъ себя фронтную часть и наказанія за дисциплину, которыхъ терпѣть не могъ и не переносилъ. Отъ

него мы видѣли только одно наказаніе: когда лѣниваго или нерадиваго онъ, бывало, слегка коснется въ лобъ кончикомъ безымяннаго пальца, какъ бы оттолкнуть отъ себя, и скажетъ своимъ чистымъ, отчетливымъ голосомъ:

— Ду-ур-пой кадетъ!

И это служило горькимъ и памятнымъ урокомъ, отъ котораго заслужившій такое порицаніе часто не пилъ и не ѣлъ и всячески старался исправиться и тѣмъ «углѣшить Михаила Степановича».

Надо замѣтить, что Перскій былъ холостъ, и у насъ существовало такое убѣжденіе, что онъ и не женится тоже *для насъ*.— Говорили, что онъ боится, обязавшись семействомъ, уменьшить свою о насъ заботливость. И здѣсь же у мѣста будетъ сказать, что это, кажется, совершенно справедливо. Но крайней мѣрѣ знавшіе Михаила Степановича говорили, что на шуточные или нешуточные разговоры съ нимъ о женитьбѣ онъ отвѣчалъ:

— Мнѣ Провидѣніе вѣрило такъ много чужихъ дѣтей, что некогда думать о собственныхъ,—и это въ его правдивыхъ устахъ, конечно, была не фраза.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Жилъ онъ совершенно монахомъ. Болѣе строгой аскетической жизни въ міру нельзя себѣ и представить. Не говоря о томъ, что самъ Перскій не ѣздилъ ни въ гости, ни въ театры, ни въ собранія,—онъ и у себя на дому никогда никого не принималъ. Объясняться съ нимъ по дѣлу всякому было очень легко и свободно, но только въ пріемной комнатѣ, а не въ его квартирѣ. Тамъ никто посторонній не бывалъ, да и, по слухамъ, разошедшимся, вѣроятно, отъ Ананьева, квартира его была неудобна для пріемовъ; комнаты Перскаго представляли видъ самой крайней простоты.

Вся прислуга директора состояла изъ одного вышеупомянутаго вѣстового, музыканта Ананьева, который не отлучался отъ своего генерала. Онъ, какъ сказано, сопровождалъ его при ежедневныхъ обходахъ классовъ, дортуаровъ, столовыхъ и малолѣтняго отдѣленія, гдѣ были дѣти отъ четырехъ-лѣтняго возраста, за которыми наблюдали уже не офицеры, а приставленные къ тому дамы. Этотъ Ананьевъ и служилъ Перскому, т. е. тщательно и превосходно чи-

стиль его сапоги и платье, на которомъ никогда не было пылинки, и ходилъ для него съ судками за обѣдомъ, не куда-нибудь въ избранный ресторанъ, а на общую кадетскую кухню. Тамъ кадетскими же стряпунами готовился обѣдъ для безсемейныхъ офицеровъ, которыхъ въ нашемъ монастырѣ, какъ бы по примѣру начальника, завелось много, и Перскій кушалъ этотъ самый обѣдъ, платя за него эконому такую же точно скромную плату, какъ и всѣ другіе.

Понятно, что, находившись весь день по корпусу, особенно по классамъ, гдѣ онъ былъ не для формы, а имѣя хорошія свѣдѣнія во всѣхъ наукахъ, внимательно выкапывалъ въ преподаваніе, Перскій приходилъ къ себѣ усталый, съѣдалъ свой офицерскій обѣдъ, отличавшійся отъ общаго кадетскаго обѣда однимъ лишнимъ блюдомъ, но не отдыхалъ, а тотчасъ же садился просматривать всѣ журнальныя отмѣтки всѣхъ классовъ за день. Это давало ему средство знать всѣхъ учениковъ вѣреннаго ему обширнаго заведенія и не допускать случайной оплошалости перейти въ привычную лѣность. Всякій, получившій сегодня неудовлетворительный балъ, мучился ожиданіемъ, что завтра Перскій непременно его подзоветъ, тронетъ своимъ античнымъ бѣлымъ пальцемъ въ лобъ и скажетъ:

— Дурной кадетъ.

И это было такъ странно, что казалось страннѣе сѣченія, которое у насъ практиковалось, но не за науки, а только за фронтъ и дисциплину, отъ завѣдыванія коими Перскій, какъ сказано, устранился, вѣроятно потому, что нельзя было по тогдашнему обычаю обходиться безъ тѣлесныхъ наказаній, а они ему несомнѣнно были противны.

Сѣкли ротные командиры, изъ которыхъ большой охотникъ до этого дѣла былъ командиръ первой роты Ореусъ.

Вечеръ свой Перскій проводилъ за инспекторскими работами, составляя и провѣряя росписанія и соображалъ успѣхи учениковъ съ непройденными частями программы. Потомъ онъ много читалъ, находя въ этомъ большую помощь въ знаніи языковъ. Онъ основательно зналъ языки французскій, нѣмецкій, англійскій и постоянно упражнялся въ нихъ чтеніемъ. Затѣмъ онъ ложился немного попозже насъ для того, чтобы завтра опять встать немного насъ пораньше.

Такъ проводилъ изо дня въ день много лѣтъ кряду

этотъ достойный человѣкъ, котораго я рекомендую не исключить со счета при смѣтѣ о трехъ русскихъ праведникахъ. Онъ и жилъ, и умеръ честнымъ человѣкомъ безъ пятна и упрека; но этого мало: это все еще идетъ подъ чертою простой,—хотя, правда, весьма высокой честности, которой достигаютъ немногіе,—однако, все это, *только честность*. А у Перскаго была и доблесть, которую мы, дѣти, считали *своею*, т. е. нашею, кадетскою, потому что Михайло Степановичъ Перскій былъ воспитанникъ нашего кадетскаго корпуса и въ лицѣ своемъ олицетворялъ для насъ духъ и преданія кадетства.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

По нѣкоторому стеченію обстоятельствъ мы, ребятишки, сдѣлались причастны къ одному событію декабристскаго бунта. Фасъ нашего корпуса, какъ извѣстно, выходилъ на Неву, прямо противъ нынѣшней Исаакіевской площади. Всѣ роты были размѣщены по линіи, а *резервная* рота выходила на фасъ. Я былъ тогда именно въ этой резервной ротѣ и намъ, изъ нашихъ оконъ, было все видно.

Кто знаетъ графически это положеніе, тотъ его пойметъ, а кто не знаетъ—тому нечего рассказывать. Было такъ, какъ я говорю.

Тогда съ острова прямо къ этой площади былъ мостъ, который такъ и назывался Исаакіевскимъ мостомъ. Изъ оконъ фаса намъ видно было на Исаакіевской площади огромное стеченіе народа и бунтовавшихъ войскъ, которыя состояли изъ баталіона московскаго полка и двухъ ротъ экипажа-гвардіи. Когда послѣ шести часовъ вечера открыли огонь изъ шести орудій, стоявшихъ противъ адмиралтейства и направленныхъ на сенатъ, и въ числѣ бунтовавшихъ появились раненые, то изъ нихъ нѣсколько человѣкъ бросились бѣжать по льду черезъ Неву. Одни изъ нихъ шли, а другіе ползли по льду и, перебравшись на нашъ берегъ, человѣкъ шестнадцать вошли въ ворота корпуса, и тутъ, который гдѣ привалились,—кто подъ стѣнкой, кто на сходахъ къ служительскимъ помѣщеніямъ.

Помнится, будто все это были солдаты бунтовавшаго баталіона московскаго полка.

Кадеты, услыхавъ объ этомъ или увидавъ раненыхъ, безъ удержки, но и безъ уговора, никого не слушая, бросились

къ нимъ, подняли ихъ на руки и уложили каждаго какъ могли лучше. Имъ собственно хотѣлось уложить ихъ на свои койки, но, не помню, почему - то это такъ не сдѣлалось, хотя другіе говорятъ, что будто и такъ было. Однако, я объ этомъ не спорю и этого не утверждаю. Можетъ-быть, что кадеты размѣстили раненыхъ по солдатскимъ койкамъ въ служительской казармѣ и тутъ принялись около нихъ фельдшерить и имъ прислуживать. Не видя въ этомъ ничего предосудительнаго и дурнаго, кадеты не скрывались съ своимъ поступкомъ, котораго, къ тому же, и невозможно было скрыть. Сейчасъ же они дали знать объ этомъ директору Перскому, а сами межъ тѣмъ уже сдѣлали, какъ умѣли, раненымъ перевязку. А какъ бунтовщики стояли цѣлый день не ѣвши, то кадеты распорядились также ихъ накормить, для чего, построившись къ ужину, сдѣлали такъ-называемую «передачу», т. е. по всему фронту передали шопотомъ слова:

— «Пироговъ не ѣсть,— раненымъ». «Пироговъ не ѣсть,— раненымъ»...

Эта «передача» *) была приемъ обыкновенный, къ которому мы всегда обращались, когда въ корпусѣ были кадеты, арестованные въ карцерѣ и оставленные «на хлѣбъ и на воду».

Дѣлалось это такимъ образомъ: когда мы выстраивались всѣмъ корпусомъ передъ обѣдомъ или передъ ужиномъ, то отъ старшихъ кадетъ - гренадеровъ, которые всегда больше знали домашнія тайны корпуса и имѣли авторитетъ на младшихъ, — «шло приказаніе», передаваемое отъ одного сосѣда къ другому шопотомъ и всегда въ самой короткой, лаконической формѣ. Напримѣръ:

— Есть арестанты—пирогі не ѣсть.

Если по росписанію въ этотъ день не было пироговъ, то точно такой же приказъ отдавался насчетъ котлетъ, и несмотря на то, что утаить и вынести изъ - за стола котлеты было гораздо труднѣе, чѣмъ пирогі, но мы умѣли это дѣлать очень легко и незамѣтно. Да, впрочемъ, начальство, зная нашъ въ этомъ случаѣ непреклонный ребячій духъ и

---

*) Воспитанники корпуса позднѣйшихъ выпусковъ говорятъ, что у нихъ не было слова «передача», но я оставляю такъ, какъ мнѣ сказано кадетомъ-старцемъ.

обычай, совсѣмъ къ этому не придиралось. «Не ѣдить, уносить,—ну, и пускай уносятъ». Худа въ этомъ не полагали, да его, можетъ-быть, и не было. Это маленькое правонарушеніе служило къ созиданію великаго дѣла: оно воспитывало духъ товарищества, духъ взаимопомощи и состраданія, который придаетъ всякой средѣ теплоту и жизненность, съ утратой коихъ люди перестаютъ быть людьми и становятся холодными эгоистами, неспособными ни къ какому дѣлу, требующему самоотверженія и доблести.

Такъ было и въ этотъ, для нѣкоторыхъ изъ насъ, очень многопослѣдственный день, когда мы уложили и перевязали своими платками раненыхъ бунтовщиковъ. Гренадеры дали передачу:

— «Пироговъ не ѣсть,—раненымъ».

И всѣ этотъ приказъ исполнили по всей точности, какъ было принято: пироговъ никто не ѣлъ и всѣ они были отнесены раненымъ, которые вслѣдъ за тѣмъ были куда-то убраны.

День кончился, по обыкновенію, и мы уснули, нимало не помышляя о томъ, какое мы сдѣлали ненормальное и вредное для нашихъ товарищей дѣло.

Мы могли быть тѣмъ спокойнѣе, что Перскій, который всѣхъ болѣе отвѣчалъ за наши поступки, не сказалъ намъ ни одного слова оужденія, а, напротивъ, простился съ нами такъ, какъ будто мы не сдѣлали ничего дурного. Онъ даже былъ ласковъ и тѣмъ далъ намъ поводъ думать, какъ будто онъ одобрилъ наше ребячье состраданіе.

Однимъ словомъ, мы считали себя ни въ чемъ невинноватыми и не ждали ни малѣйшей непріятности, а она была на чеку и двигалась на насъ какъ будто нарочно затѣмъ, чтобы показать намъ Михаила Степановича въ такомъ величій души, ума и характера, о которыхъ мы не могли составить и повятія, но о которыхъ, конечно, ни одинъ изъ насъ не сумѣлъ забыть до гроба.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Пятнадцатаго декабря въ корпусъ *неожиданно* пріѣхалъ государь Николай Павловичъ. Онъ былъ очень гнѣвенъ.

Перскому дали знать, и онъ тотчасъ же явился изъ своей квартиры и, по обыкновенію, оттранпортовалъ его величеству о числѣ кадетъ и о состояніи корпуса.

Государь выслушалъ его въ суровомъ молчаніи и изво-
лилъ громко сказать:

— Здѣсь духъ нехорошій!

— Военный, ваше величество, — отвѣчалъ полнымъ и
спокойнымъ голосомъ Перскій.

— Отсюда Рытѣвъ и Бестужевъ! — непрежнему съ не-
удовольствіемъ сказалъ императоръ.

— Отсюда Румянцевъ, Прозоровскій, Каменскій, Куль-
невъ, — всѣ главнокомандующіе, и отсюда Толь, — съ тѣмъ же
неизмѣннымъ спокойствіемъ возразилъ, глядя открыто въ
лицо государя, Перскій.

— Они бунтовщиковъ кормили! — сказалъ, показавъ на
насъ рукою, государь.

— Они такъ воспитаны, ваше величество, — дратся съ
непріятелемъ, но послѣ побѣды призрѣвать раненыхъ, какъ
своихъ.

Негодованіе, выразившееся на лицѣ государя, не измѣ-
нилось, но онъ ничего болѣе не сказалъ и уѣхалъ.

Перскій своими откровенными и благородными вѣрно-
подданническими отвѣтами отклонилъ отъ насъ бѣду, и
мы продолжали жить и учиться, какъ было до сихъ поръ.
Обращеніе съ нами все шло мягкое, человѣчное, но уже
недолго: близился крутой и жесткій переломъ, совершенно
измѣнившій весь характеръ этого прекрасно учрежденнаго
заведенія.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Ровно черезъ годъ послѣ декабрьскаго бунта, именно
14-го декабря 1826 года, главнымъ директоромъ всѣхъ ка-
детскихъ корпусовъ вмѣсто генераль-адъютанта Павла Ва-
сильевича Голеницева-Кутузова былъ назначенъ генераль-
адъютантъ отъ - инфантерій Николай Ивановичъ Демидовъ,
человѣкъ чрезвычайно набожный и совершенно безжалост-
ный. Его и безъ того тренетали въ войскахъ, гдѣ имя его
произносилось съ ужасомъ, а для насъ онъ получилъ осо-
бенное приказаніе «подтянуть».

Демидовъ велѣлъ собрать совѣтъ и пріѣхалъ въ корпусъ.
Совѣтъ состоялъ изъ директора Перскаго, баталіоннаго коман-
дира, полковника Шмидта (человѣка превосходной честности)
и ротныхъ командировъ: Ореуса (сѣкуна), Шмидта 2-го,
Эллермана и Черкасова, который передъ тѣмъ долгое время

преподавалъ фортификацію, такъ что пожалованный въ графы Толь въ 1822 году былъ его ученикомъ.

Демидовъ началъ съ того, что сказалъ:

— Я желаю знать имена кадетъ, которые дурно себя ведутъ. Пропну сдѣлать имъ особый списокъ.

— У насъ нѣтъ худыхъ кадетъ, — отвѣчалъ Перскій.

— Однакоже, конечно, непременно одни ведутъ себя лучше, другіе хуже.

— Да, это такъ; но если отобрать тѣхъ, которые хуже, то въ числѣ остальныхъ опять будутъ лучшіе и худшіе.

— Должны быть внесены въ списокъ самыя худшіе, и они, въ примѣръ прочимъ, будутъ посланы въ полки унтеръ-офицерами.

Перскій никакъ этого не ожидалъ и, выразивъ непри-творное удивленіе, возразилъ со всегдашнимъ своимъ само-обладаніемъ и спокойствіемъ:

— Какъ въ унтеръ-офицеры!—за что?

— За дурное поведеніе.

— Намъ ввѣрили ихъ родители съ четырехлѣтняго воз-раста, какъ вамъ извѣстно. Слѣдовательно, если они дурны, то въ этомъ мы виноваты, что они дурно воспитаны. Что же мы скажемъ родителямъ? то, что мы довоспитали ихъ дѣтей до того, что ихъ пришлось сдать въ полки низкими чинами. Не лучше ли предупредить родителей, чтобы они взяли ихъ, чѣмъ ссылатъ ихъ безъ вины въ унтеръ-офицеры.

— Намъ объ этомъ не слѣдуетъ разсуждать, а должно только исполнить.

— А! въ такомъ случаѣ не для чего было собирать со-сѣвъ, — отвѣчалъ Перскій: — вы бы изволили такъ сказать сначала, и что приказано, то должно быть исполнено.

Результатъ былъ тотъ, что на другой день, когда мы си-дѣли за учебными занятіями, классы обходилъ адъютантъ Демидова Багговуть и, держа въ рукахъ списокъ, вызывалъ по именамъ тѣхъ кадетъ, у которыхъ были наихудшія от-мѣтки за поведеніе.

Вызваннымъ Багговуть приказалъ идти въ фехтовальную залу, которая была такъ расположена, что мы изъ классовъ могли видѣть все тамъ происходившее. И мы видѣли, что солдаты внесли туда кучу сѣрыхъ шинелей и нашихъ то-варищей одѣли въ эти шинели. Затѣмъ ихъ вывели на

дворъ, разсадили тамъ съ жандармами въ заготовленные сани и отправили по полкамъ.

Само собою разумѣется, что паника была ужасная. Намъ объявили, что если еще найдутся между нами кадеты, которые будутъ вести себя неудовлетворительно, то такія высылки станутъ повторяться. Для оцѣнки поведенія была назначена отмѣтка *сто балловъ*, и сказано, что если кто будетъ имѣть менѣе семидесяти пяти балловъ, то такой будетъ немедленно отданъ въ унтеръ-офицеры.

Само начальство было въ немаломъ затрудненіи: какъ располагать оцѣнку поведенія по этой новой, сто-балльной системѣ, и мы слышали объ этомъ недоумѣніи переговоры, которые окончились тѣмъ, что начальство стало насъ щадить и оберегать, милостиво относясь къ нашимъ ребячьимъ грѣшкамъ, за которые надъ нами была утверждена такая страшная кара. Мы же такъ скоро съ этимъ освоились, что чувство минутнаго паническаго страха вдругъ замѣнилось у насъ еще большею отвагою: скорбь за исключенныхъ товарищей, мы иначе не звали между собою Демидова, какъ «варваръ», и вмѣсто того, чтобы робѣть и трястись его образцоваго жестокосердія, рѣшились идти съ нимъ въ открытую борьбу, въ которой хотя всѣмъ пропасть, но показать ему «наше презрѣніе къ нему и ко всѣмъ опасностямъ».

Случай представился къ этому немедленно же, и очень трудно сказать, до чего бы дошло дѣло, если бы опять не подоспѣли намъ на помощь находчивый умъ и большой тактъ никогда не ходившаго за словомъ въ карманъ Перскаго.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Ровно черезъ недѣлю послѣ того, какъ отъ насъ были отлучены и сосланы въ унтеръ-офицеры наши товарищи, намъ было приказано идти въ ту же фехтовальную залу и построиться тамъ въ колонны. Мы исполнили приказаніе и ждали, что будетъ, а на душѣ у всѣхъ жутко. Вспомнили, что стоимъ на тѣхъ самыхъ половицахъ, на которыхъ стояли наши несчастные товарищи передъ грудами приготовленныхъ для нихъ солдатскихъ шинелей, и такъ вотъ варомъ и закинуть на душѣ... Какъ они, сердечные, должно быть были изумлены и поражены этою неожиданностью, и гдѣ-то

и какъ они стали приходять въ себя и проч., проч... Словомъ сказать: душевная мука, — и стоимъ мы все, понуривъ головочки уныло, и вспоминаемъ Демидова, «варвара», но ни капли его не боимся. Пропадать, такъ всемъ заодно пропадать,—знаете, ступень такая... освоились. И въ это-то время вдругъ отворяются двери и является самъ Демидовъ вмѣстѣ съ Перскимъ и говорить:

— Здравствуйте, дѣточки!

Все молчали. Ни уговора, ни моментальной «передачи» при его появленіи не было, а такъ просто отъ чувства негодования ни у одного уста не раскрылись отвѣчать. Демидовъ повторилъ:

— Здравствуйте, дѣточки!

Мы опять молчали. Дѣло переходило въ сознательное упорство и моментъ принималъ самый острый характеръ. Тогда Перскій, видя, что изъ этого произойдетъ большая неприятность, сказалъ Демидову громко такъ, что все мы слышали:

— Они не отвѣчаютъ, потому что не привыкли къ выраженію вашему «дѣточки». Если вы поздороуетесь съ ними и скажете: «здравствуйте, кадеты», они непременно вамъ отвѣтятъ.

Мы очень уважали Перскаго и поняли, что, говоря эти слова такъ громко и такъ увѣренно Демидову, онъ въ то же время, главнымъ образомъ, адресуетъ ихъ намъ, доверяя себя самого нашей совѣтливости и нашему разуму. Опять, безъ всякаго уговора все сразу поняли его едиными сердцами и поддержали его едиными устами. Когда Демидовъ сказалъ: «здравствуйте, кадеты!» мы единогласно отвѣтили извѣстнымъ возгласомъ: «здравія желаемъ!»

Но это не былъ конецъ исторіи.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Послѣ того, какъ мы прокричали свое «здравія желаемъ», Демидовъ спустилъ съ себя строгость, которою началъ-было набираться, когда мы не отвѣчали на его противную ласку, но сдѣлалъ нѣчто еще болѣе для насъ неприятное.

— Вотъ,—сказалъ онъ голосомъ, который хотѣлъ сдѣлать ласковымъ и дѣлалъ только приторнымъ:—вотъ я хочу вамъ сейчасъ показать, какъ мы васъ любимъ.

Онъ кивнулъ вѣстовому Анашеву, который скорыми ша-

гами вышелъ за двери и тотчасъ же возвратился въ сопровожденіи нѣсколькихъ солдатъ, несшихъ большія корзины съ дорогими кондитерскими конфетами въ изукрашенныхъ бумажкахъ.

Демидовъ остановилъ корзины и, обратясь къ намъ, сказалъ:

— Вотъ тутъ цѣлые пять пудовъ конфетъ (кажется, пять, а можетъ-быть, было и болѣе) — это все для васъ, берите и кушайте.

Мы не трогались.

— Берите же, — это для васъ.

А мы тоже ни съ мѣста, но Перскій, видя это, далъ знакъ солдатамъ, державшимъ демидовское угощеніе, и тѣ стали носить корзины по рядамъ.

Мы опять поняли, чего хочетъ нашъ директоръ, и не позволили себѣ противъ него никакой неумѣстности, но демидовское угощеніе мы все-таки ѣсть не стали и нашли ему особое опредѣленіе. Въ то самое мгновеніе, какъ первый фланговый изъ нашихъ старшихъ гренадеровъ протянулъ руку къ корзинѣ и взялъ горсть конфетъ, онъ усилъ шепнуть сосѣду:

— Конфеты не ѣсть — въ яму.

И въ одну минуту «передача» эта пробѣжала по всему фронту съ быстротою и съ незамѣтностью электрической искры и ни одна конфета не была съѣдена. Какъ только начальство ушло и насъ пустили порѣзвиться, мы всѣ, другъ за другомъ, вервочкою, пришли въ извѣстное мѣсто, держа въ рукахъ конфеты, и всѣ бросили ихъ туда, куда было указано.

Такъ и кончилось это демидовское угощеніе. Ни одинъ мальшигъ не слухавилъ и не соблазнился конфетою: всѣ бросили. Да иначе и нельзя было: духъ дружества и товарищества былъ удивительный, и самый маленькій новичокъ проникался имъ быстро и подчинялся ему съ какимъ-то священнымъ восторгомъ. Насъ нельзя было подкупить и заласкать никакими лакомствами: мы такъ были преданы начальству, но не за ласки и подарки, а за его справедливость и честность, которыя видѣли въ такихъ людяхъ какъ Михаилъ Степановичъ Перскій — главный командиръ, или, лучше сказать, игуменъ нашего кадетскаго монастыря,

гдѣ онъ подѣ-стать собѣ умѣлъ подобрать такихъ же и старцевъ.

Впрочемъ,—онъ ли ихъ умѣлъ подбирать, или они сами къ нему подѣ-стать подбирались, дабы жить въ отрадномъ согласіи, — этого я не знаю, потому что мы малы были, чтобы вникать въ такія вещи; но что знаю о сподвижникахъ Михаила Степановича, то тоже расскажу.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Второй номеръ за игуменомъ въ монастыряхъ принадлежить *эконому*. Такъ было и у насъ, въ нашемъ монастырѣ. За Михаиломъ Степановичемъ Перскимъ, по важности значенія, слѣдовалъ воспитанный Рылѣвымъ экономъ, въ чинѣ бригадира, Андрей Петровичъ *Бобровъ*.

Я ставлю его *вторымъ* только по подчиненности и потому, что нельзя всѣхъ поставить вмѣстѣ въ первыхъ, но по достоинствамъ души, сердца и характера этотъ Андрей Петровичъ былъ такой же высоко-замѣчательный человекъ, какъ самъ Перскій, и ни въ чемъ не уступалъ ему, развѣ только въ одной умственной находчивости на отвѣты. Зато сердцемъ Бобровъ былъ еще теплѣе.

Онъ, разумѣется, былъ *холостъ*, какъ и надо по монастырскому уставу, и дѣтей любилъ чрезвычайно. Только не такъ любилъ, какъ иные любятъ,—теоретически, въ разсужденіяхъ, что, молъ, «это будущность Россіи», или «наша надежда»—или же еще что-нибудь подобное, вымышленное и пустяковое, за чѣмъ часто нѣтъ ничего, кромѣ эгонзма и безсердечія. А у нашего бригадира эта любовь была простая и настоящая, которую не нужно было намъ изъяснять и растолковывать. Мы всѣ знали, что онъ насъ любить и о насъ печется, и никто бы насъ въ этомъ не могъ разубѣдить.

Бобровъ былъ низенькаго роста, толстый, ходилъ съ кошицею и, по опрятности, составлялъ самый рѣзкій контрастъ съ Перскимъ, а былъ похожъ въ этомъ отношеніи на дѣдушку Крылова. Сколько мы его знали, онъ всегда носилъ одинъ и тотъ же мундиръ,—засаленный-презасаленный,—и другого у него не было. Цвѣтъ воротника этого мундира опредѣлять было невозможно, но Андрей Петровичъ нимало этимъ не стѣснялся. Въ этомъ самомъ мундирѣ онъ былъ при дѣлѣ и въ немъ же, когда случалось, предстоилъ передъ

старшими военными лицами, великими князьями и самим государемъ. Говорили, будто бы императоръ Николай Павловичъ зналъ, куда Бобровъ дѣваетъ свое жалованье и изъ уваженія къ нему не хотѣлъ замѣчать его неряшество.

У Боброва была Анна съ брильянтами на шеѣ, которую онъ носилъ постоянно, а ужъ на какой лентѣ висѣла эта Анна,—про то не спрашивайте. Лента была такъ же нераспознаваема, какъ цвѣтъ его воротника на мундирѣ.

Онъ завѣдывалъ всей экономической частью корпуса совершенно самостоятельно. Безпрестанно занятый научною частью, директоръ Перскій совѣтъ не вмѣшивался въ хозяйство, да это было и не нужно при такомъ экономѣ, какъ бригадиръ Бобровъ. Къ тому же, оба они были друзья и вѣрили другъ другу безгранично.

Въ вѣдѣніи Боброва было какъ продовольствіе, такъ и одежда всѣхъ кадетъ и всей прислуги безъ исключенія. Сумма расходовъ простиралась до 600,000 руб. ежегодно, а за сорокъ лѣтъ его экономскаго служенія у него, значить, обратилось до 24 милліоновъ, но къ рукамъ ничего не прилигло. Напротивъ, даже 3 т. р. положеннаго ему жалованья онъ не получалъ, а только въ немъ расписывался, и когда этотъ денежный челоуѣкъ на сороковомъ году своего экономства умеръ, то у него не оказалось своихъ денегъ ни гроша и его хоронили на казенный счетъ.

Я скажу въ концѣ, куда онъ дѣвалъ свое жалованье, на какую проматывалъ его необходимую страстишку, о которой, какъ выше замѣчено, будто бы и зналъ покойный императоръ Николай Павловичъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

По обычаю своему, Бобровъ былъ такой же домохозяинъ, какъ и Перскій. Сорокъ къ ряду лѣтъ онъ буквально не выходилъ изъ корпуса, но зато постоянно ходилъ по корпусу и все учреждалъ свое дѣло, все хлопоталъ, «чтобы мошенники были сыты, теплы и чисты». *Мошенники* это были мы, — такъ онъ называлъ кадетъ, разумѣется, употребляя это слово какъ ласку, какъ шутку. Мы это знали.

Всякій день онъ вставалъ въ пять часовъ утра и являлся къ намъ въ шесть часовъ, когда мы пили обѣдню; послѣ этого мы шли въ классы, а онъ по хозяйству. Затѣмъ обѣдъ и всякую другую пищу мы получали непременно при

немъ. Онъ любилъ «кормить» и кормилъ насъ прекрасно и очень сытно. Нашъ нынѣшній государь, въ отрочествіи своемъ, не разъ кушивалъ съ нами за общимъ кадетскимъ столомъ, и, вѣроятно, еще изволить помнить нашего «старога Бобра» *). Порцій, какъ это водится во всѣхъ заведенияхъ, у насъ при Бобровѣ не было, — всѣ ѣли сколько кто хотѣлъ. Одѣвалъ онъ насъ всегда хорошо; бѣлье заставлялъ перемѣнять три раза въ недѣлю. Былъ очень жалостливъ и даже баловникъ, что отчасти было, вѣроятно, извѣстно Перскому и другимъ, но не все: водились и такія вещи, которыя Андрей Петровичъ, по добросердечію своему, не могъ не сдѣлать, но зналъ, что онѣ незаконны, и онъ, бригадиръ, скрывался съ ними какъ школьникъ. Это больше всего касалось кадетъ, подвергнутыхъ наказанію. Тутъ онъ весь внѣ себя былъ, сдерживался, но внутренне ужасно болѣлъ, — кипятился, какъ самоварчикъ, и, наконецъ, не выдерживалъ, чтобы тѣмъ-нибудь не «утѣшить мошеника». Всякаго наказаннаго онъ какъ-нибудь подзоветъ, насупится, будто какой-то выговоръ хочетъ сказать, но вмѣсто того погладить, что-нибудь дать и отпихнетъ:

— Пошелъ, мошеникъ, впередъ себя не доводи!

Особенная же забота у него шла о кадетлахъ-арестантахъ, которыхъ сажали на хлѣбъ на воду, въ такіе устроенные при Демидовѣ особенные карцеры, куда товарищи не могли доставить арестантамъ подаваніе. Андрей Петровичъ всегда зналъ, по счету пустыхъ столовыхъ приборовъ, сколько арестованныхъ, но кадеты не опускали случая съ своей стороны еще ему особенно объ этомъ напомнить. Бывало, проходи мимо его изъ столовой, подъ ритмическій топотъ шаговъ, какъ бы безотносительно произносятъ:

— Пять арестантовъ, пять арестантовъ, пять арестантовъ.

А онъ или стоитъ только выпуча свои глазки, какъ будто ничего не слышитъ, или, если нѣтъ вблизи офицеровъ, дразнится, т. е. отвѣчаетъ намъ тѣмъ же тономъ:

— Миѣ что за дѣло, миѣ что за дѣло, миѣ что за дѣло.

Но когда посаженныхъ на хлѣбъ на воду выводили изъ арестантскихъ на почлеги въ роту, Андрей Петровичъ

*) Въ «Исторіи I Кадетскаго Корпуса» (1832 г.) есть упоминанія о томъ, что государь императоръ Александръ Николаевичъ въ отрочествѣ посѣщалъ корпусъ и тамъ кушалъ съ кадетами.

подстерегаль эту процессію, отнималь ихъ у провожатыхъ, забираль къ себѣ въ кухню и тутъ ихъ кормилъ; а по коридорамъ во все это время разставлялъ солдатъ, чтобы никто не подошелъ.

Самъ имъ, бывало, кашу маслитъ и торонитъ тарелки подставлять, а самъ твердить:

— Скорѣ, мошенникъ, скорѣ глотай!

Всѣ при этомъ часто плакали, — и арестанты, и онъ, ихъ кормилецъ, и сторожевые солдаты, участвовавшіе въ продѣлкахъ своего добраго бригадира.

Кадеты его любили до той надоѣдливости, что ему буквально нельзя было показаться въ такое время, когда мы были свободны. Если, бывало, случится ему, по неосторожности, попасть въ это время на плацъ, то сейчасъ же раздавался крикъ:

— Андрей Петровичъ на плацу!

Больше ничего не нужно было, и всѣ знали, что дѣлать: всѣ бросались къ нему, ловили его, брали на руки и на рукахъ несли, куда ему было нужно.

Это ему было тяжело, потому что онъ былъ толстенькій кубикъ, ворочается, бывало, у насъ на рукахъ, — кричить:

— Мошенники! вы меня уроните, убьете... Это мнѣ нездорово, — но это не помогало.

Теперь скажу о страстихъ, по милости которой Андрею Петровичу никогда почти не приходилось получать своего жалованья, а только расписываться.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

У насъ очень много было людей бѣдныхъ и когда насъ выпускали, то выпускали на бѣдное же офицерское жалованье. А мы вѣдь были младенцы, о доходныхъ мѣстахъ и должностяхъ, о чемъ нынче грудные младенцы знаютъ, у насъ и мыслей не было. Разставались не съ тѣмъ, что я такъ-то устроюсь или разживусь — а говорили:

— Слѣдите за газетами, если только нашъ полкъ будетъ въ дѣлѣ, — на приступѣ первымъ я.

Всѣ такъ собирались, а многіе и исполнили. Идеалисты были ужасные! Андрей Петровичъ сожалѣлъ о бѣднякахъ и безродныхъ и хотѣлъ, чтобы и изъ нихъ каждый имѣлъ что-нибудь приличное, въ чемъ оно ему представлялось. Онъ давалъ всѣмъ бѣднымъ приданое, — серебряныя ложки

и бѣлье. Каждый выпущенный прапорщикъ получалъ отъ него по три перемѣны бѣлья, двѣ столовыя серебряныя ложки, по четыре чайныхъ восемьдесятъ четвертой пробы. Бѣлье давалось для себя, а серебро—для «общекитій».

— Когда товарищъ зайдетъ, чтобы было у тебя, чѣмъ дать щей хлебнуть, а къ чаю могутъ зайти двое и трое,—такъ вотъ чтобы было, чѣмъ...

Такъ это и соразмѣрялось — накормить хоть одного, а чайкомъ напоить до четырехъ собратьевъ. Все до мелочей и вдаль — на всю жизнь, внушалось о товариществѣ, и диво ли, что оно было?

Ужасно трогательный былъ человекъ и самъ растрогивался сильно и глубоко. Поэтически могъ вдохновлять, и Рыльевъ, какъ я сказалъ, написалъ ему оду, которая начиналась словами:

«О ты, почтенный экономя Бобровъ!»

Вообще любили его поистинѣ, можно сказать, до чрезвычайности, и любовь эта въ насъ не ослабѣвала ни съ лѣтами, ни съ перемѣною положенія. Пока онъ жилъ, всѣ наши, когда случалось быть въ Петербургѣ, непременно прѣзжали въ корпусъ «явиться Андрею Петровичу» — «старому Бобру». И тутъ происходили иногда сцены, которыхъ словами просто даже передать нельзя. Увидить, бывало, человека незнакомаго съ знаками заслугъ, а иногда и въ большемъ чинѣ и встрѣтить официально вопросомъ: «что вамъ угодно?» А потомъ, какъ тотъ назоветъ себя, онъ сейчасъ сдѣлаетъ шагъ назадъ и одной рукой начнетъ лобъ почесывать, чтобы лучше вспоминать, а другою — отстранять гостя:

— Позвольте, позвольте, говорить, — позвольте!

И если тотъ не спѣшилъ исполнѣ открыться, то онъ вращалъ:

— У насъ бѣлье... мошенникъ... не изъ нашихъ ли?..

— Вашъ, вашъ, Андрей Петровичъ! — отвѣчалъ гость, или же, порываясь къ хозяину, показывалъ ему его «благословеніе» — серебряную ложечку.

Но тутъ вся сцена становилась какою-то дрожащею. Бобровъ тоналъ ногами, кричалъ: «прочь, прочь, мошенникъ!» и съ этимъ самъ быстро прятался въ уголъ дивана за столъ, закрывая оба глаза своими пухленькими кулачками

или синимъ бумажнымъ платкомъ и не плакать, а рыдать, рыдать звонко, визгливо и неудержимо, какъ нервическая женщина, такъ что вся его внутренность и полная мясистая грудь его дрожала и лицо наливалось кровью.

Удержать его было невозможно, а такъ какъ это не разъ бывало съ нимъ при такихъ крайне волнованныхъ его встрѣчахъ, то денщикъ его это зналъ и сейчасъ ставилъ передъ нимъ на подносикѣ стаканъ воды. Больше никто ничего не предпринималъ. Истерика восторга кончилась, старикъ самъ выпивалъ воду и, вставая, говорилъ ослабѣвшимъ голосомъ:

— Ну... теперь поцѣлуй, мошенникъ!

И они цѣловались долго-долго, причемъ многіе, конечно, безъ всякаго униженія или ласкательства цѣловали у него руки, а онъ уже только съ блаженствомъ повторялъ:

— Вспомнилъ, мошенникъ, старика,—вспомнилъ!—и сейчасъ же усаживалъ гости и самъ принимался доставать изъ ладана какой-то графинчикъ, а денщика посылалъ на кухню за кушаньемъ.

Отказаться отъ этого никто не могъ. Иной, бывало, отирашивается:

— Андрей Петрович! я,—говорить,—званъ и общался къ такому-то, или къ такому-то, какому-нибудь важному лицу.

Ни за что не отпустить.

— Знать ничего не хочу,—говорить,—важныя лица тебя не знали, когда я тебя на кухнѣ кормилъ. Пришелъ сюда, такъ ты *мой*,—и долженъ изъ стараго корыта почавкать. Безъ того не выпущу.

И не выпустить.

Рацей онъ никогда не читалъ, а только *жилъ* передъ нами и остался жить послѣ того, какъ его въ концѣ сорокового года службы за недостаточностію на казенный счетъ похоронили.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Теперь третій постоянный инокъ нашего монастыря — нашъ корпусный докторъ *Зеленскій*. Онъ тоже былъ холостъ, тоже былъ домосѣдъ. Этотъ даже превзошелъ двухъ первыхъ тѣмъ, что жилъ въ лазаретѣ, въ послѣдней комнатѣ. Ни фельдшеръ, ни прислуга—никто никогда не могли

себя предостеречь отъ внезапнаго его появленія у больныхъ: онъ былъ тутъ какъ днемъ, такъ и ночью. Числа визитацій у него не полагалось, а онъ всегда былъ при больныхъ. Въ день нѣсколько разъ обойдетъ, а, кромѣ того, еще навернется иногда невзначай и ночью. Если же случался трудно-больной кадетъ, такъ Зеленскій и вовсе его не оставлялъ, — тутъ и отдыхалъ возлѣ больного на сосѣдней койкѣ.

Этотъ докторъ, по опритности, былъ противоположность Перскому и родной братъ эконому Боброву. Онъ ходилъ въ сюртукѣ, рѣдко вычищенномъ, часто очень изношенномъ и всегда разстегнутомъ, и цвѣтъ воротника у него былъ такой же, какъ у Андрея Петровича, т. е. нераспознаваемый.

Онъ былъ тѣломъ и душою нашъ человѣкъ, какъ и два первые. Изъ корпуса онъ не выходилъ. Это, можетъ-быть, покажется невѣроятнымъ, но это такъ. Никакими деньгами нельзя было его заставить выѣхать съ визитомъ на сторону. Былъ одинъ примѣръ, что онъ измѣнилъ своему правилу, когда пріѣхалъ въ Петербургъ великій князь Константинъ Павловичъ изъ Варшавы. Его высочество посѣтилъ одну статсъ-даму, которую засталъ въ страшномъ горѣ: у нея былъ очень боленъ маленькій сынъ, которому не могли помочь тогдашніе лучшіе доктора столицы. Она посылала за Зеленскимъ, который славился отличнымъ знаткомъ дѣтскихъ болѣзней, въ коихъ имѣлъ, разумѣется, огромный навыкъ, но онъ далъ свой обыкновенный отвѣтъ:

— У меня на рукахъ тысяча триста дѣтей, за жизнь и здоровье которыхъ я отвѣчаю, и на стороны разбрасываться не могу.

Огорченная его отказомъ, статсъ-дама сказала объ этомъ великому князю, и Константинъ Павловичъ, будучи шефомъ Перваго кадетскаго корпуса, изволилъ *приказать* Зеленскому поѣхать въ домъ этой дамы и *вылѣчить* ся ребенка.

Докторъ повиновался, — поѣхалъ и скоро вылѣчилъ больное дитя, но платы за свой трудъ не взялъ.

Одобряетъ ли кто или не одобряетъ этотъ его поступокъ, но я говорю какъ происходило.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Зеленскій былъ докторъ отличный, и сколько я могу теперь понимать, вѣроятно, относился къ новой медицинской

нколѣ: онъ былъ гигиенистъ и къ лѣкарствамъ прибѣгалъ только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. Но тогда насчетъ медикаментовъ и другихъ нужныхъ врачебныхъ пособій былъ требователенъ и чрезвычайно настойчивъ. Что онъ назначалъ и потребовалъ,—это уже чтобы было, да, впрочемъ, и сопротивленія-то некому было оказывать. О пищѣ ужъ и говорить нечего: разумѣется, какую порцію ни потребуй — Бобровъ не откажетъ. Онъ и здоровыхъ «мошениковъ» любилъ кормить до-сыта, а про больныхъ уже и говорить нечего. Но я помню разъ такой случай, что докторъ Зеленскій для какого-то больного потребовалъ вина и назначилъ его на рецептѣ словами: «такой-то номеръ по преѣздъ-куранту англійскаго магазина».

Солдаты понесъ требованіе эконому и чрезъ нѣсколько минутъ идетъ самъ Андрей Петровичъ.

— Батенька, — говоритъ: — вы знаете ли, сколько этотъ номеръ вина за бутылку стоитъ? Онъ, вѣдь, стоитъ восемнадцать рублей.

А Зеленскій ему отвѣчалъ:

— Я и знать, — говоритъ: — этого не хочу: это вино для ребенка нужно.

— Ну, а если нужно, такъ и толковать не о чемъ, — отвѣчалъ Бобровъ, и сейчасъ же вынулъ деньги и послалъ въ англійскій магазинъ за указаннымъ виномъ.

Привожу это, между прочимъ, въ примѣръ, какъ они все были между собою согласны въ томъ, что нужно для нашей выгоды, и приписываю это именно той ихъ крѣпкой другъ въ другъ увѣренности, что ни у кого изъ нихъ нѣтъ болѣе драгоценной цѣли, какъ *наше* благо.

Имѣя на рукахъ, въ числѣ 1,300 человекъ, двѣсти пятьдесятъ малолѣтнихъ отъ четырехъ до восьми лѣтъ, Зеленскій тщательнѣе наблюдалъ, чтобы не допускать повальныхъ и заразительныхъ болѣзней, и заболѣвавшихъ scarlatinou сейчасъ же отдѣлялъ и лѣчилъ въ темныхъ комнатахъ, куда не допускалъ капли свѣта. Надъ этой системой позже смѣялись, но онъ считалъ ее дѣломъ серьезнымъ и всегда ея держался, и оттого ли, или не оттого, но результатъ былъ чудесный. Не было случая, чтобы у насъ не выздоровѣлъ мальчикъ, заболѣвшій scarlatinou. Зеленскій на этотъ счетъ немножко бравировалъ. У него была поговорка:

— Если ребенокъ умретъ отъ горячки, доктора надо повѣсить за шею, а если отъ скарлатины—то за ноги.

Мелкихъ чиновныхъ лицъ у насъ въ корпусѣ было очень мало. Напримѣръ, *вся* канцелярія такого громаднаго учрежденія состояла изъ одного бухгалтера Паутова—человѣка, имѣвшаго феноменальную память, да трехъ писарей. Только и всего, и всегда все, что нужно—было сдѣлано; но при больницѣ Зеленскій держалъ большой комплектъ фельдшеровъ и ему въ этомъ не отказывали. Къ каждому серьезному больному приставлялся отдѣльный фельдшеръ, который такъ возлѣ него и сидѣлъ, — поправлялъ его, одѣвалъ, если раскидывается, и подавалъ лѣкарство. Отойти онъ, разумѣется, не смѣлъ и подумать, потому что Зеленскій былъ тутъ же за дверью и каждую минуту могъ выйти; а тогда, по старинѣ, много не говоря, сейчасъ же короткая расправа: зуботычина—и опять сиди на мѣстѣ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Вѣруя и постоянно говоря, что «главное дѣло не въ лѣченіи, а въ недопущеніи, въ предупрежденіи болѣзней», Зеленскій былъ чрезвычайно строгъ къ прислугѣ и зуботычины у него летѣли за малѣйшее неисполненіе его гигиеническихъ приказаній, къ которымъ, какъ извѣстно, наши русскіе люди относятся какъ къ какой-то неосновательной прихоти. Зная это, Зеленскій держался съ ними морали крыловской басни «Котъ и поваръ». Не исполнено или не точно исполнено его приказаніе, — не станеть разсуждать, а сейчасъ же щелкъ по зубамъ и пошелъ мимо.

Мнѣ немножко жаль сказывать объ этой привычкѣ скорого на руку доктора Зеленаго, чтобы скорые на осужденіе современные люди не сказали: «вотъ какой драчунъ или Держиморда»; но чтобы воспоминанія были вѣрны и полны—изъ пѣсни слова не выкинешь. Скажу только, что онъ не былъ Держиморда, а былъ даже добрякъ и пансправедливѣйшій и великодушнѣйшій человѣкъ, но былъ, разумѣется, человѣкъ *своего времени*, а время его было такое, что зуботычина за великое не считалась. Тогда была другая мѣрка: отъ человѣка требовали, чтобы «никого не сдѣлать несчастнымъ», и этого держались все хорошіе люди, а въ томъ числѣ и докторъ Зеленскій.

Въ видахъ *недопущенія болѣзней*, прежде чѣмъ кадетъ

вводили въ классы, Зеленскій проходилъ всѣ классныя комнаты, гдѣ въ каждой былъ термометръ. Онъ требовалъ, чтобы въ классахъ было не меньше 13° и не больше 15°. Истопники и сторожа должны были находиться тутъ же, и если температура не выдержана—сейчасъ врачебная зубочистка. Какъ мы сѣли за классныя занятія, онъ точно такъ же обходилъ роты и тамъ опять происходило то же самое.

Пищу нашу онъ зналъ хорошо, потому что самъ другой пищи не ѣлъ: онъ *всегда* обѣдалъ или съ больными въ лазаретѣ, или съ здоровыми, но не за особымъ, а за общимъ кадетскимъ столомъ, и притомъ не позволялъ ставить себѣ избраннаго прибора, а садился гдѣ попало и ѣлъ то самое, чѣмъ питались мы.

Осматривалъ онъ насъ каждую баню въ предбанникѣ, но, кромѣ того, производилъ еще внезапныя ревизіи: вдругъ остановить кадета и прикажетъ раздѣться до-нага; осмотрѣть все тѣло, все бѣлье, даже ногти на ногахъ оглядеть, выстрижены ли.

Рѣдкое и преполезное вниманіе!

Но теперь, оканчивая и съ нимъ, я скажу, что у этого третьяго извѣстнаго мнѣ истиннаго друга дѣтей составляло его удовольствіе.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Удовольствіе доктора Зеленскаго заключалось въ томъ, что когда назначенные изъ кадетъ къ выпуску въ офицеры ожидали Высочайшаго приказа о производствѣ, онъ выбиралъ изъ нихъ пять-шесть человѣкъ, которыхъ зналъ, отличалъ за способности и любилъ. Онъ записывалъ ихъ больными и помѣщалъ въ лазаретѣ, рядомъ съ своей комнатой, давалъ имъ читать книги хорошихъ авторовъ и велъ съ ними долгія бесѣды о самыхъ разнообразныхъ предметахъ.

Это, конечно, составляло нѣкоторое злоупотребленіе, но если вникнуть въ дѣло, то какъ это злоупотребленіе покажется простительно!

Надо только вспомнить, что было надѣяно съ корпусами съ тѣхъ поръ, какъ они попали въ руки Демидова, который, какъ выше было сказано, получилъ приказаніе ихъ «подтянуть» и, кажется, слишкомъ переусердствовалъ

въ исполненіи. Думаю такъ потому, что графы Строгановъ и Уваровъ, дѣйствуя въ то же время, ничего того не надѣлали, что надѣлалъ Демидовъ съ корпусами. Подъ словомъ «подтянуть» Демидовъ понялъ *остановить образованіе*. Теперь уже, разумѣется, не было никакого мѣста прежней задачѣ—чтобы корпусъ могъ выпускать такихъ образованныхъ людей, изъ коихъ при прежнихъ порядкахъ безъ нужды выбирали лицъ, способныхъ ко всякой служебной карьерѣ, не исключая и дипломатической. Наоборотъ, все дѣло шло о томъ, чтобы сузить нашъ умственный кругозоръ и всячески понизить значеніе науки. Въ корпусѣ существовала богатая бібліотека и музеумъ. Бібліотеку приказали *запереть*, въ музеумъ не водить и наблюдать, чтобы никто не смѣлъ приносить съ собою никакой книги изъ отпуска. Если же откроется, что, несмотря на запрещеніе, кто-нибудь принесъ изъ отпуска книгу, хотя бы и самую невинную, или, еще хуже, самъ написалъ что-либо, то за это вѣрно было подвергнуть строгому тѣлесному наказанію розгами. При чемъ въ опредѣленіи мѣры наказанія была установлена оригинальная постепенность: если кадетъ изобличался въ прозаическомъ авторствѣ (конечно, смирнаго содержанія), то ему давали двадцать пять ударовъ, а если онъ согрѣшилъ стихомъ, то вдвое. Это было за то, что Рыльевъ, который писалъ стихи, выпелъ изъ нашего корпуса. Книжечка всеобщей исторіи, не знаю кѣмъ составленная, была у насъ едва ли не въ двадцать страничекъ и на оберткѣ ея было обозначено: «для воиновъ и для жителей». Прежде она была надписана: «для воиновъ и *для гражданъ*»,—такъ надписалъ ее ея искусный составитель,—но это было кѣмъ-то признано за неудобное и вмѣсто «*для гражданъ*», было поставлено «для жителей». Даже географическіе глобусы вѣрно было вынести, чтобы не наводили на какія-нибудь мысли, а стѣну, на которой въ старину были сдѣланы крупныя надписи важныхъ историческихъ датъ,—закрасить... Было принято правиломъ, которое потомъ и выражено въ инструкціи, что «*никакія учебныя заведенія въ Европѣ не могутъ для заведеній нашихъ служить образцомъ—они «уединообразиваются»*» *).

*) См. не дѣйствующее болѣе «Наставленіе къ образованію воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній». 24 декабря 1848 года. Спб., типографія Военно-учебныхъ заведеній.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Можно представить, какъ мы при такомъ ученіи выходили учены... А впереди стояла цѣлая жизнь. Добрый и просвѣщенный человѣкъ, какимъ, несомнѣнно, былъ нашъ докторъ Зеленскій, не могъ не чувствовать, какъ это ужасно, и не могъ не позаботиться, если не пополнить ужасающій пробѣлъ въ нашихъ свѣдѣніяхъ (потому что это было невозможно), то, по крайней мѣрѣ, хотъ возбудить въ насъ какую-нибудь любознательность, дать хотъ какое-нибудь направленіе нашимъ мыслямъ.

Правда, что это не составляетъ предмета заботливости врача казеннаго заведенія, но онъ же былъ человѣкъ, онъ любилъ насъ, онъ желалъ намъ счастья и добра, а какое же счастье при кругломъ невѣжествѣ? Мы годились къ чему-нибудь въ корпусѣ, но выходили въ жизнь въ полномъ смыслѣ ребятами, правда, съ задатками чести и хорошихъ правилъ, но совершенно ничего не понимая. Первый случай, первый хитрецъ при новой обстановкѣ могъ насъ сбивать и вести по пути недоброму, котораго мы не сумѣли бы ни понять, ни оцѣнить. Какъ къ этому быть равнодушнымъ!

И вотъ Зеленскій забиралъ насъ къ себѣ въ лазаретъ и подшпиговывалъ насъ то чтеніемъ, то бесѣдами.

Извѣстно ли объ этомъ было Перскому — я не знаю, но можетъ-быть, что и было извѣстно, только онъ не любилъ знать о томъ, о чемъ не считалъ нужнымъ знать. Тогда было строго, но формалистики меньше.

Читали мы у Зеленскаго, опять повторяю, книги самыя позволительныя, а изъ бесѣдъ я помню только одну и то потому, что она имѣла анекдотическое основаніе и черезъ то особенно прочно засѣла въ голову. Но, говорятъ, человѣкъ ни въ чемъ такъ легко не намѣчается, какъ въ своемъ любимомъ анекдотѣ, а потому я его здѣсь и приведу.

Зеленскій говорилъ, что въ жизнь надо внести съ собою какъ можно болѣе добрыхъ *чувствъ*, способныхъ породить добрыя *настроенія*, изъ которыхъ въ свою очередь непременно должно вытечь доброе же *поведеніе*. А потому будутъ цѣлесообразныя и всѣ *поступки* въ каждомъ столкновеніи и при всѣхъ случайностяхъ. Всего предвидѣть и распрѣдѣлить, гдѣ какъ поступить, — невозможно, а надо все

съ добрымъ настроеніемъ и разсмотрѣніемъ, и безъ упрямства; приложить одно, а если не дѣйствуетъ и раздражаетъ, обратиться благоразумно къ другому. Онъ все это изъ медицины бралъ и къ ней приравнивалъ и говорилъ, что у него, въ молодой порѣ, былъ упрямый главный докторъ.

Подходить, говорить, къ больному и спрашиваетъ:

— Что у него?

— Такъ и такъ,—отвѣчаетъ Зеленскій:—весь аппаратъ бездѣйствуетъ, что-то въ родѣ *miserere*.

— *Oleum ricini* давали?

— Давали.

И еще тамъ что-то спросилъ: давали?

— Давали.

— А *oleum crotoni*?

— Давали.

— Сколько?

— Двѣ капли.

— Дать двадцать!

Зеленскій только было ротъ раскрылъ, чтобы возразить, а тотъ остановилъ:

— Дать двадцать!

— Слушаю-съ.

На другой день спрашиваетъ:

— А что больной съ *miserere*: дали ему двадцать капель?

— Дали.

— Ну, и что онъ?

— Умеръ.

— Однако, проняло?

— Да, проняло.

— То-то и есть.

И довольный, что по его сдѣлано, старшій докторъ начиналъ преспокойно бумаги подписывать. А что больной умеръ, до этого дѣла нѣтъ: лишь бы *проняло*.

По сколько къ чему этотъ медицинскій анекдотъ могъ быть приложимъ,—онъ намъ нравился и казался понятенъ, а ужъ насколько онъ кого-нибудь изъ насъ воздерживалъ отъ вреднаго упрямства въ выборѣ сильныхъ, но вредно дѣйствующихъ средствъ,—этого не знаю.

Зеленскій служилъ въ корпусѣ тридцать лѣтъ и оставилъ послѣ себя всего богатства пятьдесятъ рублей.

Таковы были эти три коренные старца нашего кадет-

скаго скита, но надо упомянуть еще четвертаго, приплаго въ нашъ монастырь съ своимъ уставомъ, но также попавшаго нашему духу подѣ-стать и оставившаго по себѣ пре-восходную память.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Тогда былъ такой обычай, что для преподаванія рели-гіозныхъ предметовъ кадетамъ высшихъ классовъ въ кор-пусъ присылался архимандритъ, изъ назначавшихся къ архи-ерейству. Разумѣется, это большею частію были люди очень умные и хорошіе, но особенно дорогъ и памятенъ намъ остался *послѣдній*, который былъ у насъ на этомъ назна-ченіи, и съ нимъ оно кончилось. Рѣшительно не могу вспо-мнить его имени, потому что мы звали ихъ просто «отецъ архимандритъ», а справиться о его имени теперь трудно. Пусть этотъ будетъ такъ, безъ имени. Онъ былъ сердоваго возраста, небольшого роста, сухощавъ и брюнетъ, энерги-ческій, живой, съ звучнымъ голосомъ и весьма пріятными манерами, любилъ цвѣты и занимался для удовольствія астрономіей. Изъ окна его комнаты, выходившей въ садъ, торчала мѣдная труба телескопа, въ который онъ вечерами наблюдалъ звѣздное небо. Онъ былъ очень уважаемъ Пер-скимъ и всѣмъ офицерствомъ, а кадетами былъ любимъ удиви-тельно. Мнѣ теперь думается, да и прежде въ жизни, когда приходилось слышать легкомысленный отзывъ о религіи, что она будто скучна и бесполезна, — я всегда думалъ: «взоръ мелете, милашки: это вы говорите только оттого, что на мастера не попали, который бы васъ заинтересовалъ и рас-крылъ вамъ эту поэзію вѣчной правды и не умирающей жизни». А самъ сейчасъ думаю о томъ послѣднемъ архи-мандритѣ нашего корпуса, который навѣки меня облагодѣ-тельствовалъ, образовавъ мое религіозное чувство. Да и для многихъ онъ былъ такимъ благодѣтелемъ. Онъ училъ въ классѣ и проповѣдывалъ въ церкви, но мы никогда не могли его вволю послушаться, и онъ это видѣлъ: всякій день, когда насъ выпускали въ садъ, онъ тоже приходилъ туда, чтобы съ нами разговаривать. Всѣ игры и смѣхи тотчасъ прекращались и онъ ходилъ, окруженный цѣлою толпою кадетъ, которые такъ тѣснились вокругъ него со всѣхъ сторонъ, что ему очень трудно было подвигаться. Каждое слово его ловили. Право, мнѣ это напоминаетъ

что-то древнее, апостольское. Мы передъ нимъ всѣ были открыты; выбалтывали ему всѣ наши горести, преимущественно заключавшіяся въ докучныхъ преслѣдованіяхъ Демидова и особенно въ томъ, что онъ не позволялъ намъ ничего читать.

Архимандритъ насъ выслушивалъ терпѣливо и утѣшалъ, что для чтенія впереди будетъ еще много времени въ жизни, но такъ же, какъ Зеленскій, онъ всегда внушалъ намъ, что наше корпусное образованіе очень недостаточно и что мы должны это помнить и, по выходѣ, стараться пріобрѣтать познанія. О Демидовѣ онъ отъ себя ничего не говорилъ, но мы по едва замѣтному движенію его губъ замѣчали, что онъ его презираетъ. Это потомъ скоро и высказалось въ одномъ оригинальномъ и очень памятномъ событіи.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Я выше сказалъ, что Демидовъ былъ большой ханжа, онъ постоянно крестился, ставилъ свѣчи и прикладывался ко всѣмъ иконамъ, но въ религіи былъ суевѣръ и невѣжда. Онъ считалъ за преступленіе разсуждать о религіи, можетъ-быть, потому, что не могъ разсуждать о ней. Намъ онъ ужасно надоѣдалъ, кстати и некстати приставая: «молитесь, дѣточки, молитесь, вы ангелы, ваши молитвы Богъ слышитъ». Точно ему сообщено, чьи молитвы доходятъ до Бога и чьи не доходятъ. А потомъ этихъ же «ангеловъ» растягивали и драли какъ сидоровыхъ козъ. Самъ же себя онъ, какъ большинство ханжей, считалъ полнымъ, совершеннымъ христіаниномъ и ревнителемъ вѣры. Архимандритъ же былъ христіанинъ въ другомъ родѣ и, притомъ, какъ я сказалъ, онъ былъ уменъ и образованъ. Проповѣди его были не подготовленныя, очень простыя, теплыя, всегда направленныя къ подъему нашихъ чувствъ въ христіанскомъ духѣ, и онъ произносилъ ихъ прекраснымъ, звучнымъ голосомъ, который долеталъ во всѣ углы церкви. Уроки же или лекціи его отличались необыкновенною простотою и тѣмъ, что мы могли его обо всемъ спрашивать и прямо, ничего не боясь, высказывать ему всѣ наши сомнѣнія и бесѣдовать. Эти уроки были нашъ бенефисъ,—нашъ праздникъ. Какъ образецъ, приведу одну лекцію, которую очень хорошо помню.

«Подумаемъ, — такъ говорилъ архимандритъ, — не лучше ли было бы, если бы для устраненія всякаго недоумѣнія и сомнѣнія, которыя длятся такъ много лѣтъ, Иисусъ Христосъ пришелъ не скромно въ образѣ человѣческомъ, а сошелъ бы съ неба въ торжественномъ величїи, какъ божество, окруженное сонмомъ свѣтлыхъ, служебныхъ духовъ. Тогда, конечно, никакого сомнѣнія не было бы, что это, дѣйствительно, божество, въ чемъ теперь очень многіе сомнѣваются. Какъ вы объ этомъ думаете?»

Кадеты, разумѣется, молчали. Чтò тутъ кто-нибудь изъ насъ могъ бы сказать, да мы бы на такого говоруна и разсердились, чтобы не лѣзъ не въ свое дѣло. Мы ждали его разъясненія и ждали страстно, жадно и затаивъ дыханіе. А онъ прошѣлся передъ нами и, остановясь, продолжалъ такъ:

«Когда я, сытый, чтò по моему лицу видно, и одѣтый въ шелкъ, говорю въ церкви проповѣдь и объясняю, что нужно терпѣливо сносить холодъ и голодъ, то я въ это время читаю на лицахъ слушателей: «хорошо тебѣ, монахъ, рассуждать, когда ты въ шелку да сытъ. А посмотрѣли бы мы, какъ бы ты заговорилъ о терпѣнїи, если бы тебѣ отъ голода животь къ спинѣ подвело, а отъ стужи все тѣло посинѣло». И я думаю, что, если бы Господь нашъ пришелъ въ славу, то и Ему отвѣчали бы что-нибудь въ этомъ родѣ. Сказали бы, пожалуй: «Тамъ Тебѣ на небѣ отлично, пришелъ къ намъ на-время и учини. Нѣтъ, вотъ, если бы Ты промежъ насъ родился, да отъ колыбели до гроба претерпѣлъ, чтò намъ терпѣть здѣсь приходится, тогда бы другое дѣло». И это очень важно и основательно, и для этого Онъ и сошелъ босой и пробрелъ по землѣ безъ прїюта».

Демидовъ, я говорю, ничего не понималъ, но чувствовалъ, что это человѣкъ не въ его духѣ, чувствовалъ, что это заправскїй, настоящїй христїанинъ, а такіе ханжамъ хуже и противнѣе самаго крайняго невѣра. Но подѣлать онъ съ нимъ ничего не могъ, потому что не смѣлъ открыто порицать доброе боговѣданіе и разсужденіе архимандрита, пока тотъ не далъ на себя иного оружія. Архимандритъ вышелъ изъ терпѣнія и опять не за себя, а за насъ, потому что Демидовъ съ своимъ пустосвятствомъ разрушалъ его работу, портивъ наше религіозное настроеніе и дово-

дивъ насъ до шалостей, въ которыхъ обнаруживалась обыкновенная противоположность ханжества, легкомысленное отношеніе къ священнымъ предметамъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Демидовъ былъ чрезвычайно суевѣренъ: у него были счастливые и несчастные дни; онъ боялся трехъ свѣчей, креста, встрѣчи съ духовными и имѣлъ многіе другіе глупыя предрасудки. Мы, со свойственною дѣтямъ наблюдательностью, очень скоро подмѣтили эти странности главнаго директора и обратили ихъ въ свою пользу. Мы отлично знали, что Демидовъ ни за что не прійдетъ ни въ понедѣльникъ, ни въ пятницу, ни въ другой тяжелый день или тринадцатаго числа; но главнѣе всего насъ выручали кресты... Одинъ разъ, замѣтивъ, что Демидовъ, гдѣ ни завидитъ крестъ, сейчасъ крестится и обходитъ, мы начали ему всюду подготавливать эти сюрпризы; въ тѣ дни, когда можно было ожидать, что онъ прійдетъ въ корпусъ, у насъ уже были приготовлены кресты изъ палочекъ, изъ цвѣтныхъ шерстинокъ или даже изъ соломинокъ. Они дѣлались разной величины и разнаго фасона, но особенно хорошо дѣйствовали кресты въ родѣ надмогильныхъ—съ покрывечками. Ихъ особенно боялся Демидовъ, вѣроятно, имѣвшій какую-нибудь скрытую надежду на безсмертіе. Кресты эти мы разбрасывали на полу, а всего больше помѣщали ихъ подъ карнизы лѣстничныхъ ступеней. Какъ, бывало, начальство за этимъ ни смотреть, чтобы этого не было, а уже мы ухитрimsя — крестикъ подбросимъ. Бывало, всѣ идутъ и никто не замѣтитъ, а Демидовъ непременно увидитъ и сейчасъ же отпрыгнетъ, закрестится, закрестится и вернется назадъ. Ни за что рѣшительно онъ не могъ наступить на ступеньку, на которой былъ брошенъ крестикъ. То же самое было, если крестикъ оказывался на полу посреди проходной комнаты, чрезъ которую лежалъ его путь. Онъ сейчасъ отскочитъ, закрестится и уйдетъ, и намъ въ этотъ разъ полегчаетъ, но потомъ начнется дознаніе и окончится или карцеромъ для многихъ, или даже наказаніемъ на тѣлѣ для нѣкоторыхъ.

Архимандрита это возмущало, и хотя онъ намъ ничего не говорилъ на Демидова, но одинъ разъ, когда подобная

шалость окончилась обширной раздѣлкой на тѣлѣ многихъ, онъ поблѣднѣлъ и сказалъ:

— Я запрещаю вамъ это дѣлать, и кто меня хоть немножко любитъ, тотъ послушается.

И мы дали слово не метать больше крестиковъ, и не метали, а рядомъ съ тѣмъ, въ слѣдующее же воскресенье, архимандритъ, по окончаніи обѣдни, сказалъ въ присутствіи Демидова проповѣдь «о предрасудкахъ и пустосвятствѣ», гдѣ только не называлъ Демидова по имени, а перечислялъ всѣ его ханжескія глупости и даже упомянулъ о крестикахъ.

Демидовъ стоялъ полотно бѣлѣе, весь тряся и вышель, не подойдя къ кресту, но архимандритъ на это не обратилъ никакого вниманія. Надо было, чтобы у нихъ сочинился особенный духовно-военный турниръ, въ которомъ я не знаю, кому приписать побѣду.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Черезъ недѣлю, въ воскресенье, слѣдовавшее за знаменитою проповѣдью «о предрасудкахъ», Демидовъ не смакировалъ, а пріѣхалъ въ церковь, но, опоздавъ, вошелъ въ половинѣ обѣдни. Онъ до конца отстоялъ службу и проповѣдь, которая на этотъ разъ касалась вещей обыкновенныхъ и ничего остраго въ себѣ для него не заключала; но тутъ онъ выкинулъ удивительную штуку, на которую архимандритъ отвѣтилъ еще болѣе удивительною.

Когда архимандритъ, возгласивъ «благословеніе Господне на васъ», закрылъ царскія двери, Демидовъ вдругъ тутъ же въ церкви гласно съ нами поздоровался.

Мы, разумѣется, какъ привыкли отвѣчать, громко отвѣчали ему:

— Здравія желаемъ, ваше высокопревосходительство!— и хотѣли уже поворачиваться и выходить, какъ вдругъ завѣса, гремя колечками по рубчатой проволоцѣ, неожиданно распахнулась, и въ открытыхъ царскихъ дверяхъ появился еще не успѣвшій разоблачиться архимандритъ.

— Дѣти! я *вамъ* говорю, — воскликнулъ онъ скоро, но спокойно: — въ храмъ Божиюмъ умѣстны только одни возгласы, — возгласы въ честь и славу Живаго Бога и никакіе другіе. Здѣсь я имѣю право и долгъ запрещать и при-

казывать, и я вам *запрещаю* дѣлать возгласы начальству. Аминь.

Онъ повернулся и закрылъ двери. Демидовъ поскакалъ жаловаться, и архимандритъ отъ насъ выгналъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ было сдѣлано распоряженіе, чтобы архимандритовъ впредь въ корпуса вовсе не назначали. Это былъ послѣдній.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Я кончилъ, больше мнѣ сказать объ этихъ людяхъ нечего, да, кажется, ничего и не нужно. Ихъ время прошло, нынче дѣйствуютъ другіе люди и ко всему другія требованія, особенно къ воспитанію, которое уже не «уединоображивается». Можетъ-быть, тѣ, про которыхъ я разсказалъ, теперь были бы недостаточно учены или, какъ говорятъ, «не педагогичны» и не могли бы быть допущены къ дѣлу воспитанія, но позабыть ихъ не слѣдуетъ. То время, когда все жалось и тряслось, мы, цѣлыя тысячи русскихъ дѣтей, какъ рыбки рѣзвились въ водѣ, по которой масломъ плыла ихъ, защищавшая насъ отъ всѣхъ бурь, елейность. Такие люди, стоя въ сторонѣ отъ главнаго историческаго движенія, какъ правильно думалъ незабвенный Сергій Михайловичъ Соловьевъ, *сильнѣе другихъ дѣлаютъ исторію*. И если ихъ «педагогичность» даже не выдержитъ критики, то все-таки ихъ память почтенна и души ихъ во благихъ водворятся.

Прибавленіе къ разсказу о кадетскомъ монастырѣ.

Въ долготѣнную бытность покойнаго Андрея Петровича экономомъ 1-го кадетскаго корпуса, тамъ состоялъ «старшимъ поваромъ» нѣкій Кулаковъ.

Поваръ этотъ умеръ скоропостижно на своемъ поварскомъ посту — у плиты, и смерть его была очень замѣтнымъ событіемъ въ корпусѣ. Кулаковъ — честный человекъ, не воръ, и потому честный экономъ Бобровъ уважалъ Кулакова при жизни и скорбѣлъ о его трагической кончинѣ. Послѣ того, какъ Кулаковъ умеръ, «стоя у плиты», на смѣну ему долго не было мужа съ такою же нравственною доблестью. Со смертью Кулакова, при всей строгости досмотра

со стороны бригадира Боброва, «просьль кисель» и «тертый картофель потеряль свою густоту». Особенно повредился картофель, составлявший важный элемент при кадетском столѣ. Послѣ Кулакова картофель не ползъ меланхолично, сходя съ ложки на тарелки кадетъ, но лился и «лопоталъ». Бобровъ видѣль это и огорчался, — даже, случалось, дрался съ поварами, но никакъ не могъ добиться секрета стирать картофель такъ, чтобы онъ былъ «какъ масло». Секретъ этотъ, быть-можетъ, навсегда утраченъ вмѣстѣ съ Кулаковымъ, и потому понятно, что Кулакова въ корпусѣ сильно вспоминали и вспоминали добромъ. Находившійся тогда въ числѣ кадетъ Кондратій Федоровичъ Рыльевъ († 14-го іюля 1826 г.), видя скорбь Боброва и цѣня утрату Кулакова для всего заведенія, написалъ по этому случаю комическую поэму, въ двухъ пѣсняхъ, подъ заглавіемъ «Кулакіада». Поэма, исчисливъ заслуги и доблести Кулакова, описываетъ его смерть у плиты и его погребеніе, а затѣмъ она оканчивалась слѣдующимъ воззваніемъ къ Андрею Петровичу Боброву:

«Я знаю то, что не достоинъ
Вѣщать о всѣхъ дѣлахъ твоихъ:
Я не поэтъ, я просто воинъ,—
Въ моихъ устахъ не складенъ стихъ,
Но ты, о мудрый, знаменитый
Царь кухни, мрачныхъ погребовъ,
Топленнымъ жиромъ весь облитый,
Единственный герой Бобровъ!
Не осердися на поэта,
Тебя который воспѣвалъ,
И знай—у каждаго кадета
Ты тѣмъ навѣкъ безсмертенъ сталъ
Прочтя стихи сіи, потомки,
Бобровъ, вспомнуть о тебѣ *),
Твои дѣла вспомнуть громки
И вспомнать, можетъ-быть, о мнѣ».

Таковъ и есть Бобровъ на его единственномъ карандашевомъ портретѣ «царь кухни, мрачныхъ погребовъ», «топленнымъ жиромъ весь облитый, единственный герой Бобровъ».

И еще одинъ анекдотъ.

Бобровъ ежедневно являлся къ директору корпуса Михайлу Степановичу Перскому рапортовать «о благополучіи».

*) Вариантъ: «Вспомнуть, мудрый, о тебѣ».

Рапорты эти, разумеется, чисто формальные, писались всегда на листъ обыкновенной бумаги и затѣмъ складывались вчетверо и клались Боброву за кокарду треуголки. Бригадиръ бралъ шляпу и шелъ къ Перскому, но такъ какъ въ корпусѣ всеѣмъ было до Боброва дѣло, то онъ по дорогѣ часто останавливался для какихъ-нибудь распоряженій, а имѣя слабость горячиться и пылить, Бобровъ часто бросалъ свою шляпу или забывалъ ее, а потомъ снова ее бралъ и шелъ далѣе.

Зная такую привычку Боброва, кадеты подшутили надъ своимъ «дѣдушкой» шутку: они переписали «Кулакиаду» на такой самый листъ бумаги, на какомъ у Андрея Петровича писались рапорты по начальству, и, сложивъ листъ тѣмъ же форматомъ, какъ складывалъ Бобровъ свои рапорты, кадеты всунули рылѣвское стихотвореніе въ треуголку Боброва, а рапортъ о «благополучіи» вынули и спрятали.

Бобровъ не замѣтилъ подмѣна и явился къ Перскому, который Андрея Петровича очень уважалъ, но все-таки былъ ему начальникъ и держалъ свой тонъ.

Михаилъ Степановичъ развернулъ листъ и, увидавъ стихотвореніе вмѣсто рапорта, разсмѣялся и спросилъ:

— Что это, Андрей Петровичъ, — съ какихъ поръ вы сдѣлались поэтомъ?

Бобровъ не могъ понять, въ чемъ дѣло, но только видѣлъ, что что-то неладно.

— Какъ, что изволите... какой поэтъ? — спросилъ онъ вмѣсто отвѣта у Перскаго.

— Да какъ же: кто пишетъ стихи, вѣдь тѣхъ называютъ поэтами. Ну, такъ и вы поэтъ, если стали сочинять стихи.

Андрей Петровичъ совсѣмъ сбился съ толку.

— Что такое... стихи...

Но онъ взглянулъ на бумагу, которую подалъ въ сложенномъ видѣ, и увидалъ въ ней, дѣйствительно, какія-то беззаконно неровныя строчки.

— Что же это такое?!

— Не знаю, — отвѣчалъ Перскій и сталъ вслухъ читать Андрею Петровичу его рапортъ.

Бобровъ чрезвычайно сконфузился и взволновался до

слезь, такъ что Перскій, окончивъ чтеніе, долженъ былъ его успокоивать.

Послѣ этого былъ найденъ авторъ стихотворенія, — это былъ кадетъ Рылѣевъ, на котораго добрый Бобровъ тутъ же сторяча излилъ все свое негодованіе, по скольку онъ былъ способенъ къ гнѣву. А Бобровъ, при всемъ своемъ безконечномъ незлобіи, былъ вспыльчивъ, и «попасть въ стихи» ему показалось за ужасную обиду. Онъ не столько сердился на Рылѣева, какъ вопіялъ:

— Нѣтъ, за что! Я только желаю знать—за что ты меня, разбойникъ, осрамилъ!

Рылѣевъ былъ тронутъ непредвидимою имъ горестью всѣми любимаго старика и просилъ у Боброва прощенія съ глубокимъ раскаяніемъ. Андрей Петровичъ плакалъ и всхлипывалъ, вздрагивая всѣмъ своимъ тучнымъ тѣломъ. Онъ былъ слезливъ или, по-кадетски говоря, былъ «плакса» и «слезомойка». Чуть бы что ни случилось въ немножко торжественномъ или въ немножко печальномъ родѣ, бригадиръ сейчасъ же готовъ былъ расплакаться.

Корпусные солдаты говорили о немъ, что у него «глаза на мокромъ мѣстѣ вставлены».

Но какъ ни была ужасна вся исторія съ «Кулакиадою», Бобровъ, конечно, все-таки помирился съ совершившимся фактомъ, и простилъ его, но сказалъ при томъ Рылѣеву назидательную рѣчь, что литература вещь дрянная, и что занятія ею никого не приводятъ къ счастію.

Собственно же для Рылѣева, говорятъ, будто старикъ высказалъ это въ такой формѣ, что она имѣла соотношеніе съ послѣднею судьбою покойнаго поэта, котораго добрый Бобровъ ласкалъ и особенно любилъ какъ умнаго и бойкаго кадета.

«Послѣдній архимандритъ», который не ладилъ съ генераломъ Муравьевымъ и однажды заставилъ его замолчать, былъ архимандритъ Иринеи, впоследствии епископъ, архіерействовавшій въ Сибири и перессорившійся тамъ съ гражданскими властями, а потомъ скончавшійся въ помраченіи разсудка.

РУССКІИ ДЕМОКРАТЪ ВЪ ПОЛЬШѢ.

Это—маленькая исторійка, но я думаю, что ее тоже, пожалуй, можно примкнуть къ рассказамъ «о трехъ праведникахъ». Такъ говорилъ мнѣ почтенный старецъ, со словъ котораго я записала рассказъ объ инокахъ кадетскаго монастыря, а теперь въ видѣ *post-scriptum* записываю еще одно послѣднее сказаніе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Я поступилъ на службу прямо по выходѣ изъ корпуса въ канцелярію главнокомандующаго дѣйствующею арміею генераль-фельдмаршала князя Паскевича. Это было въ тридцать второмъ году, въ январѣ мѣсяцѣ, — значитъ, вскорѣ послѣ покоренія Варшавы, которая взята въ августѣ тридцать перваго года. Директоромъ этой канцеляріи былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Ѳомичъ Самбурскій, про котораго и пойдетъ моя рѣчь. Его позабыли, и исторія о немъ умалчивается, а онъ былъ человѣкъ замѣчательный и, по моему мнѣнію, даже историческій.

Самбурскій былъ малороссъ и имѣлъ репутацію человѣка необыкновеннаго ума и способностей, а также отличался честностью и непреклонностью убѣжденій. Тогда еще на службѣ такими людьми иногда дорожили, и если не всегда, то хоть изрѣдка о нихъ вспоминали и думали, что безъ нихъ не хорошо, — что они нужны. Притомъ же Иванъ Ѳомичъ былъ невообразимо дѣловитъ: буквально — не было

занятія, къ которому онъ былъ бы неспособенъ и, взявшись за которое, оказался бы не на своемъ мѣстѣ. О честности же, разумѣется, и говорить нечего — на однихъ комисіонерахъ и интендантахъ миллионъ могъ нажить, а онъ ничего не наживалъ и для всѣхъ воровъ былъ неодолимъ. Всякую хитрость провидитъ и *окрулитъ*. Это было извѣстно, и потому при назначеніи Ивана Ѳомича въ директора канцеляріи при Дибичѣ ему было положено двойное жалованье.

Обязанности директора канцеляріи были очень большія и чрезвычайнаго разностороннія. По взятіи Варшавы, тутъ сосредоточивалась и военная, и гражданская переписка по всему Царству Польскому; онъ долженъ былъ возстановить русское правленіе вмѣсто революціоннаго; привести въ извѣстность статьи доходовъ и образовать правильный приходъ и обращеніе финансовъ. Вообще, требовалось организовать дѣло, которое послѣ военнаго разгрома представляло обыкновенный въ такихъ случаяхъ хаосъ.

Это трудъ огромный и почтенный, но неблагодарный. Онъ требуетъ человѣка свѣше обыкновенныхъ способностей и поглощаетъ его всего; а между тѣмъ дѣятельность его не видна и остается почти незамѣчаемою, такъ сказать, черною работою, въ родъ уборки чего-то въ тылу.

Нынче, можетъ-быть, это еще лучше, потому что теперь о тылѣ располагаютъ совсѣмъ иначе, но тогда вся слава и честь почиталась быть на виду — впереди, въ опасности. Въ тылу тогда, бывало, остаются не иначе какъ плачучи. Ну, а уже что при такомъ взглядѣ могла значить канцелярская крыса, — это понять не трудно. Штатскіе, впрочемъ, тогда и повсемѣстно мало гдѣ и за людей были почитаемы. Такое время было, и за это нечего сердиться. У всякаго времени свои странности, а одна изъ тогдашнихъ странностей была — пренебреженіе ко всѣмъ невоеннымъ занятіямъ. Исключеніе дѣлали для одного графа Сперанскаго, но и то ставили это себѣ за неприятную необходимость. Удивительно вспомнить, какъ люди, бывало, съ особенною серьезностью внушали, что «Россія государство не торговое и не земледѣльческое, а военное и призваніе его быть грозою свѣта»... Хомяковъ сказалъ: «мы долго вѣрили среди восточной дѣни и грязной суеты» и проч., — и дѣйствительно, вѣрили. Такъ часто тогда повторялось это мудрое

изреченіе, что, бывало, наслушаешься и начнешь вѣрить. Крымъ это поисправилъ, а то мѣры не было вздорамъ. Разсказывали, напримѣръ, какіе-то полудикіе анекдоты, какъ пришли два офицера въ трактиръ и, видя двухъ штатскихъ, говорятъ лакею: «подай намъ двухъ титулярныхъ совѣтниковъ!» Тотъ недоумѣваетъ, а они ему объясняютъ вслухъ, что титулярные совѣтники—это рябчики. Въ отвѣтъ на это одинъ изъ штатскихъ говоритъ: «а намъ, братецъ, дай двухъ поручиковъ подъ хрѣномъ». Лакей опять недоумѣваетъ, а штатскій изъясняетъ ему гласно, что поручики—это поросята. Этотъ глупый анекдотъ выражалъ настроеніе.

Я самъ помню, какъ разъ вечеркомъ, на томъ мѣстѣ Казанской площади, у садика, гдѣ теперь часто стоитъ тележка чухонца съ выборгскими кренделями, иду я домой, а передо мною идутъ два офицера и говорятъ:

— Видишь штафирку?

Другой отвѣчаетъ: вижу.

И указываютъ другъ другу на чиновничка, который покупаетъ крендельки и завязываетъ ихъ въ платочекъ. Вѣрно, человекъ бѣдный былъ, потому что шляпенка на немъ рыженькая, и самъ онъ тощій, заморенненькій, а на немъ шинелька суконная, ветхая, подолъ подтрепанъ и разрѣзъ сзади,—какъ это дѣлалось.

Одинъ офицеръ говоритъ: давай, разорвемъ его.

Другой отвѣчаетъ: давай.

И тутъ же, на моихъ глазахъ, взяли его за край шинельнаго разрѣза, потянули въ разныя стороны и расположились пополамъ до самаго воротника. Только пыль изъ стараго суконца посыпалась, и крендельки онъ свои, бѣднякъ, разронялъ. А все это совершенно ни за что, да и безъ злобы, а такъ, можно сказать, по глупой манерѣ носились сами съ собою въ какомъ-то священномъ восторгѣ и какъ зыкливые телята брыкались. Я же вамъ объ этомъ упоминаю для того, чтобы показать, какой былъ духъ времени и какое царствовало неблагоприятное для гражданской дѣятельности настроеніе—особенно въ кругу тѣснаго соприкосновенія съ людьми военными.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Самбурскій, съ его правильнымъ умомъ, конечно, отлично понималъ свое время и потому, идучи въ директоры кан-

целярии, зная какъ устроиться. Онъ позаботился не только о деньгахъ, которыхъ у него не было и на которыя онъ естественно имѣлъ право, принимая на себя трудъ большой и чрезвычайно отвѣтственный, но онъ выговорилъ себѣ и такое положеніе, чтобы ему не быть пѣшкой. Онъ не хотѣлъ быть слѣпымъ исполнителемъ чьихъ-либо случайныхъ фантазій, а желалъ имѣть необходимую для пользы службы свободу выбора людей и плана дѣйствій, равно какъ и средствъ къ ихъ исполненію. Съ княземъ Иваномъ Федоровичемъ это было еще необходимѣе, чѣмъ съ Дибичемъ, который былъ очень толковый администраторъ. Съ Паскевичемъ было труднѣе, въ виду очень многихъ свойствъ его характера и манеры распорядиться: инья изъ его распоряженій, бывало, не только неудобно исполнить, но даже иногда нельзя и понять.

Я не знаю, какъ понималъ Паскевичъ въ точности огромныя способности Самбурскаго, на мой взглядъ представляющіяся необычайными; но знаю, что онъ въ душѣ цѣнилъ его превосходную честность. Мнѣ извѣстно также, что онъ былъ прельщенъ однимъ анекдотомъ, который относился къ юношескимъ годамъ Ивана Фомича и заключался въ слѣдующемъ.

Самбурскій былъ бѣдный человѣкъ и нуждался въ работѣ. Работать онъ могъ, разумѣется, только перомъ, къ чему имѣлъ счастливый даръ прекраснаго изложенія мыслей спокойно, плавно и вразумительно. Когда хотѣлъ тронуть или обличить и доказать справедливость,—былъ неподражаемъ. Съ этой стороны онъ сдѣлался извѣстенъ по поводу прошенія, написаннаго имъ для одной бѣдной мелкопомѣстной дворянки, тяжело оскорбленной богатымъ сосѣдомъ. Прошеніе это, поданное императору Александру Павловичу въ четвергъ на Страстной недѣлѣ, растрогало его величество до слезъ, и государь спросилъ: «Кто писалъ?» Вдова назвала Самбурскаго. И это обратило на него вниманіе многихъ. Что же касается самого предмета просьбы, то императоръ велѣлъ переслѣдовать неправильно рѣшенное дѣло, и вдова послѣ многихъ лѣтъ обидъ и страданія была восстановлена въ своемъ правѣ. Самбурскій писалъ мастерски, можетъ-быть, отчасти потому, что онъ превосходно чувствовалъ, вдохновенно проникалъ справедливость и любилъ постоять за нее безъ страха.

Все это у него шло свободно, вольно, натурально, съ какою-то поэтической отвагою типичнаго хохла. Глядя на него, бывало, не разъ вспоминаешь чье-то вѣрное замѣчаніе о малороссахъ, что между ними очень рѣдко встрѣчается середина въ нравственности. Нигдѣ природы не бывають цѣльнѣе и даже отчасти прямолинейнѣе, какъ въ Малороссіи. Тамъ, если честный человѣкъ, такъ ничѣмъ его не своротить, и негодяи, если задаются, такъ тоже бывають ничѣмъ неисправимые. Самбурскій, разумеется, былъ изъ хохловъ перваго сорта.

Но я отбиваюсь отъ анекдота, который располагалъ къ Самбурскому Паскевича, и едва ли не былъ, быть-можетъ, главнымъ поводомъ, почему фельдмаршалъ уважалъ его.

Былъ какой-то ученый, какой-то трудной специальности, говорили, будто астрономъ. Ему надо было написать учебное сочиненіе на какую-то степень по этому предмету, который онъ хорошо зналъ, но былъ совершенно бездаренъ. Сидѣль-сидѣль этотъ ученый, мучился, и пришелъ въ отчаяніе, а Самбурскій былъ къ нимъ вхожъ и въ домѣ друженъ. Видитъ онъ это горе, день, два, мѣсяць, давалъ совѣты, обѣщаль помощь и, наконецъ, разсердясь, говоритъ:

— Да расскажи ты мнѣ все, что тебѣ надо написать.

Тотъ отвѣчаетъ:

— Это нельзя,—это цѣлый предметъ.

— Ну, и рассказывай цѣлый предметъ.

Принудилъ рассказать, выслушалъ, а черезъ недѣлю приносить написанную диссертацію.

Можетъ-быть, тутъ что-нибудь раздуто и преувеличено,— я не знаю, но дословно такой анекдотъ ходилъ о Самбурскомъ, и многіе передавали его даже едва ли не такъ, что Иванъ Ѳомичъ не зналъ астрономіи, но всю ее проникъ одною силою своего остраго ума.

Вообще по всему можно было видѣть, что фельдмаршалъ считалъ своего директора за человѣка необыкновеннаго, котораго надо было уважать; но, тѣмъ не менѣе, это не помѣшало имъ разойтись довольно смѣшно и, такъ сказать, анекдотически. Поводомъ къ этому послужило ихъ несогласіе въ оригинальномъ вопросѣ о самоварахъ, которымъ Иванъ Ѳомичъ Самбурскій надумалъ дать государственную роль въ исторіи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

По благородной простотѣ характера Ивана Ѳомича, у насъ канцелярія была будто его семья. Она вся была небольшая, кажется, человекъ изъ десяти, но какъ въ ней составлялись бумаги самаго секретнаго содержанія, то въ ней люди были собраны съ большою осторожностію и по самымъ надежнымъ рекомендаціямъ. Но разъ какъ человекъ былъ принятъ, Иванъ Ѳомичъ терпѣть не могъ показывать, что онъ его остерегается или имѣть къ нему не полное довѣріе. Эта дрянная, хотя весьма распространенная, манера душъ мелкихъ и подозрительныхъ была чужда его благородному и дальновидному уму. Самбурскій зналъ, что единодушіе ничѣмъ такъ не достигается, какъ любовью, и имѣлъ благоразуміе дорожить сердечными чувствами своихъ младшихъ сотрудниковъ. Молодыхъ людей онъ старался знать со стороны ихъ способностей и въ минуты своего небольшого отдыха всегда съ ними бесѣдовалъ, о чемъ приходило ему въ голову. Этимъ способомъ онъ всегда зналъ настроеніе нашихъ мыслей и силу сообразительности. Бывало, поговорить-поговорить, да смотришь и дасть работу, изъ назначенія которой видишь, что онъ тебя уже совсѣмъ и смѣрилъ. Такого начальника, разумѣется, мудрено не любить и не цѣнить, и мы всѣ были къ нему очень привязаны.

Правая рука его у насъ былъ начальникъ отдѣленія Лахтинъ, очень образованный человекъ, съ которымъ Самбурскій любилъ посоветоваться. Но и совѣты совѣщалъ онъ не по-официальному, а по-семейному, т. е. не наединѣ, «при закрытыхъ дверяхъ», въ насмѣшку надъ которыми тайны, за ними сказанныя, очень быстро разносятся, а Самбурскій говорилъ прямо при насъ, молодыхъ людяхъ, какъ бы приучая тѣмъ насъ къ скромности на всякъ часъ, безъ особыхъ предупрежденій.

Однажды, когда мы такимъ образомъ всѣ были въ сборѣ за своимъ дѣломъ, Самбурскій поднялъ голову отъ бумагъ, назвалъ Лахтина по имени и отчеству и спросилъ его: очень ли онъ занятъ, — что онъ хотѣлъ бы съ нимъ поговорить.

Лахтинъ отвѣчалъ, что у него въ эту минуту особенныхъ занятій нѣтъ и онъ готовъ къ его услугамъ.

Самбурскій и говорить:

— Давно я думалъ объ одномъ предметѣ, а нынче безсонною ночью, ворочая его со стороны на сторону, кажется, додумался до чего-то похожаго на дѣло. Не знаю, каковъ будетъ объ этомъ вашъ судъ, но мнѣнiе ваше знать очень желаю.

Лахтинъ отвѣчалъ, что онъ слушаетъ со вниманiемъ. Мы же оставались, какъ всегда бывало, при своихъ мѣстахъ.

Не смотря на милую доброту Ивана Ѳомича, всѣ мы держали себя съ нимъ крайне почтительно.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

— Каждое царствованiе,—началь Самбурскій:—мы ведемъ здѣсь побойща съ поляками, но самое огромное побойще было теперь; оно стоило денегъ двѣсти миллионъ, а человѣческихъ жертвъ шестьдесятъ тысячъ. Это меня приводитъ въ ужасъ. Сколько вдовъ, сиротъ и стариковъ, которыхъ кормить некому послѣ такой побѣды? За это надо отвѣтъ дать Богу, а между тѣмъ мы отъ своей роли здѣсь отказаться не можемъ, пока не устроимъ своихъ единовѣрныхъ въ Литвѣ и въ юго-западномъ краѣ. Польша—Богъ съ ней; но своихъ мы никакъ не можемъ оставить на произволь судьбы.

Самбурскій,—ошибался онъ или нѣтъ,—былъ того мнѣнiя, что Польша намъ *ненужна* и составляетъ для насъ вопросъ только, пока не упрочены какъ надо юго-западный край и Литва. Поэтому онъ и проектировалъ всѣ свои мѣры для этой окраины и былъ увѣренъ, что если тѣ мѣры выполнить, т. е. если Литва, Волынь и Подолия сдѣлаются совершенно русскими, то о Польшѣ и говорить не стоитъ и беречь ее при себѣ не для чего. Тогда она лѣзть къ намъ подъ бокъ не можетъ чрезъ сплошное единовѣрное намъ населенiе съ русскимъ дворянствомъ и безпокойствъ насъ не будетъ. А что касается собственнаго ея значенiя для Россiи, то Самбурскій сводилъ его къ нулю и говорилъ:

— Надо желать, чтобы она сдѣлалась самостоятельной, надо ее сдѣлать таковою и бросить. Тогда ее сейчасъ же сожрутъ вѣмцы и запаху ея не останется.

Онъ даже думалъ, что Польша намъ вредъ и болѣзнь.

— Наполеонъ,—говорить:—ошибался, называя Кавказъ нашимъ вѣчнымъ чиремъ,—настоящій вѣчный чирій нашъ— Польша, и мы ее будемъ таскать, пока не загородимся полосою западнаго края, а саму Польшу бросимъ. Иначе она намъ нагадитъ, напуститъ внутренняго разлада (что, кажется, и сбывается). Но я возвращаюсь къ прерванному разговору Самбурскаго съ Лахтинымъ.

— Непремѣнно,—сказаль Самбурскій:—надо на будущее время сдѣлать невозможными такія кровопролитія; а если вести дѣла такъ, какъ они ведутся, то нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что это когда-нибудь кончится. Усмиримъ мятежь, подсычемъ старые корни, а молодые побѣги опять отрыгнуть, и черезъ нѣсколько лѣтъ снова готова такая же исторія.

Лахтинъ качнулъ въ знакъ согласія головою и сказалъ:

— Это иначе и быть не можетъ.

— Да; это очень естественно,—согласился Самбурскій:—если прилагать къ нашимъ расправамъ съ Польшей одинъ узкій масштабъ военныхъ занятій западнаго края, то это не можетъ быть иначе. Пушки и ружья, по моему мнѣнію, не имѣютъ того вліянія, какое нужно, чтобы разъ навсегда отучить поляковъ отъ неумѣстныхъ претензій на Литву и на юго-западный край, населенный народомъ, который поляковъ не любитъ. Нужно еще особое орудіе.

— Какое же?

— А вотъ отгадайте.

— Не могу,—отвѣчалъ Лахтинъ.

Самбурскій улыбнулся и сказалъ:

— Это орудіе—самоваръ.

— Что-о такое?!

— Самоваръ-съ, самоваръ, Николай Андреевичъ,— простой русскій самоваръ.

Тутъ уже и мы, «молодшіе люди», слыша, что наши наибольшіе договорились до такихъ странностей, перестали работать и подняли головы съ недоумѣніемъ, чѣмъ это разъяснится: серьезнымъ дѣломъ или шуткою.

— Приходило ли вамъ когда-нибудь на мысль положеніе престарѣлаго офицера?—продолжалъ Самбурскій.

— Очень много разъ приходило,—отвѣчалъ Лахтинъ.

— Вот видите! Значить, у кого есть нѣкоторый жаръ въ сердцѣ и любовь къ человѣчеству, то ко всякому такому человѣку этотъ вопросъ бьется. Это недаромъ: въ че-нибудь сердцѣ онъ хочетъ достучаться. Теперь посмотрите дальше, сколько у насъ въ арміи изъ офицеровъ людей женатыхъ, особенно вверхъ отъ капитанскаго чина... Это уже настоящіе стратотерпцы: служатъ они, и на службѣ имъ нѣтъ никакой радости, а подъ старость и угла нѣтъ, гдѣ приклонить голову. Хорошо, который куда-нибудь городничимъ попадетъ, да будетъ морковью или потрохами на базарѣ взятки брать, или у арестантовъ изъ трехкопеечнаго содержанія половину воровать станетъ. Но, вѣдь, очень немного такихъ счастливецъ, которымъ такая карьера выпадетъ, а то жаль смотрѣть чѣмъ занимаются...

Лахтинъ отозвался:

— Это правда!

— Да какъ же не правда! — продолжалъ Самбурскій. — Пока молодъ да легкомысленъ, онъ и въ восторгѣ: его занимаетъ, что и шпоры звенять, и эполеты блестять, а какъ съ лѣтами въ разумъ начнетъ приходить, такъ, вѣдь, — сдѣлайте вашу милость... мишура-то слетитъ и очень горько станетъ.

— Ропщутъ, — молвилъ Лахтинъ.

— Да: ропщутъ, но очень мало ропщутъ, — отвѣчала, продолжая матерію, Самбурскій. — Удивительные люди, — праведники. Иной бы, поди, какого шума надѣлалъ и цѣлый бы вѣкъ все визжалъ, а нашъ съ сердцовъ за чаркой зелена вина гдѣ-нибудь выругается, а потомъ завьется горе веревочкой, да такъ всю жизнь съ обрывкомъ и ходитъ. Только не дергай его за этотъ узелокъ, потому что у него тутъ большое мѣсто завязано. Все, все простить ему надо, и даже свѣчку поставить. Служилъ какъ слѣдуетъ, сколько разъ его могли убить и изувѣчить, а другой, можетъ-быть, и изувѣченъ, а между тѣмъ, война кончится, составъ войскъ введется на мирное положеніе, и тысячи этихъ оставныхъ слугъ отечества идутъ въ заштатъ. Разумѣется, это въ порядкѣ вещей, да смотрѣть-то на нихъ жалко въ этомъ положеніи. Хорошо, который куда-нибудь на частную должность примкнетъ къ откупу, или къ какой конторѣ... Разумѣется, не особенно высокоблагородно, но, по крайней

мѣрѣ, спрятанъ отъ когтей нужды и питается; а то на выдумки идутъ: янтарьки продаютъ, просьбы по постояннымъ дворамъ пишутъ, въ трактирахъ фокусы показываютъ,— всего и не перечесть.

— И не дай Богъ,—вставилъ Лахтинъ.

— Именно, не дай Богъ, а между тѣмъ, въ такомъ печальномъ исходѣ совѣмъ нѣтъ никакой необходимости. Если объ этомъ хорошенько подумать, то есть даже средство не только оказать оторваннымъ отъ мирныхъ занятій военнымъ людямъ справедливость, но выставить прямо отечество благодарнымъ къ своимъ слугамъ, — и въ то же время за одинъ пріемъ достигнуть высшаго государственнаго плана — пресѣчь возможность повторенія безпокойной аристократической крамолы. Вотъ въ чемъ дѣло: вамъ, какъ и мнѣ, извѣстно количество казенныхъ и конфискованныхъ магнатскихъ земель на Литвѣ и въ юго-западномъ краѣ. Казнѣ онѣ не принесутъ дохода,—все съѣстъ администрація. По-моему, выгоднѣе будетъ отдать ихъ въ частныя руки. Я сообразилъ и расчелъ, что изъ нихъ можно накрошить двадцать пять тысячъ небольшихъ помѣщичьихъ имѣній, изъ которыхъ каждое можетъ приносить отъ пяти до шести тысячъ годового дохода.

— Я думаю, вы не ошиблись,—сказалъ Лахтинъ.

— Расчетъ мною сдѣланъ вѣрно. Необходимо только, чтобы всѣ эти земли явились въ трудолюбивыхъ рукахъ, и именно въ рукахъ воиновъ, поработавшихъ для водворенія здѣсь русскаго владычества. Офицеры въ правахъ и въ исторіи малосвѣдущи, но они хорошо знаютъ, чего имъ стоило усмирить разыгравшійся здѣсь мятежъ, и потому оцѣнять все настоящимъ образомъ, безъ фантазій. При томъ же это будетъ имъ справедливымъ вознагражденіемъ, за которое они будутъ благодарны правительству и усугубить свою преданность. А чтобы и казна своего не теряла—даромъ ничего давать не нужно, даровое всегда слабо цѣнится. А надо благоразумно перевести эти земли изъ непроизводительнаго казеннаго управленія въ частныя руки, и для этого есть средства. Стоитъ только образовать банкъ или другое какое кредитное учрежденіе съ специальною цѣлью помочь приобрѣтенію этихъ земель русскими воинами на льготныхъ для выплаты условіяхъ, и цѣль эта будетъ вполне достигнута. А когда на двадцати пяти тысячахъ

мѣсть стануть двадцать пять тысячъ русскихъ помѣшчичьихъ домиковъ, да въ нихъ передъ окнами на балкончикахъ задымятся двадцать пять тысячъ самоваровъ и поѣдетъ со сѣдъ къ сосѣду съ семействомъ на тройкахъ, заложенныхъ по-русски, съ валдайскимъ колокольчикомъ подъ дугою, да съ бубенцами, а на козлахъ отставной денщикъ въ тверскомъ шлыкѣ съ павлиньими перьями заведетъ: «Не одну во полѣ дороженьку», такъ это будетъ уже не Литва и не Велико-Польша, а Россія. Единовѣрное намъ крестьянское населеніе какъ заслышитъ пыхтѣнье нашихъ веселыхъ тульскихъ толстопузиковъ и разстилающійся отъ нихъ дымъ отечества, — сразу пойметъ, кто здѣсь настоящіе хозяева, да и поляки увидятъ, что это не шутка и не «збуиство да здраиство», какъ они называютъ наши нынѣшнія военные нашествія и стоянки, а это тихое, хозяйственное заселеніе на всегдашнія времена, и дѣло съ возстаніями будетъ покончено.

Лахтинъ вскричалъ:

— Это великолѣпно!

— Вы одобряете?

— Великолѣпно, Иванъ Ѳомичъ, великолѣпно!

А мы, — хотя насъ не спрашивали, — подъ вліяніемъ проникшаго насъ горячаго чувства, всѣ встали, поклонились Ивану Ѳомичу и безъ уговора сказали ему:

— Богъ въ помощь! Богъ въ помощь!

Онъ откланялся намъ жестомъ руки и сказалъ:

— Отъ души благодарю, господа, — ваше сочувствіе мнѣ дорого и дай Богъ, чтобы наше — какъ вижу — общее желаніе исполнилось ко благу нашей родины. А чтобы не оставаться долго на этотъ счетъ въ томительной нерѣшимости, — я сейчасъ отправлюсь къ фельдмаршалу и сейчасъ же представлю ему мою мысль.

Онъ всталъ, перекрестился, сказалъ: «Господи благодолви!» — и вышелъ.

Мы, провожая его глазами, желали ему удачи. И хотя все это происходило въ канцеляріи, гдѣ торжественныхъ минутъ сердечнаго восхищенія по штатамъ не полагается, но тутъ оно было. Мы чувствовали, какъ сердца наши въ насъ горѣли, при мысли, что цѣлыя двадцать пять тысячъ семействъ нашихъ военныхъ трудниковъ разведутъ себѣ по домамъ и на полянкахъ свои самовары и стануть по-

паривать своимъ чайкомъ свои косточки, подъ своею же кровлею, которую дало имъ за ихъ кровную службу отечество.

Конечно, можетъ-быть, теперь за это кто-нибудь и осудитъ, но надо было быть ближе къ тому времени, котораго это касается, и видѣть во-очію мужественныхъ людей, судьбу которыхъ по отставкѣ просто и трогательно намъ вспоминуть Иванъ Ѳомичъ. Тогда станетъ понятно то чувство, какое мы испытывали, и оно было, дѣйствительно, патріотическое чувство, хотя и родилось въ канцеляріи.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Вечеромъ мы въ своихъ кружкахъ думали и гадали: каковы могутъ быть послѣдствія смѣлаго и, какъ намъ казалось, гениальнаго по своей простотѣ предложенія Ивана Ѳомича? Намъ казалось невозможнымъ, чтобы фельдмаршалъ не внялъ его представленіямъ и не позволилъ изыскать средства къ ихъ осуществленію.

Одинъ только, — былъ у насъ другой начальникъ отдѣленія, Ивашинъ, съ русской фамиліею, но хохоль, онъ былъ грубоватъ и выражался не изысканно, — такъ онъ не то что сомнѣвался, но не отрицалъ возможности сомнѣнія, и тѣмъ насъ огорчалъ. Онъ, лѣниво цѣдя слова сквозь зубы, сказалъ:

— Перестаньте угадывать и ждите утра: не угадаете; можетъ случиться и то, чего не можетъ быть. Совершенно невозможно на свѣтѣ только одно, — козырнаго туза покрыть, этого уже никакой чудотворецъ не сдѣлаетъ.

Добрѣйшій Яковъ Ѳомичъ (такъ звали Ивашина) былъ и умникъ, и дѣлецъ, и характера самаго достойнаго, но любилъ, къ своему наслѣдственному гадячскому или кролевецкому остроумію, подпустить благопріобрѣтеннаго волтеріанства. Особенно онъ лихъ былъ насчетъ чудесъ, которыя имѣлъ слабость считать личною для себя обидою, и всегда имѣлъ при себѣ наготовѣ этого козырнаго туза, котораго, по его словамъ, «никакой чудотворецъ не покроетъ».

Но ночь прошла въ мирномъ снѣ, или, кому спать не хотѣлось, — въ другихъ какихъ-либо занятіяхъ, а на утро приходитъ въ канцелярію Лахтинъ и говорить:

— Свиданіе Ивана Ѳомича съ фельдмаршаломъ было

какъ нельзя больше благоприятно. Больше ничего вамъ сказать не могу, но Иванъ Ѳомичъ самъ все разскажетъ.

Самбурскій, какъ пришелъ, подписалъ заготовленные къ этому дню бумаги и потомъ говорить:

— Поздравляю всѣхъ васъ, господа, съ радостною работою. Фельдмаршалъ, выслушавъ мои соображенія, о которыхъ здѣсь вчера было говорено, изволилъ выразить этому дѣлу свое сочувствіе и желаетъ, чтобы были составлены самыя точныя и полныя свѣдѣнія съ возможно подробнымъ кадастровымъ описаніемъ, по которому можно было бы судить о достоинствѣ и стоимости имѣній. Это работа сложная и трудная, потому что мало данныхъ, но тѣмъ болѣе чести ее исполнить, и я надѣюсь, что тутъ мы себя покажемъ достойными его довѣрія и исполнимъ все какъ только возможно и съ большою радостію.

Дѣйствительно, работали съ радостію. Откуда только что возможно было выбрать — все собрали. А самъ Иванъ Ѳомичъ въ это время изготовилъ свой проектъ, который, какъ все имъ писанное, былъ излеженъ мастерски и пошелъ въ ходъ. Прежде чѣмъ готовы были наши кадастры и смѣты, потребныя уже къ заключительному дѣлежу и разсадкѣ двадцати пяти тысячъ нашихъ воиновъ, которые должны были поставить свои самовары и напустить здѣсь пріятнаго намъ отечественнаго дымку, князь былъ введенъ Самбурскимъ во всѣ его соображенія.

Все остальное дѣлалось скоро, мы спѣшили изготовить дѣло къ поѣздкѣ фельдмаршала въ Петербургъ, и изготовили такъ благовременно, что онъ могъ до отъѣзда изучить и детали дѣла. Это было необходимо для обстоятельнаго объясненія на каждый могущій возникнуть въ Петербургѣ вопросъ. Самбурскій былъ очень доволенъ, что князь вникаетъ въ дѣло внимательно и даже дѣлаетъ себѣ отмѣтки о земляхъ.

Послѣднее было тѣмъ радостнѣе, что Иванъ Ѳомичъ, имѣвшій на рукахъ кучу дѣлъ, не могъ оставить Варшавы и не сопровождалъ фельдмаршала. Стало-быть очень важно было, чтобы онъ все зналъ и могъ все совершить, не требуя какихъ-нибудь частныхъ разъясненій.

Самбурскій не ошибся: фельдмаршалъ, дѣйствительно, вполне овладѣлъ предметомъ и сочинилъ собственный планъ, какъ этимъ дѣломъ распорядиться.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Паскевичъ уѣхалъ, а мы въ это время въ своей канцеляріи все возились съ эмеритурою и вообще уравненіемъ русскихъ чиновниковъ въ выгодахъ службы съ чиновниками изъ поляковъ, которые имѣли многія преимущества. У насъ это дѣло поднималъ и горячо, но безуспѣшно разработывалъ Ивашинъ, а мы всё ему помогали, только безъ пользы. Это отсрочилось до новыхъ исторій, когда насъ тамъ уже не было. При насъ, какъ ни горячился Ивашинъ, русскіе чиновники военнаго министерства все получали за выслугу 35 лѣтъ 150—200 р. пенсіи, а чиновники Царства Польскаго изъ поляковъ по той же должности получали за выслугу 25 лѣтъ по 6,000 злотыхъ эмеритальнаго пенсіона. Ивашинъ представилъ это Паскевичу, и тотъ нашелъ это неправильнымъ и позволилъ открыть переписку съ разными вѣдомствами. Всѣмъ намъ хотѣлось упорядочить это такъ, — чтобы русскимъ не обидно было противъ поляковъ, но не вышло по нашему. Свѣдѣнія о штатахъ доставлялись плохо, и это намъ причиняло много хлопотъ, за которыми мы и не замѣтили, какъ прошло время отъѣзда свѣтлѣйшаго и онъ снова вернулся въ Варшаву.

Передъ возвращеніемъ князя ни снова никто не видалъ, ни мыши изъ норъ не выходили, ни невидимая нежить тяжелою ступнею по полу не расхаживала и не трещала половицами, словомъ, ничто никого не выживало, а между тѣмъ для всѣхъ насъ былъ готовъ ударъ, самый неожиданный и очень вредный для дѣла, но отчасти и нелишennyй комизма, или, лучше сказать, горькой проиіи.

Самбурскій видѣлся съ фельдмаршаломъ по его возвращеніи не изъ первыхъ, и притомъ не съ-глазу-на-глазъ, а на официальномъ выходѣ.

Иванъ Оомичъ не былъ самолюбивъ въ дурномъ смыслѣ этого слова, да и укола въ этомъ его самолюбіи не было, но было другое, чего онъ имѣлъ причины не желать и опасаться. Было замѣтно, что свѣтлѣйшему какъ будто неловко или, по крайней мѣрѣ, неприятно что-то сообщить своему директору, котораго умомъ и соображеніями онъ самъ гордился, а честность его уважалъ.

Но, конечно, игры нельзя было тянуть долго: при пер-

вомъ же докладѣ, будетъ или не будетъ рѣчь о томъ, что фельдмаршалу неприятно, — Самбурскій съ его прозорливостью прочтетъ князя; да и самому князю, который никого не боялся — нескладно же такъ институтски конфузиться липа ему подчиненнаго, какимъ былъ Самбурскій.

Паскевичъ, конечно, все это зналъ и не могъ поступить иначе, какъ поступилъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Самбурскій возвратился съ доклада князю не скоро, но вошелъ въ канцелярію спѣшными шагами, былъ красенъ и разстроенъ.

Онъ роздалъ начальникамъ отдѣленія Ивашину и Лахтину принесенныя съ собою бумаги и, послабивъ пальцемъ галстукъ, сказалъ:

— Господа! я съ вами прощаюсь.

Услыхавъ это, мы всѣ вскочили съ мѣсть и, забывъ всякую дисциплину, бросились къ нему и осыпали его вопросами: что, какъ и для чего?

— Я подаю въ отставку.

Всѣ опять заговорили:

— Для чего, Иванъ Омичъ, для чего?

Онъ отвѣчалъ: представленіе мое рѣшено иначе, — князь имѣеть майоратъ, который долженъ приносить 200,000 злотыхъ, нѣсколько другихъ лицъ получили меньшіе участки съ доходами тысячъ до 60, и т. д. Въмѣсто многихъ маленькихъ русскихъ осѣдлыхъ помѣщиковъ будетъ только очень немного крупныхъ, и притомъ такихъ, которые никогда въ своихъ деревняхъ не сидятъ, — самоваровъ на столъ не ставятъ и за чаемъ по-русски не говорятъ. Такого оборота я не ожидалъ и не могъ придвидѣть, но эта игра не стоитъ свѣчь. Если бы я зналъ, что это случится, то я задушилъ бы въ себѣ эту мысль, которую столько времени носилъ и въ значеніи которой для Россіи и для Польши не сомнѣваюсь. Но теперь она совершенно испорчена и, чтобы ее поправить, надо ожидать новаго возстанія и новыхъ конфискацій... Безъ этого и не обойдется, но одно воображеніе объ этомъ меня угнетаетъ. Я этого снести не могу.

Мы заговорили: ну, что Иванъ Ѳомичъ, — все можетъ измѣниться: фельдмаршалъ васъ уважаетъ и любитъ...

— Да; благодарю его, — перебилъ Самбурскій: — онъ меня не забылъ, — мнѣ тоже предложено выбрать себѣ майоратъ, но я этимъ не воспользуюсь, — я отъ него отказался. Передо мною была открыта возможность полнѣйшей оцѣнки всѣхъ земель и угодій вовсе не за тѣмъ, чтобы я могъ выбрать себѣ лучшее. Служить каждому правительству нужно честно, а тѣмъ болѣе правленію монархическому, гдѣ государь одинъ править, и потому кому онъ вѣритъ, тому грѣхъ и стыдъ не хранить и не беречь его довѣрія, а думать о себѣ. Отъ этого падаетъ уваженіе ко всему правительству. Въ разговорѣ со мною было употреблено слово «демократъ». Оно шло, очевидно, по моему адресу... Что же, — я принимаю и не обижаюсь; демократъ — не демагогъ. Быть демократомъ, между прочимъ, значить желать счастья возможно большому числу людей. Я этого желаю, и, по моему, въ этомъ нѣтъ ничего дурного. Аристократія желаетъ противоположнаго: господства своего меньшинства. «Нельзя безъ аристократіи». Есть такой взглядъ, но только я его не раздѣляю. Аристократіи есть мѣсто въ Англии и тамъ я ее понимаю, хотя и тамъ считаю несправедливою и недолговѣчною; — роль аристократизма въ польской исторіи вижу только губительную, а въ русской исторіи никакого мѣста аристократизму вовсе не нахожу, ибо строй нашей монархіи демократическій. Въ другія начала я не вѣрю и служить имъ не могу. У меня есть хлѣбъ, — пенсіонъ, который я выслужилъ, а у жены моей въ Петербургѣ, на Воскресенской набережной, есть домикъ, въ которомъ мы и можемъ дожить нашу старость. Прощайте: служите честно, а меня не уговаривайте остаться. — При этомъ онъ горько улыбнулся и, обратясь съ шутливою иронію къ Ивашину, — добавилъ:

— Ваше взяло, Яковъ Ѳомичъ, — козырнаго туза, дѣйствительно, ничѣмъ не покроешь, а мои самоварчики заглохли и съ тѣмъ роль моя кончена.

Такъ оно и было для него кончено. Онъ выѣхалъ изъ Варшавы, имѣя тѣ же ограниченные достатки, съ какими пріѣхалъ. Поляки, считавшіе Самбурскаго человѣкомъ спра-

ведливымъ и весьма его уважавшимъ; были, однако, чрезвычайно рады его паденію. Его планъ о двадцати пяти тысячахъ самоваровъ сдѣлался имъ извѣстенъ черезъ закрытыя двери Петербурга или Варшавы и напугалъ ихъ хуже самыхъ большихъ пушекъ. Они ужаснулись этого плана, вредоносность котораго для всѣхъ ихъ затѣй была такъ очевидна по его необыкновенной простотѣ и органической прочности. Отдача казенныхъ и конфискованныхъ земель большими маіоратами, въ сравненіи со страшнымъ планомъ о самоварахъ, казалась легкою и сравнительно совсѣмъ безопасною для польскаго патриотизма, — что и оправдалось.

Самбурскій выѣхалъ скоро; съ фельдмаршаломъ они прощались въ палаткѣ, которая стояла у Паскевича въ комнатѣ. Разлука, вѣроятно, была теплая, потому что Самбурскій, выйдя, казался растроганнымъ. На виду предъ всѣми они еще поцѣловались, а когда Иванъ Ѳомичъ возвратился домой, прислуга, убиравшая его плащъ, нашла въ его карманѣ и подала Самбурскому пакетикъ, въ которомъ оказалась записочка на польскомъ языкѣ. Это было нѣчто въ родѣ диплома, выданнаго «дѣйствительному русскому демократу Самбурскому» на званіе «государственнаго самовара» (samowara panstwa).

Надъ этой польской шуткой, которую немудрено было устроить въ многолюдной лакейской, конечно, только и оставалось посмѣяться.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Вмѣсто Самбурскаго директоромъ канцеляріи былъ назначенъ Я — чъ, человекъ совсѣмъ другого сорта и другихъ правилъ. Онъ на первыхъ же порахъ столкнулся съ Ивашинымъ, который все еще продолжалъ хлопотать объ эмеритурѣ для русскихъ чиновниковъ. Повздоривъ съ начальникомъ отдѣленія, новый директоръ сказалъ ему:

— Я не могу съ вами служить.

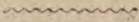
— И мнѣ тоже это очень непріятно, — отвѣчалъ Ивашинъ: — просите себѣ перемѣненія или выходите въ отставку.

Того это ужасно обидѣло и онъ пожаловался Паскевичу.

— Ты ничего не понимаешь, и долженъ цѣнить людей, которыхъ тебѣ оставилъ Самбурскій, — отвѣчалъ фельдмар-

шаль.—А докучное дѣло объ уравниеніи служебныхъ выгодъ, приносившее много хлопотъ по сношеніямъ, приказаль «бросить».

Всему этому надо было долежаться до позднѣйшаго времени и до другихъ русскихъ дѣателей, которымъ удалось сдѣлать въ этихъ вопросахъ болѣе того, что могъ сдѣлать Самбурскій. Чести ихъ это, разумѣется, нисколько не уменьшаетъ, но для исторической вѣрности и справедливой оцѣнки событій, можетъ-быть, не лишнее знать, что идеи князя Владиміра Александровича Черкаскаго гораздо прежде его трудовъ въ Польшѣ имѣли перваго дальнозоркаго, дѣятельнаго и притомъ самоотверженнаго и безкорыстнѣйшаго представителя въ лицѣ Ивана Ѳомича Самбурскаго. Такихъ людей достойно знать и въ извѣстныхъ случаяхъ жизни подражать имъ, если есть сила вмѣстить благородный патриотическій духъ, который согрѣвалъ ихъ сердце, окрылялъ слово и руководилъ поступками.

Оглавление

III ТОМА.

	стр.
Запечатлѣнный Ангель	5
Праведники:	
Предисловіе	73
Однодумъ	76
Пигмей	108
Кадетскій монастырь	122
Прибавленіе къ разсказу о кадетскомъ монастырѣ	154
Русскій демократъ въ Польшѣ	158

<http://rcin.org.pl>

<http://rcin.org.pl>

<http://rcin.org.pl>

Б

24.124/3-5

Рисунокъ утвержд. Правительствомъ.

<http://rcin.org.pl>